

БУЛЕТИНУЛ

АКАДЕМИИ ДЕ ШТИИНЦЕ А РСС МОЛДОВЕНЕШТЬ

ИЗВЕСТИЯ

АКАДЕМИИ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР

СЕРИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ
НАУК

2
1974

БУЛЕТИНУЛ

АКАДЕМИЕЙ ДЕ ШТИНЦЕ А РСС МОЛДОВЕНЕШТЬ

ИЗВЕСТИЯ

АКАДЕМИИ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР

РЕДАКТОР НАУЧНОГО ЖУРНАЛА

ИЗДАНИЕ В 1974 ГОДУ
№ 2
СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА»

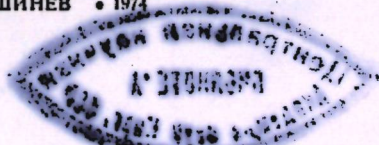

СЕРИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ
НАУК

2

1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА» • КИШИНЕВ • 1974

Б. К. ВИЗЕР, П. В. СОВЕТОВ,
В. С. ЗЕЛЕНЧУК, Н. А. ДЕМЧЕНКО

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ СОВЕТСКОЙ МОЛДАВИИ (историографический обзор)

Молдавский народ в своем историческом развитии прошел сложный путь. Исключительную роль в его судьбах сыграла вековая дружба с великим русским, украинским и другими народами нашей многонациональной страны. Благодаря их помощи молдавский народ выстоял в долголетней борьбе с иностранными захватчиками, осуществил коренные социально-экономические преобразования в послеоктябрьский период и в настоящее время вместе со всем советским народом под руководством КПСС принимает активное участие в создании материально-технической базы коммунизма.

12 октября 1974 г. исполняется 50 лет со дня образования Молдавской ССР и Коммунистической партии Молдавии. «Создание молдавской советской государственности и республиканской партийной организации, — отмечается в постановлении Центрального Комитета Компартии Молдавии «О 50-летию образования Молдавской Советской Социалистической Республики и создания Коммунистической партии Молдавии», — стало поворотным пунктом в исторических судьбах молдавского народа. Оно явилось результатом победы Великой Октябрьской социалистической революции, последовательного осуществления Коммунистической партией ленинской национальной политики, образования первого в мире многонационального социалистического государства — Союза ССР».

Огромные успехи, достигнутые республикой в политическом, экономическом и культурном строительстве, стали возможны благодаря неустанному вниманию и всесторонней помощи ЦК КПСС и Советского правительства, поддержке всех народов Страны Советов. Изучение исторического пути, пройденного республикой, традиций дружбы молдавского народа с другими народами страны, его борьбы за Советскую власть, освещение героических этапов на пути построения социализма и коммунизма являются важными средствами в идеологическом и интернациональном воспитании трудящихся. Большой вклад в это дело вносят историки, археологи, этнографы, представители других общественных наук. Молдавская историческая наука в настоящее время располагает большим количеством опубликованных исследований: статей, брошюр, монографий. Предприняты удачные попытки дать историографические обобщения опубликованной литературы¹. В настоящей

¹ Я. С. Гросул, Н. А. Мохов. Историческая наука Молдавской ССР. М., 1970; Г. Д. Смирнов, Л. Л. Полевой. Археология Молдавии в годы Советской власти. — «Советская археология». 1967, № 3; Ю. Я. Баскин, П. В. Советов. Некоторые проблемы создания курса «Истории государства и права Молдавской ССР». — «Учен. зап. Кишиневск. гос. ун-та», т. 52, 1960; С. Я. Афтенюк, К. В. Стратиевский. О разработке истории социалистического и коммунистического строительства в Молдавии. — В кн.: «Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР». М., 1962.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Академики АН МССР Я. С. Гросул (ответственный редактор), И. Г. Будак (зам. ответственного редактора), члены-корреспонденты АН МССР Д. Т. Урсул, Н. А. Мохов, доктор философских наук В. Н. Ермуратский, кандидаты исторических наук Б. К. Визер, В. С. Зеленчук, А. С. Есауленко, Л. Е. Репида, И. Э. Левит, П. В. Советов, кандидат философских наук А. И. Бабий (ответственный секретарь), Н. А. Керару.

статье представлен обзор ряда важных исторических работ по проблемам общественного развития Молдавии, которые нашли свое воплощение в монографических исследованиях.

Молдавская советская историография является составной частью советской исторической науки. Она создана и развивается под влиянием и при помощи крупнейших ученых и научных центров страны. В связи с оккупацией в 1918 г. Бессарабии королевской Румынией научная разработка истории молдавского народа на основе марксистско-ленинской методологии начала осуществляться в левобережной Молдавии, в Молдавской АССР. Основным направлением публикаций историков-молдавоведов стали исследования революционных событий в Молдавии и борьбы с иностранными интервентами, массовых народных восстаний против румыно-боярских оккупантов и разоблачение фальсификаций румынских и молдавских буржуазных националистов, стремившихся теоретически обосновать захват и порабощение Бессарабии. Важное значение для развития исторической науки в Молдавии имели созданный в 1928 г. при Президиуме ЦИК Молдавской АССР научный комитет, а также работа, проводимая Истпартом Молдавского обкома КП(б)У по сбору материалов и публикации статей, относящихся к истории Октябрьской революции и гражданской войны.

Одной из важнейших проблем молдавской советской историографии, как и молдавской социалистической культуры вообще, явилась подготовка кадров. Специалистов-историков для Молдавии начали готовить вузы Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы и других городов, а с 1937 г. Тираспольский педагогический институт. К концу 30-х годов республика уже располагала отрядом специалистов, которые приступили к более глубокому обобщению опыта социалистического строительства в Молдавской АССР. Итогом этой работы явилась подготовка и издание в 1939 г. сборника статей «Советская Молдавия», осветившего успехи этой грандиозной работы в республике за 1924—1939 гг.² В 1939 г. в МАССР был создан Научно-исследовательский институт истории, экономики, языка и литературы.

Марксистская историография развивается и в Бессарабии, хотя в тяжелых условиях оккупационного режима это было невероятно трудным делом. В изданиях подпольной и легальной коммунистической печати, организаций, действовавших под руководством коммунистов, публиковались статьи, правдиво освещавшие события в Румынии и оккупированной Бессарабии, а также достижения социалистического строительства в СССР и в Молдавской АССР³.

С воссоединением Бессарабии с Советской Родиной в 1940 г. и образованием Молдавской ССР начинается новый этап в изучении истории Молдавии. В результате научно-исследовательской деятельности историков республики до Великой Отечественной войны была опубликована работа, в которой отразились достижения Советской Молдавии в социалистических преобразованиях, в развитии экономики и культуры⁴.

В период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы основное внимание ученых Молдавии уделялось разоблачению агрессивной политики фашистов, проблемам укрепления дружбы молдавского народа с другими братскими народами СССР, раскрытию ре-

акционной сущности колониального боярско-румынского режима в бывшей Бессарабии⁵.

В августе 1947 г. XIII Пленум ЦК КП Молдавии принимает решение о подготовке сводного марксистского курса по истории Молдавии. С помощью ученых Москвы, Ленинграда, Киева историки республики подготовили и издали двухтомную историю Молдавской ССР⁶, в которой впервые с марксистско-ленинских позиций была изложена общая концепция исторического процесса в Молдавии, дана периодизация и характеристика социально-экономического и политического развития края. Впервые в молдавской историографии на конкретном историческом материале были раскрыты факты массовой борьбы против угнетателей и прослежены великие традиции русско-молдавско-украинских связей⁷.

Выход в свет этого труда завершает целый этап в развитии исторической науки республики. Подготовка кадров ученых-историков, выявление и изучение источников, широкие археологические раскопки, развернувшиеся на территории республики в послевоенные годы, — все это создало необходимые условия для последующего углубленного исследования проблем истории Молдавии.

Главными центрами таких исследований стали Институт истории АН Молдавской ССР и Институт истории партии при ЦК КП Молдавии — филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Исследования ведутся и на соответствующих кафедрах вузов республики, прежде всего на историческом факультете Кишиневского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени В. И. Ленина. Практически изучение истории Молдавии и публикации научных работ проводятся по всем вопросам в самом широком плане, начиная с древнейших времен и до наших дней.

* * *

До Великой Октябрьской социалистической революции на территории Молдавии проводились лишь эпизодические раскопки древних памятников. В период боярско-румынской оккупации Бессарабии практически археологии как науки здесь не существовало. С образованием Молдавской ССР и особенно в послевоенный период начались планомерные, широкие археологические исследования.

Археология в Молдавии развивалась при непосредственной помощи и в творческом содружестве с учеными Москвы, Ленинграда, Киева, Львова и других городов страны. Ведущая роль в этом и сегодня принадлежит Институту археологии АН СССР (Москва) и его филиалу в Ленинграде.

Вслед за первой экспедицией, организованной Институтом истории материальной культуры АН СССР (Институт археологии АН СССР) и Институтом археологии АН УССР (экспедиция работала в 1946 г. в Молдавии под руководством П. П. Ефименко), были созданы две

⁵ В. М. Сенкевич. Советская Молдавия в борьбе против фашистских захватчиков. М., 1944; его же. Исторические связи молдавского народа с великим русским народом. Кишинев, 1947; А. Дольник. Бессарабия под властью румынских бояр (1918—1940 гг.). М., 1945 и др.

⁶ История Молдавии (от древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции), т. I. Под ред. А. Д. Удадьцова и Л. В. Черепнина. Кишинев, 1951; История Молдавской ССР (от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней), т. II. Под ред. С. П. Трапезникова и Н. А. Мохова. Кишинев, 1955.

⁷ Я. С. Гросул, Н. А. Мохов. Указ. соч., с. 47.

² Советская Молдавия (1924—1939). Тирасполь, 1939.

³ Я. С. Гросул, Н. А. Мохов. Указ. соч., с. 43—44.

⁴ Молдавия в великой семье республик Советского Союза. Кишинев, 1941.

постоянно действовавшие экспедиции: в 1947 г. — Молдавская археологическая (руководители — ученые Москвы — М. В. Воеводский и Т. С. Пассек), основной задачей ее было изучение памятников первобытности; в 1950 г. — Прутско-Днестровская (руководитель — московский археолог Г. Б. Федоров), исследовавшая средневековые археологические памятники. Они стали школой молодых кадров археологов республики, совершенствовавших свою подготовку в аспирантуре и в качестве стажеров головных археологических институтов АН СССР.

Под руководством ведущих ученых страны были определены основные направления археологических работ в республике. Молдавия, бывшая еще тридцать лет назад, по существу, белым пятном в археологии, сейчас стала одной из хорошо исследованных территорий нашей страны.

Открытие многочисленных поселений древнего и среднего каменного века (Выхватинцы, Старые Дурунторы, Мерсына, Бутешты, Чутолешты, Рашков и др.) позволило осветить проблемы взаимодействия и эволюции культур на стыке трех больших ареалов: Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. В исследования палеолита и мезолита Молдавии внесли значительный вклад археологи Ленинграда — П. И. Борисовский, Н. К. Анисюткин, Г. В. Григорьева и Львова — А. П. Черныш.

Раскопки поселений и могильников нового каменного и медно-каменного веков (Флорешты, Сороки, Новые Русешты, Выхватинцы, Варваровка и др.) связаны с именами Т. С. Пассек, Т. Г. Мовши (Киев), Е. К. Черныша (Москва). В исследование этих памятников материальной культуры края большой вклад внесли археологи Молдавии. Им освещены вопросы сложения ранних земледельческо-скотоводческих культур, создана довольно целостная картина особенностей развития энеолитической трипольской культуры на всем ее обширном ареале⁸, намечены пути изучения периода, переходного к эпохе бронзы, и т. д.

Начало изучения в Молдавии культур бронзового и раннего железного веков было положено А. И. Мелюковой (Москва), а затем продолжено ее кишиневскими учениками. Одним из наиболее значительных достижений в изучении археологических памятников этого времени (Кишинев, Шолданешты, Голерканы, Селиште и др.) является открытие различных культур скотоводческих и земледельческих племен в связи с первым крупным общественным разделением труда. В это же время на территории Молдавии ведутся также исследования гето-фракийской культуры (Г. Д. Смирнов и др.).

Значительны успехи в накоплении и осмыслении обширного материала из раскопок поселений и могильников (Будешты, Боканы, Загайканы и др.) черняховской культуры II—IV вв. н. э.⁹ и в изучении путей формирования этнического состава ее носителей. Учеными исследуются и другие остро дискуссионные проблемы.

Одно из главных мест в научных изысканиях археологов занимает изучение раннеславянских (Бранешты, Хуча, Ханска и др.) и древнерусских (Екиманцы, Алчедар, Рудь и др.) памятников VI—XI вв. Изданы монографические работы, отразившие процессы развития восточнославянской культуры в Молдавии¹⁰. Работы в этой области долгие годы ведутся под руководством Г. Б. Федорова.

⁸ В. И. Маркевич. Буго-днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев, 1973.

⁹ Э.-А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967 и др.

¹⁰ И. А. Рафалович. Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972.

Многие труды археологов посвящены вопросам происхождения, времени существования, ареала распространения и этнического состава носителей балкано-дунайской культуры¹¹.

В области молдавского средневековья основное внимание сосредоточено на изучении феодального города, его производства и т. д. (Старый Орхей, Костешты и др.), а также национальных особенностей и развития материальной культуры молдавского села XIV—XVII вв. (Ханска, Малешты, Пояны и др.)¹².

В республике ведутся исследования по вопросам происхождения монетной системы и денежного обращения античной и феодальной Молдавии.

Здесь издано семь сборников публикаций и исследований, среди которых «Археологические исследования в Молдавии», ряд научно-популярных брошюр. Ученые приступили также к изданию археологической карты республики¹³.

Они принимают также участие в обобщении археологических разработок на территории некоторых европейских социалистических стран¹⁴. О зрелости науки в Молдавии свидетельствуют выступления отдельных специалистов на международных конференциях и сессиях (Болгария, Югославия и др.). В 1967 г. Кишинев стал местом Всесоюзной сессии археологов и этнографов.

Крупных успехов достигла молдавская советская медиевистика. В отличие от буржуазных историков, отрицавших вообще существование феодализма в Молдавии или рассматривавших его только как политическую систему, привнесенную из западно-европейских стран, молдавские медиевисты, руководствуясь марксистско-ленинской методологией в вопросах анализа смены социально-экономических формаций, показали, что феодализм в Молдавии сложился в результате исторического развития общества.

Первое научное обобщение истории молдавского народа эпохи феодализма было дано в сборнике статей «Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII вв.» (авторы Я. С. Гросул, Н. А. Мохов, Е. М. Руссев, Н. В. Березняков, В. П. Коробан. Кишинев, 1950). В создании этого труда большую роль сыграла помощь Института истории СССР АН СССР и в особенности редакторов книги — академика Л. В. Черепнина и члена-корреспондента АН МССР А. Д. Удальцова. Отдельные проблемы социально-экономической истории Молдавии средних веков нашли отражение в монографиях¹⁵.

В центре внимания исследователей политической истории Молдавского государства эпохи феодализма были проблемы истории борьбы за независимость в XV—нач. XVI вв. и свержения оттоманского ига в XVI—нач. XIX вв. Особое место в их трудах занимают традиции дру-

¹¹ Э. А. Рикман, И. А. Рафалович, И. Г. Хынку. Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев, 1971; Г. Ф. Чеботаренко. Калфа — городище VIII—X вв. на Днестре. Кишинев, 1973.

¹² Л. Л. Полевой. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV веке. Кишинев, 1969; П. П. Бырия. Сельские поселения Молдавии XV—XVII вв. Кишинев, 1969; И. Г. Хынку. Молдавская народная керамика. Кишинев, 1969.

¹³ Н. А. Кетрару. Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 1. Кишинев, 1973; В. И. Маркевич. Памятники эпох неолита и энеолита. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 2. Кишинев, 1973; В. А. Дергачев. Памятники эпохи бронзы. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 3. Кишинев, 1973.

¹⁴ Г. Б. Федоров, Л. Л. Полевой. Археология Румынии. М., 1973.

¹⁵ Ф. А. Грекул. Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV в. Кишинев, 1950; его же. Аграрные отношения в Молдавии в XVI — первой половине XVII в. Кишинев, 1961 и др.

жественных связей Молдавии с Россией и Украиной. Советские медиэвисты, подробно изучив политический строй и внешние связи Молдавии, раскрыли закономерность укрепления Молдавского централизованного государства. Установление существования военно-политического союза между Молдавией и Москвой в борьбе за независимость во второй половине XV — нач. XVI в. — полностью заслуга молдавских ученых.

Изучение внешнеполитической истории Молдавии XVI — нач. XIX в. в работах медиэвистов республики подчинено раскрытию основных этапов борьбы молдавского народа против иноземных поработителей. Они исследуются характер внешней политики княжества в конце XVI в. как неотделимой части освободительной борьбы молдавского народа, вскрывается роль походов украинских казаков в Молдавию в XVI—XVII вв. Ученые показывают, что в борьбе против турецкого ига Молдавия стремилась опереться на соседние страны, прежде всего на Русское государство. В XVII в. были предприняты попытки освободиться от турецкого ига и дипломатическим путем, приняв подданство какого-либо сильного соседнего государства. В связи с этим в трудах историков раскрывается важная роль воссоединения Украины с Россией и укрепления русско-молдавских отношений, показана внешнеполитическая обусловленность неоднократных обращений Молдавии к России с просьбой о вступлении в русское подданство¹⁶.

Период XVIII — нач. XIX вв. был определен в советской историографии как завершающий этап борьбы молдавского народа за свержение османского ига¹⁷. Он характеризуется временем русско-молдавского содружества, завершившимся освобождением Молдавии от иноземного гнета и присоединением Бессарабии к России в 1812 г. Исследователи раскрывают значение вступления молдавских волонтеров (добровольцев) в русскую армию во время русско-турецких войн. Было установлено, что волонтерское движение носило массовый характер и в его основе лежало стремление избавиться от османского гнета. В работах ученых обобщена история дружеских связей Молдавии с Россией и Украиной на различных этапах освободительной борьбы против турецких угнетателей¹⁸.

В начале 60-х годов была сделана и первая попытка научного обобщения трудов молдавской медиэвистики¹⁹. Одновременно медиэвисты республики приступили к изданию корпуса молдавских документов вплоть до XVIII в., хранящихся в архивах СССР.

По мере развития молдавской медиэвистики становилось все яснее, что ряд важных положений нуждается в пересмотре. Например, авторы работ 50-х годов и первого академического издания «Истории Молдавии» преуменьшили роль животноводства и переоценили роль земледелия в структуре сельского хозяйства средневековой Молдавии. Феодальная вотчина представлялась по классическому образцу, основанному на барщинном труде; в то время как в Молдавии барское хозяйство было слабым. Явно недооценивалось влияние тяжелого фискального гнета и в целом турецкого владычества на города, аграрные отношения и социально-политический строй страны.

Открытие новых перспектив развития науки способствовало активное участие историков республики в работе Всесоюзного симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, который стал ежегодно проводить-

¹⁶ Вековая дружба. Кишинев, 1961.

¹⁷ Е. Б. Шульман. Русско-молдавское боевое содружество. Кишинев, 1962.

¹⁸ Н. А. Мохов. Очерки истории молдаво-русско-украинских связей. Кишинев, 1961.

¹⁹ Н. А. Мохов. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964.

ся в Москве и столицах союзных республик (в Кишиневе в 1964 г.) с 1958 г.²⁰ Контакты молдавских медиэвистов с историками АН СССР и союзных республик дали плодотворные результаты: открылись хорошие возможности для применения историко-сравнительного метода и более правильного рассмотрения молдавской средневековой истории в рамках европейского и всемирного исторического процесса.

В последующих публикациях новизной отличалось освещение вопроса об образовании Молдавского феодального государства и его особенностей; о происхождении молдавского народа. По-новому выглядят положения о товарности сельского хозяйства, масштабах барской и монастырской запашки, эксплуатации крестьян, классово-борьбе и специфике осуществления внеэкономического принуждения в деревне. Наиболее существенному пересмотру подверглись проблемы, касающиеся развития феодальных отношений в Молдавии периода турецкого ига. Показаны особенности мучительно медленного зарождения в недрах молдавского феодализма новых капиталистических отношений как следствия господства централизованной формы феодальной эксплуатации.

Молдавская медиэвистика в конце 60-х — нач. 70-х годов обогатилась рядом монографий, осветивших отдельные стороны экономической, политической и культурной жизни феодальной Молдавии²¹.

В последнее время медиэвисты перешли к изучению молдавского феодализма в типологическом плане — к выяснению общих и особенных черт. Первой крупной работой в этом направлении является книга «Исследования по истории феодализма в Молдавии», в которой решается задача выявления места молдавского варианта в общей типологии феодализма²². Такое исследование позволило пересмотреть и по-новому увидеть ряд важнейших проблем генезиса и развития феодализма в Молдавии, периодизации всей феодальной формации на ее территории. В этом же плане были написаны многочисленные статьи.

Благодаря таким исследованиям в настоящее время Институт истории АН МССР стал одним из центров теоретической разработки общих проблем типологии феодализма и переходного периода к капитализму²³. В мае 1973 г. в Кишиневе состоялся Всесоюзный симпозиум по проблеме «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма» с участием зарубежных медиэвистов. Здесь рассматривались общие критерии типологизации феодализма в общенсторическом масштабе. Молдавские историки выдвинули ряд теоретических положений о критериях типологизации феодальной формации, которые получили признание многих советских и зарубежных историков-марксистов²⁴. Большую помощь в организации этого Всесоюзного симпозиума оказали ведущие ученые Москвы: в первую очередь, академик Л. В. Черепнин, член-корреспондент АН СССР Д. Ф. Марков — директор Института славяноведения и балканистики АН СССР и доктор исторических наук В. Д. Колюк.

Изучение типологии молдавского феодализма позволило ученым

²⁰ Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1964 г. Кишинев, 1966.

²¹ Д. М. Драгнев. Гайдуки — народные мстители. Кишинев, 1962; Е. М. Подградская. Торговые связи Молдавии со Львовом в XV—XVII вв. Кишинев, 1968; П. Г. Дмитриев. Народонаселение Молдавии 1772—1803 гг. Кишинев, 1973.

²² П. В. Советов. Исследования по истории феодализма в Молдавии, т. I. Кишинев, 1972.

²³ Вопросы экономической истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма. Кишинев, 1971; Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972.

²⁴ Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973.

республики по-новому взглянуть и на вопрос о типологии перехода от феодализма к капитализму и выделения Дунайских княжеств, в том числе Молдавии, в особую региональную зону генезиса капитализма в Европе²⁵.

Не менее значительные успехи достигнуты молдавской исторической наукой в области изучения эпохи капитализма. Здесь нашли свое отражение различные стороны социального, экономического, политического развития, а также культуры Молдавии того времени.

Активно идет работа историков по изучению революционного движения в Молдавии. В 1955 г. вышли в свет две монографии о революции 1905—1907 годов в Молдавии²⁶. Они осветили вопросы зарождения и развития социал-демократического движения в крае, в них исследовались революционные события этих лет, были раскрыты социально-экономические предпосылки революции в Бессарабии, прослежены специфические особенности ее и проанализирована совместная революционная борьба русского, молдавского и других народов против самодержавия и буржуазии.

В эти годы основное направление в поисках ученых определилось областью социально-экономических вопросов развития Бессарабии в период от 1812 г. до 1917 г. и прежде всего темами о положении главных производителей материальных благ в крае — крестьянства, а также развития сельского хозяйства Молдавии, особенностями его империалистической стадии. Богатый фактический материал собран и проанализирован в ряде монографий²⁷. В них пересмотрен один из основных вопросов социальной истории Бессарабии XIX в. — о существовании крепостных крестьян. Это позволило уточнить общую картину социально-экономического развития края XIX в., по-новому взглянуть на проблему первоначального накопления, на причины относительно быстрого развития капитализма после освобождения Бессарабии от турецкого ига. Впервые в советской молдавской историографии раскрываются особенности крестьянской общины в Бессарабии. Решаются такие сложные и важные проблемы, как вопросы о разложении феодально-крепостнических отношений и о формировании новых, буржуазных устоев, изменении в связи с этим уклада экономической жизни, дается структура классового состава общества.

Важнейшим рубежом на пути развития дореволюционной Молдавии явилась крестьянская реформа. Проведению и специфике ее в губернии, выяснению значения этого акта для народного хозяйства Бессарабии, буржуазным преобразованиям в крае были посвящены специальные монографические исследования²⁸.

Внимание молдавских историков привлекали общественно-политические проблемы. Благодаря ряду трудов получила широкую известность яркая борьба прогрессивных сил против самодержавия и пережитков кре-

²⁵ Л. В. Черепнин. Актуальные проблемы Юго-Восточной Европы эпохи феодализма. — В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма, с. 6.

²⁶ Ю. Г. Иванов, Д. Е. Шемяков. Революционное движение в Молдавии в 1905—1907 гг. Кишинев, 1955; И. Г. Буда. Революция 1905—1907 годов в Молдавии. Кишинев, 1955.

²⁷ Я. С. Гросул. Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.). Кишинев, 1956; И. Г. Буда. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Бессарабии в пореформенный период. Кишинев, 1957; И. И. Мещеряков. Переселение болгар в Южную Бессарабию, 1828—1834 гг. Кишинев, 1956.

²⁸ Я. С. Гросул, И. Г. Буда. Крестьянская реформа 60—70 гг. XIX в. в Бессарабии. Кишинев, 1956; И. Г. Буда. Буржуазные реформы 60—70-х гг. XIX века в Бессарабии. Кишинев, 1961.

постнищества, которая достигла особенно широкого размаха во время революции 1905—1907 годов²⁹.

Углубленный анализ социально-экономических и политических аспектов развития Молдавии в XIX—нач. XX вв. привел к появлению ряда других монографий. Написана работа о казенной деревне, где прослеживается главным образом развитие производительных сил в поселениях государственных крестьян³⁰. Намечилось специальное направление в историографии — исследование городообразовательных процессов в крае в XIX в. Оно синтезирует важную область хозяйственной и общественной жизни Молдавии, вбирает существенные стороны ее развития: промышленность, социальную дифференциацию населения, рост пролетариата и буржуазии и другие³¹.

Большим итогом трудом по истории Молдавии эпохи капитализма явились «Очерки истории народного хозяйства Бессарабии» в двух томах³². Эти две капитальные работы исследуют проблемы исторических закономерностей социально-экономического развития Молдавии в XIX—нач. XX вв. В них разрешаются большие дискуссионные вопросы, без рассмотрения которых дальнейшая работа над социально-экономической историей края эпохи капитализма, как и предыдущего периода, была бы затруднена.

Группа молдавских историков успешно участвовала в разработке проблем, выносимых на межреспубликанские сессии по аграрной истории Восточной Европы. Некоторые из них обобщили результаты поисков в книгах об экономическом развитии дореформенной Бессарабии³³. Многие ученые выступали на всесоюзных сессиях по проблеме закономерного развития России эпохи капитализма. Сделаны заметные шаги в изучении культурного наследия молдавского народа периода феодализма³⁴ и капитализма.

Большое внимание уделяется изучению истории Октябрьской социалистической революции, иностранной военной интервенции и гражданской войны, борьбы трудящихся Молдавии за победу Советской власти в крае. В ходе разработки этих вопросов среди историков возникли определенные расхождения. Важную роль в создании правильных концепций и трактовок сыграли сессия, организованная Институтом истории Молдавского филиала АН СССР в марте и октябре 1957 г. по проблеме «Борьба за победу социалистической революции в Молдавии», и Объединенная сессия Научного совета АН СССР и Института истории АН МССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция», состоявшаяся в ноябре 1961 г. Участие в работе сессии известных историков — академика И. И. Минца, члена-

²⁹ И. Г. Буда. Общественно-политическое движение в Бессарабии в пореформенный период. Кишинев, 1959; И. Ф. Иова. Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1963.

³⁰ И. А. Анцупов. Государственная деревня Бессарабии в XIX веке (1812—1870 гг.). Кишинев, 1966.

³¹ В. И. Жуков. Города Бессарабии 1812—1861 годов (Очерки социально-экономического развития). Кишинев, 1964.

³² Я. С. Гросул, И. Г. Буда. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812—1861), т. I. Кишинев, 1967; то же (1861—1905), т. II. Кишинев, 1972.

³³ М. П. Мунтян. Экономическое развитие дореформенной Бессарабии. — «Учен. зап. Кишиневск. гос. ун-та», т. 117 (Исторический). Кишинев, 1971.

³⁴ В. Ермуратский. Дмитрий Кантемир — мыслитель и государственный деятель. Кишинев, 1973; Е. М. Руссев. Слова кроникэряскэ — скоулэтрыней Молдове. Кишинев, 1974; Ф. Чиботару. Очерки по истории народного образования в Бессарабии. Кишинев, 1962 (на молд. яз.).

корреспондента АН УССР Н. И. Супруненко, доктора исторических наук И. М. Разгона и других специалистов ведущих научных центров страны помогло выработать верные трактовки многих дискуссионных вопросов и проблем. Они легли в основу изданной в 1964 г. коллективной монографии «Революционное движение в 1917 г. и установление Советской власти в Молдавии» (авторы С. Я. Афтенюк, А. С. Есауленко, М. Б. Иткис, Н. Д. Ройтман, Д. Е. Шемяков. Кишинев, 1964). В этой книге, а также в других публикациях³⁵ историки дали правильную оценку деятельности Советов в крае, руководящей роли большевиков и воинских частей Румынского фронта в революционных событиях на местах, определили время и пути победы Советской власти в Молдавии, характер национального движения. Вопреки лживым утверждениям буржуазных фальсификаторов, молдавских националистов, что якобы в Молдавии в 1917 г. не было революционных выступлений, а лишь «манифестации национального пробуждения», советские историки показали активное участие широких масс трудового народа в борьбе за Советскую власть против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции.

Все больше привлекает внимание ученых Молдавии история борьбы трудящихся оккупированной Бессарабии за свое освобождение и воссоединение с Советской Родиной, движение солидарности с ними, деятельность Советского правительства, направленная на успешное разрешение бессарабского вопроса. Результатом исследований этих проблем стали публикации ряда научных трудов³⁶. Авторы этих работ представили широкую картину революционных событий в Бессарабии и активной деятельности Советского правительства по освобождению края. Наиболее обобщающей работой является монография «Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение и воссоединение с Советской Родиной» (авторы Н. В. Березняков, И. М. Бобейко, Я. М. Копанский, У. Г. Мурзак, В. П. Платон. Кишинев, 1970).

Важной особенностью в изучении данной проблемы в последние годы стало возросшее внимание историков к исследованию социально-экономической истории Молдавии периода Октябрьской революции и гражданской войны, а также Бессарабии периода бояро-румынской оккупации. Разрабатываются вопросы состояния народного хозяйства и культуры, положения широких масс трудящихся в трудных условиях оккупации и реакционной сущности экономической политики румынского королевского правительства.

Значительная работа проводится в республике по изучению и освящению исторической борьбы советского народа против фашистских интервентов в годы Великой Отечественной войны. Наряду с публикацией по данной теме многочисленных научных статей, научно-популярных брошюр и изданием мемуарной литературы, подготовлены и вышли

³⁵ Н. В. Березняков. Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917—1920 гг. Кишинев, 1957; Е. Н. Истрати. Демократическое движение за мир на Румынском фронте в 1917 г. Кишинев, 1973; С. К. Брысякин, М. К. Сытник. Торжество исторической справедливости. Кишинев, 1969; З. М. Иванова. Ревкомы в борьбе за упрочение Советской власти в левобережных районах Молдавии в 1919 — первой половине 1921 г. Кишинев, 1963; И. И. Немиров. В огне революции. Кишинев, 1967; М. Б. Иткис. Крестьянское движение в Молдавии в 1917 году и претворение в жизнь ленинского декрета о земле. Кишинев, 1970.

³⁶ А. М. Лазарев. Воссоединение молдавского народа в единое Советское государство. Кишинев, 1965; Ю. Д. Рошкова и др. Страницы международной солидарности. Кишинев, 1966 (на молд. яз.) и др.

в свет обобщающие научные работы³⁷. В этих работах показано социалистическое строительство в Молдавии накануне войны, раскрываются захватнические планы немецко-румынских империалистов в отношении республики, показан героизм советских войск, партизан, подпольно-патриотических групп, широких масс трудящихся в борьбе с фашистами и т. д. На примере истории Молдавской ССР периода Великой Отечественной войны показаны руководящая роль Коммунистической партии, значение морально-политического единства и дружбы народов СССР в разгроме фашизма и другие вопросы.

Особое место в молдавской историографии занимают проблемы социалистического и коммунистического строительства. Если еще в 50-е годы преобладающим в тематике историков являлось прошлое республики, то в дальнейшем наряду с повышенным вниманием к изучению вопросов формирования молдавской народности, создания его государственности, укрепления вековых дружественных связей молдавского народа с русским и украинским народами, борьбы трудового народа за свое социальное и национальное освобождение преобладающим становятся исследования по советской тематике.

Изучаются процессы социалистического переустройства в области экономики и культуры, осуществления индустриализации, коллективизации и культурной революции в Советской Молдавии. Историки стремятся прежде всего показать деятельность партийной организации республики по претворению в жизнь ленинской политики КПСС, раскрыть роль ЦК КПСС и Советского правительства, братских народов в укреплении Советской власти в крае, в осуществлении коренных социально-экономических преобразований, и послевоенном восстановлении народного хозяйства, отобразить трудовой подъем широких масс трудящихся в условиях социализма, показать коренные изменения в материальном благосостоянии, в быте и культуре населения Молдавии за годы Советской власти³⁸. Круг исследованных вопросов довольно широк. Есть, однако, разница в степени и уровне изученности проблем и аспектов истории социалистического и коммунистического строительства в республике.

Долгие годы в центре внимания ученых находится проблема национально-государственного строительства в Молдавии, формирования советской национальной государственности молдавского народа. Как правильно отмечается в историографии, советское национально-государственное строительство во всех республиках подчинено общим закономерностям, которые, однако, преломлялись через конкретную действительность. Одна из особенностей образования Молдавской советской государственности состоит в том, что завершающие процессы ее становления затянулись на сравнительно длительный период в связи с бояро-румынской оккупацией Бессарабии. Это обстоятельство привело к тому, что национально-государственное самоопределение молдавского народа в рамках СССР первоначально было осуществлено в левобережной Молдавии в виде автономии. С другой стороны, в решении этого во-

³⁷ С. Я. Афтенюк, Д. Д. Елин, С. Э. Левит. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза по защите Родины 1941—1945 гг. Кишинев, 1961 (на молд. яз.); С. Афтенюк, А. Коренев, И. Левит. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Кишинев, 1970.

³⁸ П. А. Паскарь. Преображенная земля. Кишинев, 1969; К. Ильяшенко. В семье единой. Кишинев, 1972; С. В. Царанов. 30 лет Молдавской ССР. Кишинев, 1954; Партидул комунист ал Молдовей ии аний септеналулуй. Кишинев, 1969; История Кишинева. Кишинев, 1966; Великий Октябрь в судьбах молдавского народа. Кишинев, 1968.

проса трудящиеся края смогли опереться на помощь и опыт других братских республик.

Предприняты первые попытки определить периодизацию истории советской национальной государственности молдавского народа. Издан целый ряд статей по этой проблеме. Появились монографические исследования по вопросам формирования и развития советской государственности молдавского народа³⁹.

Большие сдвиги произошли в изучении истории индустриализации Советской Молдавии, развития промышленности и рабочего класса республики. Эти проблемы привлекли внимание историков и экономистов. Ими опубликовано большое количество работ, касающихся прежде всего создания и развития промышленности в Молдавии⁴⁰, а также роли партии и советского государства в индустриализации республики⁴¹.

Историки Молдавии проделали большую работу по исследованию развития рабочего класса Молдавии за годы Советской власти. Здесь мы располагаем несколькими монографиями⁴². В них рассматриваются такие вопросы, как источники и формы пополнения рабочего класса и изменение в его составе, культурно-техническом уровне, политической и трудовой активности рабочего класса, его роль в общественной и экономической жизни республики, подготовка рабочих кадров, укрепление союза рабочего класса и крестьянства и другие проблемы. Материалы проведенных на ряде предприятий социологических исследований позволили в значительной мере дополнить и разнообразить статистические данные, решить ряд задач, связанных с развитием рабочего класса республики.

В изучении проблем индустриализации, развития промышленности и рабочего класса республики точки зрения исследователей по наиболее принципиальным вопросам совпадают. Есть, однако, расхождения в оценке уровня индустриального развития республики на определенных этапах, разница в определении численного состава рабочего класса и некоторые другие несогласованные еще моменты.

Важное место в советской историографии занимает история коллективизации молдавского села, его развитие по социалистическому пути. Основное внимание ученых в исследовании этой проблемы было направлено на определение времени и темпов коллективизации в МАССР и в правобережных районах республики, раскрытие общих закономерностей социалистического переустройства сельского хозяй-

³⁹ А. М. Лазарев. Образование Молдавской ССР. Кишинев, 1949; его же. Воссоединение молдавского народа в единое Советское государство; А. В. Грекул. Формирование и развитие молдавской социалистической нации. Кишинев, 1955; А. В. Репида. К вопросу об образовании Молдавской АССР. — «УЗ КПИ», т. II, 1954; Великий Октябрь в судьбах молдавского народа. Кишинев, 1971; С. Я. Афтениюк. Ленинская национальная политика Коммунистической партии и образование советской государственности молдавского народа. Кишинев, 1971; Д. Т. Урсул. Расцвет и сближение советских наций. Кишинев, 1971 (на молд. яз.).

⁴⁰ Н. Щелоков. Промышленность Молдавской ССР. Кишинев, 1957; его же. Развитие промышленности Молдавской ССР. Кишинев, 1963; А. Гудым, Д. Тон. Создание тяжелой промышленности в Молдавской ССР. Кишинев, 1967; С. И. Киркэ. Исследование уровня развития и структуры промышленности союзных республик. Кишинев, 1970; его же. Темпы и пропорции экономического развития союзной республики. Кишинев, 1973.

⁴¹ Е. Романова. Деятельность Коммунистической партии Молдавии по развитию промышленности республики. Кишинев, 1970; И. Петровская. Осуществление ленинских идей электрификации в Молдавской ССР. Кишинев, 1970.

⁴² В. К. Барбулат. Развитие рабочего класса Молдавской ССР, 1945—1955 гг. Кишинев, 1969; Б. К. Визер, А. В. Мохова, Л. Е. Репида, П. Л. Рыбалко. Развитие рабочего класса Молдавской ССР (1940—1965 гг.). Кишинев, 1970; В. М. Гру. Профессионально-техническое образование в Молдавской ССР. Кишинев, 1972.

ства и их конкретное проявление в специфических условиях Молдавии. Освещение братской помощи, оказываемой МССР в развитии сельского хозяйства, в укреплении его материально-технической базы, определение характера классовой борьбы в деревне, раскрытие социально-экономических изменений в молдавском селе за годы Советской власти — далеко не полный перечень проблем, исследованных историками республики. По аграрной проблематике издан ряд статей и брошюр, имеются уже отдельные обобщающие работы⁴³. Наиболее крупные из них — «Становление и развитие колхозного строя в Молдавской ССР» (авторы: С. Я. Афтениюк, П. А. Бойко, Б. К. Визер, А. И. Мунтян, К. В. Стратиевский, М. К. Сытник, В. И. Царанов, Кишинев, 1971). Как показывает содержание публикаций, социалистическое переустройство здесь крестьянских хозяйств явилось закономерным явлением, исторической необходимостью, потребностью ликвидировать в короткий срок вековую отсталость этих районов и поднять их в экономическом, политическом и культурном отношении до уровня всей страны.

Предметом специального исследования становятся вопросы коренного изменения условий жизни широких масс трудящихся в годы Советской власти, повышения их материального благосостояния и культурного уровня⁴⁴. Опубликован ряд работ, главным образом статей, о росте заработной платы трудящихся, расширении народного потребления, об осуществлении культурной революции в конкретных условиях республики.

Серьезное внимание уделяется исследованию проблем сближения города и деревни⁴⁵, изменениям в структуре населения республики⁴⁶, а также укреплению экономических и культурных связей Молдавии с другими братскими республиками⁴⁷.

На базе осуществленных исследований, изучения новых архивных источников были подготовлены и опубликованы «Очерки истории Коммунистической партии Молдавии» (первое издание — 1964 г., второе — 1968 г.), второе издание двухтомного труда «История Молдавской ССР» (первый том — 1965 г., второй — 1968 г.). Эти обобщающие работы свидетельствуют о значительных успехах молдавской советской историографии. В них нашли освещение многообразные аспекты жизни и деятельности человеческого общества на территории МССР с древнейших времен до второй половины 60-х годов.

Молдавская советская историческая наука не ограничилась толь-

⁴³ С. Я. Афтениюк, К. В. Стратиевский, В. И. Царанов. Осуществление ленинского кооперативного плана в молдавской деревне. Кишинев, 1963; М. И. Бобичев, А. И. Медведев. Деятельность Коммунистической партии Молдавии по укреплению материально-технической базы колхозов (1951—1958). Кишинев, 1968; И. И. Буга. Совхозы Молдавии. Кишинев, 1973; В. Д. Кострома. Кадры обеспечивают успех. Кишинев, 1962 (на молд. яз.).

⁴⁴ К. Брония. Расцвет культуры Советской Молдавии. Кишинев, 1961 (на молд. яз.); Д. Е. Шемяков, Я. С. Яценко. Культурная революция в Советской Молдавии (1924—1967). Кишинев, 1967; Г. Бырка, Ф. Дороганч. Благосостояние и культура трудящихся Молдавии на новом этапе. Кишинев, 1972; В. Штюка. Социальные проблемы сельского быта. Кишинев, 1971; Копанка 25 лет спустя. Кишинев, 1965; Ф. Д. Дороганч. Материальное благосостояние трудящихся Молдавской ССР (1946—1958). Кишинев, 1974.

⁴⁵ И. И. Бодюл. Важная социальная проблема коммунистического строительства. Кишинев, 1969; его же. Экономические и социально-политические проблемы сближения города и деревни. Кишинев, 1972 и др.

⁴⁶ А. А. Завтур. Формирование и развитие социалистической структуры социализма в Молдавии. Кишинев, 1972 (на молд. яз.); Г. С. Ентелис. Колхозное строительство Молдавии на пути к коммунизму. Кишинев, 1969 (на молд. яз.).

⁴⁷ Р. В. Даниленко. Развитие культурного сотрудничества народов СССР. Кишинев, 1968; В. Г. Лысенко. В единой семье — к единой цели. Кишинев, 1971.

ко изученном проблем истории республики. Определенное место в исследовательской деятельности ученых республики занимает общесоюзная тематика⁴⁸. Много внимания уделяется изучению вопросов по всеобщей истории. Молдавские историки участвовали в написании и редактировании трехтомного издания «Истории Румынии»⁴⁹. Большая часть работ посвящена истории балканских стран, Румынии, Болгарии, развитию русско-румынских и советско-румынских отношений⁵⁰, новейшей истории стран Латинской Америки⁵¹, истории французского абсолютизма⁵², вопросам новейшей германской истории⁵³.

Историки республики широко осуществляют публикацию тематических сборников статей. Большую известность и за пределами Молдавии получили «Балканский исторический сборник» (с 1964 г. выпущено 4 номера) и «Юго-Восточная Европа в средние века» (выпущено 2 номера).

Проводится значительная работа по публикации источников: подготовлено и издано большое количество сборников документов и материалов по истории Октябрьской революции и борьбы за власть Советов в республике, социалистической индустриализации и развития рабочего класса, коллективизации и развития социалистического сельского хозяйства и другим вопросам. Историки совместно с представителями других общественных наук участвуют в подготовке периодического подписного издания «Известия АН Молдавской ССР» (серия общественных наук).

Достижения молдавской советской историографии стали возможны благодаря повседневной помощи научных центров страны и прежде всего историков Москвы, Киева, Ленинграда и других городов Советского Союза. Кроме названных уже лиц, большое участие в развитии исторической науки в Молдавии, в подготовке кадров, повышении их квалификации принимали видные ученые страны: М. П. Ким, Ю. А. Поляков, И. М. Волков, В. Я. Полетаев, В. П. Шерстобитов,

⁴⁸ В. Я. Гросул. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859—1874 гг.). Кишинев, 1973; И. Ф. Йовва. Указ. соч.; В. М. Рожко. Дружба, закаленная в боях. Кишинев, 1965; А. М. Лисецкий. «Правда» о стачечной борьбе пролетариата в период подготовки Октябрьской социалистической революции. — Учен. зап. Харьковск. ун-та, т. СХХIII. Харьков, 1962.

⁴⁹ История Румынии 1848—1917 гг. М., 1971; История Румынии 1918—1970. М., 1971 г.

⁵⁰ Я. М. Копанский, И. И. Левит. Советско-румынские отношения в 1929—1934 гг. М., 1971; Б. М. Колкер, И. И. Левит. Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939 — июль 1941 гг.). М., 1971; В. Я. Гросул. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20—30 годы XIX века). М., 1966; А. К. Мошану. Рабочее и социалистическое движение в Румынии (1907—1914 гг.). Кишинев, 1974; В. Я. Гросул, Е. Е. Чертан. Россия и формирование румынского независимого государства. М., 1969; Е. Е. Чертан. Русско-румынские отношения в 1859—1863 гг. Кишинев, 1968; М. А. Мунтян. Очерк внешней политики Румынской Народной Республики (1948—1955 гг.). Кишинев, 1971; его же. Борьба Советского Союза за прием в ООН Болгарии, Венгрии и Румынии. Кишинев, 1972; К. А. Поглубко. Очерки истории болгаро-русских революционных связей в 60—70 годах XIX в. Кишинев, 1972; А. Новак. Первая русская буржуазно-демократическая революция и революционное движение в Румынии (1905—1907 гг.). Кишинев, 1966.

⁵¹ Н. В. Королев. Страны Латинской Америки в международных отношениях (1898—1962 гг.). Кишинев, 1962; его же. Империалистическая экспансия в странах Латинской Америки. Кишинев, 1969.

⁵² Р. Ю. Энгельгардт. Очерки истории Франции конца XVII — нач. XVIII в. — Учен. зап. Кишиневск. гос. ун-та, т. 104, 1968.

⁵³ А. М. Миркин и др. Под знаменем коммуны. Германская социал-демократия против реакции и милитаризма. 1871—1875. Кишинев, 1971; Н. М. Шилинцев. Пылающий Рур. Кишинев, 1960.

Ю. В. Арутюнян, В. П. Данилов, В. Т. Пашуто, А. А. Зимин, Г. Г. Литаврин и многие другие.

Общественность республики высоко оценивает вклад историков в коммунистическое воспитание трудящихся. Группа участников подготовки и публикации двухтомного труда «История Молдавской ССР» удостоена звания лауреата Государственной премии Молдавской ССР в области науки и техники за 1972 г.

Периодические этнографические исследования в Молдавской ССР велись с 1945—1947 гг., когда Институтом этнографии АН СССР был организован ряд экспедиций. Полевые работы проводились главным образом в плане сбора материалов по народному жилищу Молдавии. Они были обобщены и изданы сотрудником Института этнографии АН СССР М. Я. Салманович.

Систематические этнографические исследования здесь начались в середине 1950-х годов. Активизации полевых работ содействовала комплексная археолого-этнографическая экспедиция, организованная в 1957 г. при Институте истории. Она работала в тесном сотрудничестве с Институтами археологии и этнографии АН СССР.

В связи со слабой в прошлом изученностью в этнографическом плане молдаван и других народов МССР и отсутствием фундаментальных работ в этой области науки ученым пришлось прежде всего восполнить пробелы в имеющемся фактическом материале. Это осуществлялось путем форсирования экспедиционных работ. Уже на том этапе становления науки группа этнографов АН укрепила связи с Историко-краеведческим музеем МССР, Кишиневским госуниверситетом и другими учреждениями республики, изучающими молдавскую культуру. Сотрудничество велось в плане организации совместных экспедиций, подготовки кадров, издания результатов исследования⁵⁴.

Работы молдавских этнографов посвящались изучению основных форм традиционной народной культуры — жилищу, одежде, земледельческим орудиям, ремеслам, семье и семейному быту, обрядам и обычаям. Частично эта тематика изучается и в настоящее время. Необходимость исследования основ народной культуры была вызвана также специфическим положением, сложившимся когда-то в трактовке многих из указанных тем. Ряд буржуазных исследователей не выделял молдавскую народную культуру как культуру самостоятельного народа, а рассматривал ее в качестве локальной румынской культуры. Молдавским советским этнографам предстояло не только собрать фактический материал, но и дать с позиций современной советской этнографии оценку основным закономерностям развития молдавской народной культуры в прошлом, раскрыть ее истоки и характерные особенности на различных этапах исторического развития.

Одной из важных тем, по которой ведут работы молдавские ученые, является традиционная народная обрядность. Они исследовали характерные особенности молдавской бытовой и семейной обрядности; ее тесную связь с обрядностью других народов, особенно с русским и украинским. Этнографы сделали обобщающие выводы генетического характера. Специально изучены вопросы видоизменения и коренного преобразования традиционной обрядности народов МССР в эпоху социализма. Ими были разработаны практические предложения и рекомендации по проведению новых праздников и обрядов: «Праздник виноградной лозы», «Комсомольской свадьбы», «Праздник последнего снопа» и ряд других. Основные положения этих исследований отражены в несколь-

⁵⁴ Труды государственного историко-краеведческого музея. Кишинев, вып. I, 1961.

ких монографиях, брошюрах и сборниках статей⁵⁵. В настоящее время по этой тематике готовятся обобщающие монографические исследования.

Одним из направлений таких работ стало выявление характерных этнических черт в молдавской материальной культуре, их взаимовлияний и общности с культурами соседних народов, особенно восточных и южных славян, сыгравших большую роль в этногенезе молдавского народа. Этому аспекту деятельности в республике уделяется много внимания. Так, например, ведется исследование сложнейшей проблемы — истоки и генезис молдавской материальной культуры.

До недавнего времени науке мало что было известно о молдавском гончарстве, его генезисе и основных формах. Многолетние этнографические и археологические изыскания дали богатый и ценный материал для изучения и классификации молдавской средневековой керамики: результаты изложены в ряде научных статей и обобщены в специальной монографии⁵⁶.

Учеными исследуется традиционная молдавская народная одежда, решаются вопросы классификации национального костюма, характеристики его основных типов и районов их распространения. Выявлено, что на формирование характерных черт этой области материальной культуры решающее влияние оказало культурное наследие фракийского населения, а также южных и восточных славян. Определенных успехов добились этнографы и в изучении традиционного костюма других народов МССР. В частности, собран, обобщен и издан интересный материал по национальной одежде гагаузов⁵⁷.

В республике изучаются этнографические аспекты истории сельского хозяйства и сельских промыслов. По этой тематике наиболее полно представлены земледельческие орудия: выявлены основные традиционные типы и варианты земледельческих орудий молдаван, закономерности их распространения на всей территории края, показаны общие и характерные особенности. Предпринята попытка выяснить их происхождение и этническую специфику. Эти вопросы изложены в ряде научных статей и в обобщающем монографическом исследовании⁵⁸. Следует отметить недостаточную степень этнографической освещенности других отраслей сельского хозяйства, в частности комплекса пастушеского хозяйства. Недавно только стали появляться статьи и о некоторых сельских промыслах. В них раскрываются общие и специфические особенности этой отрасли хозяйства.

Большой удельный вес в экспедиционных работах этнографов занимает изучение молдавского народного жилища. Исследованы многие населенные пункты Молдавии, собран большой ценный материал, который в настоящее время обобщается. Появились публикации по этой тематике в виде статей, дающих описание основных типов сельских жилищ и их локальные варианты, интерьеров и приемов внутреннего убранства современного жилища центральной части республики. Первые шаги сделаны и в изучении традиционного жилища гагаузов.

⁵⁵ В. С. Зеленчук. Очерки молдавской народной обрядности. Кишинев, 1959; Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1961; Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964; Этнография и искусство Молдавии. Кишинев, 1972; В. С. Зеленчук, Л. Д. Лоркутова. Против вредных традиций прошлого. Кишинев, 1962; Ю. В. Попович. Последний снох. Кишинев, 1972.

⁵⁶ И. Г. Хынку. Молдавская народная керамика. Кишинев, 1968.

⁵⁷ Этнография и искусство Молдавии.

⁵⁸ Н. А. Демченко. Земледельческие орудия молдаван XVIII — начала XX в. Кишинев, 1967.

Изучение национальных форм материальной и духовной культуры выявило своеобразие их развития на территории МССР, обусловленное конкретно-историческими условиями края — интенсивными взаимовлияниями славянской культуры в раннефеодальную эпоху, тесными экономическими и культурными связями с Руссией в последующий период, возрастанием удельного веса многонационального населения.

В 1970 г. этнографы завершили работу над разделом «Молдавия» для «Историко-этнографического атласа Украины, Белоруссии и Молдавии». В этой работе, подготовленной на основе обширных полевых материалов, рассмотрены основные типы и локальные варианты народных форм земледельческих орудий, одежды, жилища. Сравнение типов народной материальной культуры трех этнических зон выявляет не только их национальную специфику, но и общие черты, возникшие в процессе длительных бытовых контактов украинцев, белорусов и молдаван.

В настоящее время одной из центральных тем, над которой работает группа ученых, является изучение этнических процессов в среде многонационального населения Молдавии⁵⁹. Эти явления рассматриваются в разных хронологических периодах — XIX — нач. XX вв. и в современности. Изучение современных этнических процессов включает в себя не только исследование многосторонних межнациональных связей молдаван — с русскими, украинцами, болгарями, гагаузами например, — но также и анализ взаимовлияний между молдавским народом и народами всего Союза.

Другой темой, разработка которой важна для выяснения проблемы ранней этнической истории молдавского народа, стала материальная культура эпохи XII—XV вв. В последние годы начато исследование традиционных форм гагаузской народной культуры и их преобразования в годы Советской власти.

Успешно развивается изучение палеоэтнографии республики. Благодаря археологическим раскопкам на поселениях X—XIV вв. удалось уловить и наглядно показать отдельные моменты славяно-волошских взаимосвязей и синтеза этих культур, отразившихся в материальной культуре населения Молдавии.

Исключительно интересный материал получен при изучении могильников этого времени. Раскопки их выявили процесс проникновения и развития у населения края христианской религии и постепенного вытеснения язычества.

В последние годы ученые-этнографы выделили в культуре населения Молдавии X—XIV вв. черты, характерные для поздней молдавской материальной культуры. Эти исследования явились определенным шагом вперед в изучении ранних этапов генезиса молдавского народа и его культуры. Их результаты были изложены в коллективных работах по древней культуре Молдавии, в отдельных статьях и монографиях⁶⁰.

Одной из мало изученных областей была до недавнего времени молдавская народная драматургия. В последние годы сектором этнографии проделана большая работа по сбору и исследованию такого материала, в который вошло более ста пьес и множество их вариантов.

Народная драматургия представляет исторический срез напластований различных эпох. В ней отражается, например, такой этап жизни народа, как борьба гайдуков против помещичьего и турецкого гнета,

⁵⁹ В. С. Зеленчук. Население Молдавии. Кишинев, 1973.

⁶⁰ Э. А. Рикман, И. А. Рафалович, И. Г. Хынку. Указ. соч.

выявляются морально-этические проблемы. Наиболее важная из них — дружба между народами. Исследователи систематизировали фактический материал и разработали классификацию народной драмы, как то: войничские, гайдуцкие, партизанские и другие.

Этнографы, совместно с историками, активно участвуют в работе созданного в 1970 г. при Отделении общественных наук АН МССР. Научного совета по проблеме «Славяно-волошские связи и происхождение молдавского народа» (председатель — член-корреспондент АН МССР Н. А. Мохов). В 1971—1973 гг. Научный совет провел 5 сессий, в которых наряду с обществоведами АН МССР и КГУ принимали участие ученые из Москвы, Львова, Одессы и Черновиц, а также зарубежные исследователи. На заседаниях его был заслушан ряд докладов, посвященных малоизученным и актуальным проблемам происхождения восточнороманских народов, роли славян в формировании молдавской культуры и т. д. Материалы докладов сессии Научного совета, посвященной историографическим аспектам славяно-волошских связей, были изданы в 1973 г.⁶¹

Этнографы Молдавской ССР решают ряд научных вопросов совместно со специалистами из социалистических стран, в частности с учеными Болгарии и Венгрии. Эти тесные творческие связи выражаются в форме совместных экспедиционных работ, участии в научных сессиях, в издании молдавских работ в Болгарии и Венгрии, а работ болгарских ученых — в МССР.

Краткий историографический обзор и анализ развития этнографической науки в Молдавской ССР показывает, что в республике за годы Советской власти создан этнографический центр, коллектив которого в состоянии решать сложные и важные научные проблемы. Этнография в Молдавии развивается как составная часть советской науки. Молдавские ученые, анализируя свой небольшой еще путь развития, с огромной благодарностью говорят о значительной и постоянной помощи и поддержке со стороны Института этнографии АН СССР. Здесь под руководством ведущих специалистов профессоров Н. Н. Чебоксарова, С. А. Токарева, М. О. Косвена, кандидата исторических наук М. Я. Салманович проходили аспирантскую подготовку многие этнографы республики. Молдавским исследователям большую помощь оказывали ведущие советские этнографы В. И. Козлов, Т. Д. Златковская, Л. В. Маркова, Н. Н. Грацианская, Г. Д. Филимонова и другие. Первую обобщающую работу о молдаванах, опубликованную в 1964 г. во II томе «Народов Европейской части СССР», серию «Народы мира» подготовила группа молдавских специалистов при активном участии сотрудников Института этнографии АН СССР. Этнографы республики и в настоящее время поддерживают тесную и постоянную связь с этим институтом.

Исключительно важную роль в развитии научных исследований в области общественных наук сыграли решения XXIV съезда КПСС, постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (1967), ряд постановлений и мероприятий ЦК КП Молдавии. В свете этих решений научные учреждения проделали большую работу по совершенствованию тематики, приближению ее к требованиям жизни.

Историки и этнографы больше стали уделять внимания изучению вопросов укрепления дружбы и сотрудничества народов СССР, разви-

⁶¹ Историографические аспекты славяно-волошских связей. Кишинев, 1973; В. Д. Королюк. Славяне и волохи русской летописи. Кишинев, 1972.

тию экономических и культурных связей Молдавии с другими республиками, исследованию влияния научно-технической революции на социальные изменения в городе и селе, деятельности партийной организации по претворению в жизнь решений КПСС и другим вопросам. Важное место в пропаганде политики партии, в идеологическом и интернациональном воспитании трудящихся играет публикация научно-популярной литературы, газетных и журнальных статей, брошюр и текстов лекций на общественно-политические темы. Особенно можно отметить издание брошюр серии «Молдавия вчера и сегодня», освещающих различные аспекты истории Молдавии. Представители общественных наук больше стали уделять внимания борьбе с фальсификаторами истории республики.⁶²

Таким образом, в Молдавской ССР историческая наука достигла больших успехов. Являясь детищем Советской власти, она развивалась под непосредственным влиянием тех грандиозных перемен, которые произошли в жизни народа в условиях социализма.

⁶² Факты и домыслы. Кишинев, 1972; Против буржуазных фальсификаторов истории и культуры молдавского народа. Кишинев, 1972; Д. И. Антюк, С. Я. Аفتهйюк, А. С. Есауленко, М. Б. Иткис. Предательская роль «Сфатул цэрий». Кишинев, 1969 и др.

ФИЛОСОФИЯ И ПРАВО

Д. Т. УРСУЛ, А. И. БАБИИ, П. А. КОВЧЕГОВ

РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В МОЛДАВИИ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Распространение марксизма в Молдавии началось в 80-х гг. XIX в. В это время здесь уже были известны такие труды К. Маркса и Ф. Энгельса, как «Нищета философии», «Положение рабочего класса в Англии», «Манифест Коммунистической партии», «Капитал» и др., а также ряд работ Г. В. Плеханова («Наши разногласия», «Социализм и политическая борьба»).

Дальнейший ход этого процесса связан с развитием революционного движения рабочего класса, сопровождавшимся появлением марксистских кружков и социал-демократических групп в различных городах края, образованием в 1902 г. Кишиневского комитета РСДРП. Большую роль в распространении марксистских философских идей в дореволюционной Молдавии сыграла подпольная типография ленинской газеты «Искра» в Кишиневе.

В последующие годы широко известными в Молдавии становятся важнейшие труды К. Маркса и Ф. Энгельса, работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», «Что делать?», «Две тактики...», «Шаг вперед, два шага назад», «К деревенской бедноте», «Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам?», «Нужна ли «самостоятельная политическая партия» еврейскому пролетариату» и многие другие, а также различные большевистские журналы и газеты («Вперед», «Пролетарий», «Социал-демократ», «Заря», «Правда», «Звезда» и др.). В 1906 г. в Кишиневе впервые в России была издана работа Ф. Энгельса «Об историческом материализме».

Марксистско-ленинские философские идеи пронизывают и отдельные статьи, опубликованные в некоторых легальных газетах дореволюционной Молдавии.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла перед молдавским народом путь к коренным общественным и экономическим преобразованиям. В конце 1917 — нач. 1918 гг. в Молдавии установилась Советская власть. Однако, воспользовавшись тяжелым положением молодой республики, буржуазно-помещичья Румыния при прямой поддержке западных империалистических государств оккупировала Бессарабию, куда входила и правобережная территория Молдавии.

Левобережная часть Молдавии осталась в составе СССР. В 1924 г. образовалась Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика. Социалистические преобразования здесь в кратчайший исторический срок ликвидировали экономическую и культурную отсталость. Начался процесс формирования молдавской социалистической нации.

В ходе индустриализации и коллективизации сельского хозяйства МАССР особое значение приобрела критика идеологии «правых» и «левых» уклонистов и защита ленинского положения о возможности построения социализма в СССР. Эти вопросы заняли важнейшее место в теоретической работе партийных организаций республики¹. Существенную роль в распространении марксистско-ленинских идей в МАССР сыграло массовое издание на молдавском языке в 20—30-х годах многочисленных работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

В центре внимания партийной организации Молдавии находились также проблемы атеистической пропаганды. Значительный вклад в их решение внес Союз безбожников МАССР. Широкому распространению идей научного атеизма в республике способствовал перевод на молдавский язык и издание важнейших работ Е. Ярославского, И. Крывелова, Н. Румянцева, Н. Лебедева и других советских атеистов. Кроме того, здесь широко пропагандировались журналы «Антирелигиозник», «Безбожник», книга «Крестьянский антирелигиозный учебник» и другие специальные издания.

Пропаганду марксистско-ленинских философских идей в МАССР вел И. В. Очинский (1888—1972), автор ряда оригинальных работ по диалектическому и историческому материализму, истории философии и научному атеизму. В его работе «Философские корни правого уклона», изданной на украинском языке в Киеве в 1930 г., вскрывается сущность механистических концепций Бухарина, их социальная направленность. Популяризации бессмертного труда В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» была посвящена работа И. В. Очинского «Материализм и эмпириокритицизм на Украине (Лесевич)»², Очинский издает также брошюры «Два мира» (Тирасполь, 1932, на молд. яз.) и в соавторстве с К. Д. Очинской — «Ленин и антирелигиозная пропаганда» (Тирасполь, 1932, на молд. яз.). В украинском журнале «Пропор марксизму» (1929, № 1) публикуется пространная статья «Философские взгляды Г. С. Сковороды», которая является одной из первых попыток с марксистских позиций осветить мировоззрение украинского мыслителя. На историко-философские и общественно-политические темы И. В. Очинский пишет и многие другие статьи. Его работы составляют важный этап в истории молдавско-украинских философских связей.

Во второй половине 30-х годов МАССР вступила в период завершения строительства социализма. В сознании большей части ее населения утвердилось марксистско-ленинское мировоззрение. Иное положение сложилось в Правобережной Молдавии, до 1940 г. находившейся под властью боярской Румынии, — официальной философией здесь был идеализм.

Против идеализма в Румынии (и Бессарабии) выступали философы-материалисты — деятели Коммунистической партии Румынии и другие прогрессивные мыслители. Так, в оккупированной Бессарабии в 20—30-х годах идеи марксистской философии пропагандировали публицист Н. Д. Кочя³ и историк П. КонстантINESКУ-ЯШЬ⁴.

В 1940 г. Бессарабия была воссоединена с Советской Родиной. Большая часть районов этого края объединилась с МАССР. Образовалась Молдавская Советская Социалистическая Республика.

¹ Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Молдавии, ф. 49, оп. 49—3, св. 1, д. 20, лл. 1, 2; св. 6, д. 127, л. 1 и др.

² «Научн. зап. Луганск. ин-та народн. образован.», ч. II, 1931.

³ «Призыв», 1920, № 38.

⁴ Реформа конституции. Бырлад, 1923; Ленин. Бырлад, 1924 г.

В Правобережной Молдавии начали осуществляться социалистические преобразования. Этот процесс, прерванный войной и оккупацией (1941—1944 гг.), в основном завершился в 1950—1951 гг.

Строительство социализма и утверждение марксистско-ленинской идеологии в правобережных районах Молдавии осуществлялись в борьбе с пережитками и рецидивами мировоззрения эксплуататорских классов. Антисоветскую пропаганду здесь вели некоторые члены бывших румынских националистических организаций («Астра»⁵, «Мунка ши луминаря»⁶ и др.), которым помогали остатки буржуазных и фашистских партий, а также руководители ряда религиозных сект (иннокентьевцев, неговистов и др.).

Сразу же после изгнания оккупантов Коммунистическая партия Молдавии развернула активную борьбу с враждебной идеологией. В целях приобщения широких масс трудящихся Молдавии к бесценной сокровищнице марксистско-ленинских философских идей, в послевоенные годы продолжался перевод произведений основоположников марксизма-ленинизма на молдавский язык. В 50-х — нач. 60-х годов Институтом истории партии при ЦК КПКМ были переведены на молдавский язык двухтомник «Избранных произведений» К. Маркса и Ф. Энгельса, Собрание сочинений В. И. Ленина в 38 томах, значительное число отдельных работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Началось издание Полного собрания сочинений В. И. Ленина на молдавском языке.

В этот же период окрепли и коренным образом улучшили свою работу кафедры философии вузов республики. В 1956 г. в составе Института истории Молдавского филиала Академии наук СССР был создан сектор истории философской и общественно-политической мысли Молдавии, преобразованный в 1969 г. в самостоятельный Отдел философии и права Академии наук Молдавской ССР. Кафедры и Отдел философии и права при помощи Института философии АН СССР и других философских учреждений страны вырастили хорошо подготовленные кадры, проделавшие большую работу в различных областях философской науки.

Перед философами республики встала трудная и неотложная задача: разработать научную историю философской и общественно-политической мысли Молдавии. Решение ее являлось составной частью идущего после окончания Великой Отечественной войны процесса критического осмысления культурного наследия молдавского народа, широким фронтом приступившего к созданию своей социалистической культуры. При этом пришлось считаться с тем, что до Октябрьской революции задача бережного отношения и освоения культурной и научной мысли молдавского народа даже не была поставлена. Более того, буржуазные философы, литературные критики, историки и др. ученые, как правило, отрицали существование философских идей у молдавских мыслителей эпох феодализма и капитализма, а если в отдельных случаях и признавали наличие таковых (например, у М. Эминеску), то отказывались признать их оригинальность, своеобразие и представляли эти идеи как эклектическое сочетание различных идеалистических философских учений, созданных западноевропейскими мыслителями.

Опровергая подобные взгляды буржуазных философов и ученых, бытующие, кстати, и в настоящее время в капиталистических странах,

⁵ Культурная организация молодежи.

⁶ «Труд и просвещение» — молодежная организация, созданная в 1942 г. в г. Бельцы.

философы Советской Молдавии написали ряд монографий и брошюр, с марксистско-ленинских позиций освещающих философские и общественно-политические взгляды крупнейших молдавских мыслителей прошлого. При этом они учитывали тот факт, что философские взгляды этих мыслителей находили свое выражение не столько в специальных философских трактатах, сколько в произведениях художественной литературы, в публицистике, научных трудах и т. д. В 1955 г. в Кишиневе вышла в свет работа Д. Т. Урсула «Философские и общественно-политические взгляды Н. Г. Милеску Спафария». В ней широко освещается мировоззрение выдающегося мыслителя и общественно-политического деятеля Молдавии и России конца XVII — нач. XVIII вв., раскрываются присущие его воззрениям элементы материализма и диалектики. Результаты научных исследований Д. Т. Урсула по истории философии были опубликованы также в его статье «Из истории переходной философской и общественно-политической мысли Молдавии конца XVII — начала XVIII вв.»⁷

В книге «Жизнь и творчество Иоанна Некулче» (Кишинев, 1956, на молд. яз.) В. П. Коробан и Е. М. Руссев исследовали общественно-политические взгляды И. Некулче — крупного молдавского писателя и мыслителя конца XVII — нач. XVIII вв., уже в значительной мере отказавшегося от провиденциалистского взгляда на историю. В 1956 г. в Кишиневе вышла в свет работа В. Н. Ермуратского «Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира». В ней раскрываются прогрессивные воззрения выдающегося молдавского ученого, мыслителя и государственного деятеля Д. Кантемира — поборника союза Молдавии с Россией и ближайшего советника Петра I. В связи с 300-летием со дня его рождения опубликована монография этого же автора «Дмитрий Кантемир — мыслитель и государственный деятель» (Кишинев, 1973), в которой более подробно освещаются и анализируются общественно-политические, философские, естественнонаучные, эстетические, этические и педагогические взгляды мыслителя.

Философы Молдавии в своих работах доказали, что, вопреки утверждениям буржуазных исследователей, Молдавия XIX в., так же как и другие страны, являлась ареной революционно-демократического движения. Крупнейшим из молдавских революционных демократов был писатель, публицист и политический деятель Алеку Руссо. Анализ его мировоззрения посвящены работы В. П. Коробана и П. А. Ковчегова «Общественно-политические и литературно-критические воззрения Алеку Руссо» (Кишинев, 1953), П. А. Ковчегова «Общественно-политические и философские взгляды Алеку Руссо» (Кишинев, 1962, на молд. яз.), а также ряд статей его и других авторов. Особое внимание в них уделено анализу специфики революционно-демократических воззрений молдавского мыслителя, защите им идеи дружбы и братства народов.

Отдельные вопросы истории философской и общественно-политической мысли республики были рассмотрены в статьях В. М. Смелых, Н. А. Агасьевой, А. К. Сулова, А. И. Бабий и других ученых. В. М. Смелых исследовала развитие прогрессивной общественно-политической мысли Молдавии во второй четверти XIX века. Она опубликовала ряд статей, посвященных анализу общественно-политических и философских идей молдавских просветителей того времени — К. Стамати, А. Хыждэу и А. Донича. В статье Н. А. Агасьевой и В. М. Смелых «К вопросу о развитии материалистических тенденций в трудах

⁷ «Октябрь», 1955, № 3.

молдавских ученых-естествоиспытателей 30—50-х гг. XIX века»⁸ детально изложены материалистические взгляды видных молдавских ученых первой половины прошлого века Я. Чихака, Т. Стамати и К. Вырнава. А. И. Бабий написал статьи «К вопросу о борьбе материализма с идеализмом в Румынии во взглядах на природу (I четв. XX века)»⁹ и «Философские взгляды А. Д. Коцовского»¹⁰, в которых раскрывает материалистические взгляды на природу, социологические идеи и элементы диалектики, объективно присущие воззрениям этого крупного молдавского невролога конца XIX — нач. XX вв., а также серию статей, посвященных анализу ряда проблем в истории философской и общественно-политической мысли Молдавии: «Проблема свободы воли в общественно-политической и философской мысли Молдавии конца XIX — начала XX вв.»¹¹, «И. Кант в философской мысли Молдавии (2-я половина XIX — начало XX вв.)» (Проблемы теории познания. Кишинев, 1972), в соавторстве с Л. Ф. Мокряком статью «Проблема наследственности в трудах естествоиспытателей Молдавии начала XX века»¹² и др. Л. Б. Штейман напечатал ряд статей об общественно-политических и философских взглядах Н. Бэлческу¹³, В. А. Тонковидов — статью «Философские взгляды М. Эминеску»¹⁴, С. Д. Рошка — статью «Место Михаила Когэлничану в истории философской мысли Молдавии»¹⁵.

Работая над историей философской и общественно-политической мысли Молдавии, отдельные философы республики (А. И. Бабий, В. Н. Ермуратский, П. А. Ковчегов, В. М. Смелых) поместили соответствующие разделы в «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР», в шеститомную «Историю философии», в книгу «Марксистско-ленинская философия и социология в СССР и европейских социалистических странах», а также в I—IV тт. «Истории философии в СССР». Во всех своих исследованиях особое внимание они уделили раскрытию прогрессивного влияния передовой русской мысли на молдавских мыслителей, освещению многовековой духовной связи русского и молдавского народов.

Все указанные монографии и статьи позволили философам создать коллективный труд «Из истории общественно-политической и философской мысли в Молдавии» (Кишинев, 1970, на молд. яз.), в котором в виде очерков впервые дается относительно полное, стройное и последовательное изложение истории развития философской и общественно-политической мысли в Молдавии в XVI — нач. XX вв., вскрываются общие и специфические особенности этого сложного процесса.

Появились и первые публикации, опровергающие домыслы современных буржуазных фальсификаторов истории философской и общественно-политической мысли Молдавии¹⁶.

⁸ «Известия МФ АН СССР», 1958, № 3 (48).

⁹ Там же.

¹⁰ «Известия АН МССР», 1962, № 1.

¹¹ А. И. Б а б и й. Проблема свободы воли в общественно-политической и философской мысли в Молдавии конца XIX — начала XX в. — В кн.: Из истории религии и атеизма в Молдавии. Кишинев, 1970.

¹² «Известия АН МССР», 1972, № 1.

¹³ «Учен. зап. Кишиневск. гос. ун-та», т. 34; «Некоторые вопросы философии». Кишинев, 1959, № 1. Там же, 1961, № 2.

¹⁴ «Некоторые вопросы философии». Кишинев, 1963, № 3.

¹⁵ Некоторые вопросы философии. Кишинев, 1970.

¹⁶ А. И. Б а б и й. Против современных буржуазных фальсификаторов истории философской и общественно-политической мысли Молдавии. — В кн.: Против буржуазных фальсификаторов истории и культуры молдавского народа. Кишинев, 1972, и др.

Необходимо отметить, что вопросы развития общественно-политической и философской мысли Молдавии нашли свое отражение и в трудах историков молдавской литературы. Однако, давая характеристику жизненного и творческого пути ряда молдавских писателей и мыслителей прошлого, некоторые из этих исследователей в какой-то мере стали сползать на позиции теории «единого потока». В ряде публикаций философов неверно трактовались философские взгляды В. Л. Лашкова, П. А. Крушеван был ошибочно зачислен в разряд молдавских мыслителей.

Ошибочные выводы отдельных литературоведов и философов подверглись справедливой и принципиальной критике на страницах республиканской печати¹⁷, на IX пленуме ЦК КПКМ¹⁸ и IX съезде КПКМ¹⁹. Решения и публикации партийных органов МССР оказали эффективную помощь исследователям истории культуры молдавского народа и дали новый толчок критическому изучению его литературного и философского наследия.

Большое внимание в республике уделяется исследованию советского периода развития марксистско-ленинской философии. В этом плане особый интерес представляют работы А. В. Щеглова «Из истории борьбы В. И. Ленина за диалектический материализм» (Пермь, 1960), «Советская философия в 20—40-х годах (в период от смерти В. И. Ленина до XX съезда КПСС)» (Кишинев, 1965), «В. И. Ленин о партийности марксистской философии» (Кишинев, 1969) и вышедший в свет под его редакцией сборник «Некоторые аспекты ленинского философского наследия» (Кишинев, 1971, на молд. яз.). На богатейшем фактическом материале раскрывается борьба В. И. Ленина с субъективизмом народников, буржуазным объективизмом «легальных» марксистов, вульгарным материализмом «экономистов» и меньшевиков, подробно анализируются гениальные ленинские труды «Материализм и эмпириокритицизм», «О значении воинствующего материализма» и прослеживается развитие диалектического материализма в СССР после смерти В. И. Ленина. Эти же вопросы нашли свое отражение в серии статей А. В. Щеглова («Философское завещание В. И. Ленина»²⁰, «В. И. Ленин о единстве философии и политики»²¹ и др.), а также А. Е. Кожокар («Критика В. И. Лениным социологических теорий русских махистов и современность»²²), А. П. Пузанова («В. И. Ленин о сознательном соединении диалектических противоположностей»²³) и др.

Философы Молдавии занимаются историей буржуазной философии конца XIX и XX вв. В коллективном сборнике «Некоторые вопросы истории философии» (Кишинев, 1972) П. В. Берлинский подвергает критике воззрения французских психологов Мен де Бирана, Т. Рибо, П. Жане и методологические основы генетической психологии Ж. Пиаже, а Ю. А. Коршунова — историко-гносеологические корни современных вариантов «теории равновесия». Интересную статью об экзистенциализме опубликовал Г. Бергинер²⁴. Н. Г. Михай в фундаментальной

¹⁷ «Коммунист Молдавии», 1959, № 3, с. 62—75; там же, 1972, № 3, с. 65—73.

¹⁸ «Советская Молдавия», 1959, 25 сентября.

¹⁹ «Советская Молдавия», 1960, 29 января.

²⁰ «Коммунист Молдавии», 1972, № 3.

²¹ «Коммунист Молдавии», 1973, № 12.

²² «Коммунист Молдавии», 1972, № 9.

²³ «Коммунист Молдавии», 1973, № 2.

²⁴ Г. Бергинер. Экзистенциализм — буржуазная философская теория. «Коммунист Молдавии», 1971, № 6.

работе «Критика гносеологии неорационализма» (Кишинев, 1973) разбирает философские воззрения Г. Башляра, Ф. Гонсета и других французских неорационалистов. В указанной работе автор пытается выделить то ценное, что содержится в философии неорационализма²⁵, определить особенность неопозитивистской и неорационалистической разновидностей буржуазной «философии науки», вскрыть их ограниченность и показать, как извращаются ими современные достижения науки.

Сотрудники Отдела философии и права АН МССР исследовали историко-философский процесс в Социалистической Республике Румынии. Итоги исследования обобщены в монографии А. Д. Мазылу «Развитие историко-философской науки в Социалистической Республике Румынии (1944—1969)» (Кишинев, 1973). В своей книге автор стремился раскрыть общие и специфические закономерности развития историко-философского знания в СРР за 25 лет существования народной власти и влияние на них советской историко-философской науки.

Философы, работающие в вузах республики, подготовили серию учебных пособий для студентов. Среди них выделяются брошюры П. А. Ковчegov «Немецкая классическая философия» (Кишинев, 1965), Л. К. Гришанова и С. Д. Рошки «Философия XVII—XVIII вв. (борьба французских материалистов XVIII века против идеализма и религии)» (Кишинев, 1972).

После XX съезда КПСС ученые Молдавии гораздо шире, чем раньше, стали заниматься разработкой вопросов *диалектического и исторического материализма*. Борьба за преодоление культа личности положительно отразилась в их творчестве. Появилась работа П. А. Ковчegov «О ликвидации последствий культа личности в преподавании философских дисциплин»²⁶.

Большое место в трудах философов заняла разработка проблем *категорий диалектического и исторического материализма*. Р. А. Аронов в журнальных статьях, в выступлениях на теоретических конференциях и симпозиумах рассматривал категории «пространство» и «время», в частности, проблему пространства и времени в микромире²⁷. Была напечатана статья Б. П. Ардентова «К становлению категорий движения, пространства и времени (по материалам русского языка)»²⁸. Н. П. Васильев занимался исследованием категорий «возможность», «действительность» и «вероятность». Результаты его исследований изложены в статьях, опубликованных в различных сборниках²⁹ и брошюрах, одна из которых — «Руководящая роль КПСС в реализации возможностей социализма в период строительства коммунизма» (Кишинев, 1963). Категория «причинность» исследовалась А. И. Безруковым³⁰, а вопрос об отличии понятия «отражение» от понятия «информация» разобран в статье С. В. Котиной³¹. Понятия определенности и

²⁵ Неорационализм — одно из влиятельных и малоизученных течений современной буржуазной философии. Исследуя преимущественно активную конструктивную сторону разума, противопоставляет свою философию эмпиризму как пассивной теории познания.

²⁶ «Некоторые вопросы философии», № 3.

²⁷ Р. А. Аронов. К проблеме пространства и времени в физике элементарных частиц. — В кн.: Философские проблемы физики элементарных частиц. М., 1963.

²⁸ «Некоторые вопросы философии», № 3.

²⁹ «Некоторые вопросы философии», № 1, № 2, № 3.

³⁰ «Некоторые вопросы философии», № 3.

³¹ «Труды Кишиневск. сельхоз. ин-та», т. 56, 1968.

неопределенности в истории философии были исследованы П. И. Визиром в статье под таким же названием³².

Подверглись анализу и некоторые категории исторического материализма. В. А. Демичев исследовал категории «общественное бытие» и «общественное сознание»³³.

Разработке важнейших категорий исторического материализма посвящена и монография В. А. Демичева «Общественное бытие и общественное сознание, механизм их взаимосвязи» (Кишинев, 1970). Автор попытался обобщить опубликованные статьи и монографии, посвященные происхождению, структуре, формам и функциям общественного сознания; и исследовать механизм взаимосвязи общественного сознания и общественного бытия. Книга представляет значительный интерес, хотя она написана в дискуссионной манере и в ней есть ряд спорных трактовок. На эту же тему написал статью «К вопросу о сознании в диалектическом и историческом материализме»³⁴ Д. И. Левичев.

Учеными республики были опубликованы работы по многим проблемам философии. Так, П. М. Румлянский поместил в сборнике «Философские и социологические исследования в Молдавии» (Кишинев, 1970) статью «Системно-структурные исследования и эволюция понятия структуры». Ф. Д. Капленков опубликовал в «Трудах Кишиневск. сельхоз. ин-та» (1963, т. 32) статью «Некоторые вопросы гипотезы», а Е. Д. Брума — в т. 56 такого же сборника — статьи «Роль эксперимента в изучении количественной и качественной сторон биологических явлений» и «Связь гипотезы и научного эксперимента. Роль экспериментов в превращении гипотезы в научную теорию». В том же сборнике представляет интерес статья Г. М. Черницы «О проблеме образа в психофизиологическом аспекте». Заслуживают внимания и статьи В. Я. Кречикова «В. И. Ленин о соотношении логики, диалектики и теории познания»³⁵ и «Некоторые аспекты идеи в проблеме соотношения логики, диалектики и теории познания»³⁶.

Достигнуты определенные результаты в разработке отдельных вопросов гносеологии. Это нашло свое отражение в сборнике «Проблемы теории познания» (Кишинев, 1972), в котором рассматривается ряд вопросов теории познания в трудах молдавских мыслителей и естествоиспытателей феодальной и капиталистической эпох. В историческом плане дается критика кантианства в Молдавии конца XIX — начала XX века, раскрывается теоретико-познавательное значение категории «система», подвергаются критическому анализу взгляды неорационалистов на взаимоотношение теории и эксперимента, субъективного и объективного, анализируется отрицательное влияние религиозных взглядов на познание верующими окружающей действительности.

Кроме того, в 1967—1970 гг. в журнале «Коммунист Молдавии» в помощь изучающим марксистско-ленинскую философию была напечатана серия статей по диалектическому материализму, написанных А. В. Щегловым, Н. Г. Михаем, В. А. Демичевым, П. А. Ковчegovым, В. М. Смелых и другими философами.

Большое место среди научной продукции философов Молдавии занимают работы по *философским проблемам естествознания*. Сюда от-

³² Проблемы теории познания. Кишинев, 1970.

³³ В. А. Демичев. Границы общественного бытия. — «Учен. зап. Кишиневск. гос. ун-та», 1968, № 103; его же. Функции и структура общественного сознания. Там же.

³⁴ «Учен. зап. Кишиневск. гос. ун-та», 1968, № 103.

³⁵ «Некоторые вопросы марксистско-ленинской философии». Кишинев, 1970.

³⁶ Проблемы строительства социализма и коммунизма. Кишинев, 1971.

носятся общетеоретические статьи по вопросам физики: С. В. Котиной «К вопросу о философской проблеме вероятности в квантовой механике»³⁷, Н. Г. Михая «О некоторых философских вопросах квантовой механики»³⁸, статья Р. А. Аронова «К вопросу о философском содержании и значении частной теории относительности»³⁹, а также статьи М. А. Свердлова о физике Д. А. Гольдгаммера⁴⁰. В 1968 г. вышла в свет монография Н. Г. Михая «Диалектический материализм и современная физика» (Кишинев, 1968, на молд. яз.), в которой наряду с детальным рассмотрением проблемы соотношения философии и естествознания подвергнуты принципиальной критике ошибочные воззрения Ф. Франка, Ж. Л. Детуш, П. Детуш-Феврие и других современных неорационалистов.

Значительная часть работ касается философских вопросов биологии. Здесь следует упомянуть статьи Ф. Н. Каплуненко «Рефлекторная теория И. М. Сеченова и И. П. Павлова — естественнонаучная основа чувственного и рационального моментов в познании», Л. П. Дергачевой «Диалектико-материалистические черты мировоззрения Н. И. Вавилова»⁴¹ и «Методологическое значение закона гомологических рядов и наследственной изменчивости»⁴², «Методологические проблемы в научном творчестве Н. И. Вавилова»⁴³, «Критика виталистических концепций в биологии»⁴⁴.

За последние годы в Молдавской ССР получили дальнейшее развитие исследования в области исторического материализма и научного коммунизма. Среди работ, в которых рассматриваются проблемы исторического материализма, следует прежде всего отметить книгу «О некоторых современных реформистских и ревизионистских «теориях» перехода от капитализма к социализму» (Кишинев, 1961), написанную О. В. Адамовым. Этой же проблеме посвящена и статья Д. Т. Урсула «Ленинская критика ревизионизма и ее значение для борьбы против современного ревизионизма»⁴⁵.

После XXII съезда КПСС разработка различных вопросов исторического материализма приобрела новый размах. Философы Молдавии не только развернули большую работу по широкой пропаганде Программы КПСС, принятой съездом, но и поставили в центре своих научных изысканий исследование закономерностей современной эпохи — эпохи перехода от капитализма к социализму, а также закономерностей развития советского общества в период строительства коммунизма.

В результате такого рода исследований появились брошюры А. А. Завтура «Социализм — будущее всего человечества» (Кишинев, 1963, на молд. яз.), П. А. Ковчегова «Программа КПСС об исторической неизбежности отмирания социалистического государства» (Кишинев, 1962), Н. П. Васильева «Руководящая роль КПСС в реализации возможностей социализма в период строительства коммунизма» (Кишинев, 1963), А. И. Бабня и В. Н. Ермуратского «Расцвет культуры молдавского села» (Кишинев, 1962). По вопросу о диалектике развития социализма П. А. Ковчегов опубликовал статьи «К вопросу о диалек-

тике общественного развития при социализме»⁴⁶ и «К вопросу о системе противоречий социалистического общества»⁴⁷. Они ориентируют на глубокое изучение противоречий социалистического общества — различия между городом и деревней, умственным и физическим трудом и т. д. — с целью разработки системы мер, необходимых для обеспечения быстрых темпов нашего продвижения к коммунизму.

В республике продолжалось исследование и других философских проблем. По теме «Строительство коммунизма и технический прогресс» опубликовал ряд статей В. В. Самарин. Одна из них — «Некоторые вопросы значения техники для строительства коммунизма»⁴⁸.

Важные теоретические проблемы подняты в статьях Г. М. Каца «Общество как система социальных отношений» и «Соотношение социальной системы и социальной структуры общества»⁴⁹.

Проблеме развития социалистических общественных отношений посвящен также ряд работ Д. Т. Урсула. В его монографиях «О формировании коммунистических производственных отношений» (Кишинев, 1963, на русск. и молд. яз.), «Развитие общественных отношений в Советской Молдавии» (Кишинев, 1967), «На пути к бесклассовому коммунистическому обществу» (Кишинев, 1973, на молд. яз.) и других работах⁵⁰ исследуются диалектика развития производительных сил и производственных отношений в социалистическом обществе, закономерности преодоления существенных различий между городом и деревней, людьми физического и умственного труда, стирания классовых различий, развития национальных отношений. Автор уделяет значительное внимание изучению и обобщению конкретного опыта работы Молдавской ССР по устранению этих социальных различий с учетом местных специфических особенностей, а также тем процессам в социально-экономической, политической и духовной жизни, которые способствуют сближению социалистических наций, укреплению дружбы советских народов.

Проблема преодоления существенных различий между городом и деревней в период строительства коммунизма рассмотрена в монографиях Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Молдавии И. И. Бодюла «Преодоление существенных различий между городом и деревней в условиях Молдавской ССР» (Кишинев, 1967), «Важная социальная проблема коммунистического строительства» (Кишинев, 1969), «Экономические и социально-политические проблемы сближения города и деревни» (Кишинев, 1972) и в других его работах. Автор творчески, на высоком теоретическом уровне подвергает глубокому анализу достигнутые в нашей стране успехи в ликвидации противоположности между городом и деревней и в постепенном сближении их социально-экономического и культурно-бытового уровня, а также выдвигает научно аргументированные прогнозы о темпах, методах и формах протекания процессов сближения города и деревни в настоя-

⁴⁶ «Коммунист Молдавии», 1966, № 11.

⁴⁷ «Учен. зап. Кишиневск. гос. ун-та», № 103.

⁴⁸ «Некоторые вопросы философии», № 3.

⁴⁹ «Некоторые вопросы марксистско-ленинской философии», Кишинев, 1970.

⁵⁰ Д. Т. Урсул. Развитие общественных отношений в деревне в период постепенного перехода к коммунизму. — «Коммунист Молдавии», 1961, № 9; его же. Развитие производительных сил сельского хозяйства и общественных отношений в деревне в период перехода к коммунизму. — «Некоторые вопросы философии», № 3; его же. Формирование коммунистических общественных отношений (на молд. яз.). — В кн.: Изучайте, пропагандируйте, претворяйте в жизнь. Кишинев, 1962; его же. Развитие общественных отношений в деревне в период перехода к коммунизму. — «Труды Кишиневск. сельхоз. ин-та», т. 22, 1963; его же. Развитие общественных отношений и коммунистическое воспитание трудящихся. — «Труды Кишиневск. сельхоз. ин-та», т. 56 и др.

³⁷ «Труды Кишиневск. сельхоз. ин-та», т. 56.

³⁸ «Коммунист Молдавии», 1966, № 5.

³⁹ «Некоторые вопросы философии», № 2.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Некоторые вопросы философии», Кишинев, 1964, № 4.

⁴² «Труды Кишиневск. сельхоз. ин-та», т. 46, 1966.

⁴³ Труды конференции ВИР. Л., 1967.

⁴⁴ Проблемы строительства социализма и коммунизма. Кишинев, 1971.

⁴⁵ «Коммунист Молдавии», 1960, № 4.

щее время и перспективах слияния их в будущем. Ставя и решая многие теоретические вопросы, И. И. Бодюл основывает свои выводы главным образом на материалах Молдавской ССР. Однако сделанные в вышеуказанных книгах теоретические выводы и обобщения, намеченные пути преодоления существенных различий между городом и деревней характерны как для Молдавии, так и для других советских республик.

В своих монографиях И. И. Бодюл дает всесторонний анализ работы Компартии Молдавии, ее Центрального Комитета, первичных партийных организаций по решению проблем развития производительных сил, совершенствования общественных отношений на селе и коммунистического воспитания крестьянства.

В работе «Роль науки в преодолении существенных различий между умственным и физическим трудом» (Кишинев, 1971) С. П. Мальский и Н. Н. Плеханов исследуют изменения социальных функций науки, превращение ее в непосредственную производительную силу, закономерности преобразования характера труда и формирования научного мышления советского рабочего в условиях научно-технической революции. Авторы раскрывают также роль технического творчества трудящихся в деле органического соединения науки с материальным производством и основные стороны научного управления процессом ликвидации существенных различий между умственным и физическим трудом в ходе коммунистического строительства.

Большой интерес представляет монография А. А. Завтура «Формирование и развитие социальной структуры социализма в Молдавии» (Кишинев, 1972, на молд. яз.). Автор обстоятельно исследует процесс формирования и развития социальной структуры в Молдавской ССР в переходный период от капитализма к социализму, прослеживает изменения взаимоотношений классов и социальной природы рабочего класса, крестьянства и интеллигенции на различных этапах строительства социалистического общества, выделяет формы и методы преодоления существенных различий между классами, городом и деревней, физическим и умственным трудом. Значительное место в книге уделяется изучению общего и особенного в создании социально-классовой структуры социализма и выявлению тенденций, закономерностей и специфических особенностей преодоления социальных различий в Молдавской ССР.

С начала 60-х гг. в Молдавии развернулись конкретно-социологические исследования. Группа философов республики совместно с сотрудниками Института философии АН СССР приступила к конкретному изучению изменения социально-экономического и культурного облика молдавского села Копанка за годы Советской власти. Результаты исследования обобщены в книге «Копанка 25 лет спустя» (Москва, 1965). В ней на большом фактическом материале показано, что, благодаря братской помощи, оказанной молдавскому народу другими народами СССР, после 1944 г. ускорились темпы социалистического строительства в Правобережной Молдавии. В 1966 г. вышла в свет брошюра И. Я. Романухи «Новая жизнь — новые люди» (Кишинев, на молд. яз.), повествующая о культурном росте жителей села Чеколтены Оргеевского района МССР за годы Советской власти.

Итогом изучения группой философов, историков и экономистов г. Кишинева роли бригад коммунистического труда в промышленности республики явилась книга «Великий почин на новом этапе. Роль дви-

жения за коммунистический труд в строительстве коммунизма» (Кишинев, 1967)⁵¹.

В дальнейшем конкретные социологические исследования изменений в экономических и социальных отношениях, в быту и сознании тружеников города и деревни приобрели еще большую широту. Так, философы и социологи республики провели комплексное исследование изменений социальной структуры сельского населения, происшедших в условиях социалистического строя. Данные этой работы обобщены в монографических трудах Г. С. Ентелеса «Духовный облик колхозного крестьянства. Опыт социологического исследования на материалах Молдавской ССР» (Кишинев, 1967), «Колхозное крестьянство на пути к коммунизму» (Кишинев, 1969) и «Изменение социальной структуры сельского населения МССР» (Кишинев, 1974). В монографиях прослеживаются специфические особенности (классовые, половозрастные, профессиональные, культурно-образовательные и др.) изменений в социальной структуре молдавского села и преобразования духовного облика крестьянства в ходе строительства социализма и перехода к коммунизму, а также обосновываются рекомендации по совершенствованию планирования и управления такими структурными процессами.

Этой же проблеме посвящена и работа В. М. Корбу «Становление и развитие сельской интеллигенции в Советской Молдавии» (Кишинев, 1974), в которой на основе архивных и статистических данных, материалах социологических исследований освещены основные пути и этапы формирования и развития новой интеллигенции молдавского села, показана ее роль в строительстве социализма и коммунизма.

Социологи и философы республики принимают активное участие в составлении перспективных планов развития районов, населенных пунктов и отдельных промышленных предприятий. По результатам проведенных в 1972 г. комплексных социологических исследований поселка Калининск Единецкого района опубликована монография «Калининск планирует свое завтра», в которой на основе анализа сегодняшней жизни поселка разработан широкий план его развития до 1980 г. В определенной мере изучена также роль периодической печати в народном хозяйстве и культуре на современном этапе. В частности, А. И. Тимуш провел социологическое исследование читательской аудитории Оргеевской районной газеты «За коммунизм». Эти результаты обобщены в монографии «Газета и мнение читателя» (Кишинев, 1973). Им же развернуты комплексные исследования влияния научно-технического прогресса на рост производительности труда, увеличение объема сельскохозяйственного производства, повышение его рентабельности, отношение к труду, расширение диапазона духовных интересов и возрастание общественной активности современного советского крестьянства. Особое внимание уделяется освещению социальных последствий дальнейшей концентрации сельскохозяйственного производства, объективных предпосылок, обусловивших зарождение и развитие аграрно-промышленных комплексов и производственных объединений.

Сотрудники Отдела философии и права совместно с Институтом экономики АН МССР участвовали в составлении Плана социального развития Новоаненского района Молдавской ССР. Исследовав проблемы коммунистического воспитания и повышения общественной активности трудящихся, они разработали рекомендации по этим вопросам.

За последние годы сотрудники Отдела философии и права АН МССР

⁵¹ Авторы: В. А. Демичев, Л. К. Гришанов, Г. Г. Квасов, К. Н. Джемеджиан и др.

приступили к анализу социальных процессов, происходящих в городах республики, на промышленных предприятиях и в производственных коллективах. Научным сотрудником Н.А. Победой на основе социологических исследований предпринята попытка определить социально-культурный аспект процесса урбанизации, раскрыть закономерности культурного развития больших, средних и малых городов республики⁵².

Разработка социальных процессов в производственных коллективах направлена на изучение проблем взаимоотношений внутри этих коллективов, отношения к труду, повышения производительности труда, развития социалистического соревнования, стабильности рабочих кадров, рационального использования трудовых ресурсов и др. На основе данных, полученных в результате комплексного исследования производственного коллектива Кишиневского тракторного завода, опубликована коллективная монография «Социальная активность работников промышленного предприятия» (Кишинев, 1973) и составлен план социального развития Кишиневского тракторного завода, в котором наряду с анализом экономического состояния предприятия разработаны научно обоснованные рекомендации его развития. Отделом философии и права было проведено также комплексное исследование трудовых ресурсов Рыбницкого района, при котором выявилась имеющаяся диспропорция между фактическим объектом труда и реальными трудовыми ресурсами. Учеными составлен план наиболее рационального их использования.

Результатом широкого социологического исследования является монография И. С. Солтана «Политическая учеба и развитие общественно-политической активности работников промышленных предприятий» (Кишинев, 1973). В ней на основе обобщения большого фактического материала, собранного путем обследования 39 промышленных предприятий г. Кишинева, анализируются виды социальной активности трудящихся. Автор прослеживает механизм воздействия системы политического просвещения на поведение людей в общественной жизни; дает рекомендации, направленные на улучшение этой системы. В монографии большое внимание уделяется повышению эффективности идеологической работы партийных и комсомольских организаций.

В Молдавской ССР за последнее время начата разработка некоторых проблем общественной психологии. Так, в монографии Ф. Д. Капленкова «Некоторые аспекты социальной психологии» (Кишинев, 1972, на молд. яз.) дана характеристика и структура психологии как социального явления, проанализированы социально-психологические вопросы, которые имеют в настоящее время большое теоретическое и практическое значение. Автор показывает место и роль социально-психологических явлений в жизни людей, в разных областях их деятельности: в повседневной жизни, на работе, в политической и духовной жизни общества. В книге рассмотрены некоторые закономерности развития социальной психологии, значение анализа этих закономерностей в практической деятельности людей и в работе по коммунистическому воспитанию человека. В данной монографии автором использованы материалы о жизни и деятельности трудящихся масс нашей республики.

Исследованию проблем развития наций и национальных отношений в Молдавской ССР придается важное значение. Кроме книги Д. Т. Урсула, о которой уже говорилось, эти вопросы рассматриваются в работе

⁵² Некоторые особенности формирования культуры городов Молдавии. — В кн.: Философские и социологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1970; Описание количественных параметров культурной среды средних городов Молдавии. — «Известия АН МССР», 1971, № 3.

А. В. Грекула «Формирование и развитие молдавской социалистической нации» (Кишинев, 1955). В декабре 1966 г. в г. Тирасполе состоялась Республиканская научная конференция, посвященная вопросам теории национальных отношений, развитию и сближению наций, интернациональному воспитанию трудящихся в условиях коммунистического строительства. В ее работе приняли участие преподаватели вузов и научные работники Москвы, Ленинграда, Ростова, Украины, Белоруссии, Латвии, Азербайджана, Дагестана, Татарии. Доклады этой конференции были опубликованы в сборнике под названием «Материалы межвузовской Республиканской научной конференции по теме «Расцвет и сближение советских наций и народностей». Указанный сборник посвящен проблемам интернационализации общественной жизни, формам экономического сотрудничества союзных республик и выравнивания уровней их экономического развития, сущности тенденции сближения советских наций и формирования интернациональных черт в их духовном облике, а также другим актуальным вопросам развития национальных отношений в нашей стране.

Существенным вкладом в разработку этой темы является монография Д. Т. Урсула «Расцвет и сближение советских наций» (Кишинев, 1971, на молд. яз.) В ней на основе обобщения большого теоретического и фактического материала на примере Молдавской ССР раскрываются закономерности сближения советских наций. Автор показывает также благотворную роль идей пролетарского интернационализма и советского патриотизма в жизни советских людей.

К этой теме относятся и интересные работы И. Г. Борщевича «Об особенностях интернационализации общественной жизни при капитализме и социализме» (М., 1966), «О социальном типе интернационализации общественной жизни»⁵³, «Об особенностях интернационализации материальной и духовной жизни общества в современных условиях»⁵⁴ и др.

В ответ на активизировавшуюся в послевоенные годы пропагандистскую деятельность служителей различных религиозных культов философы Советской Молдавии развернули большую работу в области *научного атеизма*. Уже в конце 40-х годов вышла в свет брошюра Н. Д. Поморцева «Наука и религия» (Кишинев, 1949).

Огромное значение для развития научно-атеистической работы в республике сыграли постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» от 10 ноября 1954 г. и «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения», одобренные в 1964 г. ЦК КПСС, а также Программа КПСС и Устав КПСС.

В соответствии с требованиями этих партийных документов в республике значительно улучшилось атеистическое воспитание молодежи. В крупнейших вузах и ряде средних специальных учебных заведений был введен курс «Основы научного атеизма». Киностудия «Молдова-Фильм» выпустила несколько художественных и документальных атеистических картин. Из года в год возрастало число лекций на научно-атеистические и естественнонаучные темы, читаемых по линии общества «Знание». Наряду с научно-атеистической литературой на русском языке в распоряжение местных лекторов, пропагандистов и рядовых читателей поступало все больше научно-атеистической литературы на молдавском языке. На молдавский язык были переведены и изданы все

⁵³ «Учен. зап. Бельк. пед. ин-та», т. 9. Кишинев, 1967.

⁵⁴ Социально-политическое и культурное развитие социалистического общества. М., 1969.

труды В. И. Ленина, вошедшие в 4-е издание его сочинений. Кроме того, отдельными книгами изданы на молдавском языке работы В. И. Ленина «Социализм и религия» и «Об отношении рабочей партии к религии» (1954), сборники «В. И. Ленин. О религии» (1955) и «В. И. Ленин. Статьи о Толстом» (1960). Были также переведены на молдавский язык и изданы важнейшие атеистические труды Е. Ярославского, И. П. Цамеряна, З. Косидовского и других советских и зарубежных атеистов.

Стало расти число трудов по научному атеизму, написанных местными авторами. Среди них — серия брошюр и монографий, посвященных критике религии вообще⁵⁵, в том числе с позиций естествознания⁵⁶, критике православия⁵⁷, иуданзма⁵⁸, религиозного сектантства⁵⁹, религиозных традиций⁶⁰ и показу атеистических тенденций в молдавском фольклоре⁶¹, пропаганде опыта атеистического воспитания учащихся⁶². В республиканских журналах и газетах были опубликованы сотни статей на научно-атеистические и естественнонаучные темы.

Появились труды источниковедческого и антологического характера: К. Поповичем и И. Сорокой составлен сборник «Отец Киселица и присные» (1965, на молд. яз.), включающий отрывки из атеистических и антицерковных произведений К. Стамати, К. Негруци, А. Руссо, М. Эминеску, К. Стамати-Чурн и других молдавских писателей; сборник «Из истории атеистической мысли в Молдавии», подготовленный А. И. Бабием и В. Н. Ермуратским (1967, на молд. яз.), содержит отрывки из трудов Д. Кантемира, Амфилохия Хотинского, Н. П. Зубку-Кодряну, З. Ралли-Арбуре, А. Г. Барладяна и других молдавских мыслителей и естествоиспытателей прошлого. В 1969 г. увидел свет составленный А. П. Лисовиной, К. П. Крыжановской и В. И. Жуковым сбор-

⁵⁵ А. В. Симонов. Происхождение и классовая сущность религии. Кишинев, 1958; Научное и религиозное мировоззрение. Кишинев, 1965 (на русск. и молд. яз.); М. Мунтяну. Святые заповеди. Кишинев, 1966 (на молд. яз.); Т. М. Полтавченко. Кто такие святые и блаженные. Кишинев, 1967 (на молд. яз.) и др.

⁵⁶ Т. И. Малиновский. Человек, бог и наука. Кишинев, 1964; И. К. Парно. Были ли созданы небо и Земля? Кишинев, 1965 (на молд. яз.); Н. Кетрару, Л. Полевой. Правда о происхождении человека. Кишинев, 1965 (на молд. яз.); В. Шаларь. Как произошла жизнь на Земле? Кишинев, 1971 (на молд. яз.) и др.

⁵⁷ А. И. Бабий. Во что обошлась молдавскому народу православная церковь. — «Известия АН МССР», 1965, № 12; А. И. Бабий, В. Н. Ермуратский. Из истории борьбы дарвинизма с религией в Молдавии. — «Известия АН МССР», 1966, № 12; А. И. Бабий. Православная церковь и государственная власть в Молдавии. — В кн.: Страницы истории религии и атеизма в Молдавии. Кишинев, 1970; его же. Как относилась к науке православная церковь в Молдавии во второй половине XIX и начале XX в. — «Известия АН МССР», 1967, № 2 и др.

⁵⁸ Ф. С. Маяцкий. Иуданзм, его сущность и происхождение. Кишинев, 1958; его же. Правда о Торе и Талмуде. Кишинев, 1960; его же. Современный иуданзм и сионизм. Кишинев, 1964; его же. «Пророческий социализм» и сионистский вариант «социализма». Кишинев, 1973; М. А. Гольденберг. Мифы сионизма. Кишинев, 1972; его же. Социально-политическая доктрина сионизма. Кишинев, 1973.

⁵⁹ З. Рябошапка. Религиозные и антирелигиозные истории. Кишинев, 1957 (на молд. яз.); В. Ф. Гажос. Особенности идеологии неговизма и религиозное сознание сектантов. Кишинев, 1969; Д. Н. Табакару. О состоянии баптистской церкви на территории республики. — В кн.: Страницы истории религии и атеизма в Молдавии. Кишинев, 1970; его же. Взгляды евангельских христиан-баптистов на общественные явления. — В кн.: Философские и социологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1970 и др.

⁶⁰ В. С. Зеленчук, Л. Д. Лоскутова. Против вредных традиций прошлого. Кишинев, 1960.

⁶¹ Г. Ботезату, М. Савина, Г. Тимофте. Народ о религии и духовенстве. Кишинев, 1961 (на молд. яз.).

⁶² В. Гажос. Атеистическое воспитание на уроках истории. Кишинев, 1963 (на молд. яз.).

ник документов «Реакционная роль религии и церкви». — редактор А. И. Бабий, — раскрывающий деятельность священнослужителей Молдавии после 1812 г.

Произошел существенный сдвиг в области изучения истории развития идей свободомыслия, антиклерикализма и атеизма в Молдавии. Вышли работы К. Ф. Поповича «Молдавские классики о духовенстве и религии» (1960, на молд. яз.), «Антиклерикальные и атеистические мотивы в молдавской классической литературе» (1966, на молд. яз.) и статьи А. И. Бабия «Антиклерикальные и атеистические выступления крестьян Молдавии в 1900—1917 гг.»⁶³ и «Антиклерикальные и атеистические настроения среди горожан Молдавии эпохи империализма»⁶⁴, «Молдавские революционные народники о религии и церкви»⁶⁵ и монография⁶⁶.

В отдельных работах, изданных в Кишиневе, освещаются важные этапы истории русокой и западноевропейской атеистической мысли. Таковы монография Л. К. Гришанова «Бойкая, живая, талантливая» (1966), посвященная разбору атеистических воззрений П. Гольбаха, книга В. Ружицы «Маяковский против религии» (1967).

Значительный интерес представляют исследования, в которых освещаются основные черты атеистического мировоззрения вообще. Среди них выделяются солидные работы Л. К. Гришанова «Гуманистическая сущность атеизма» (1970, на молд. яз.) и «Атеизм как утверждение бытия человека» (1973), коллективные сборники «Некоторые вопросы атеизма» (1970, на молд. яз.), «Научный атеизм и религия» (1971, на молд. яз.) и др.

Интересные материалы посвящены раскрытию путей преодоления религиозных пережитков в республике. Таковы работы Л. Н. Кригануцы и Ф. З. Табунщика «Религиозные пережитки и пути их преодоления» (1967), В. Г. Штюки «Быт и религия» (М., 1966) и «Социальные проблемы сельского быта в Молдавии» (1971), коллективный сборник «Вопросы научного атеизма и антирелигиозной работы в Молдавии» (1968) и др. Подготовлено к печати учебное пособие для школ минимума знаний о природе и обществе.

Большую помощь лекторам-атеистам оказали книги, включающие рассказы лиц, освободившихся от религиозных верований. Это работы М. Гиласа и А. Мулика «Прозрение» (1964, на молд. яз.), В. Ф. Гажоса «Бегство из тьмы» (1967, на молд. яз.) и др.

Одновременно в Молдавии проделана большая работа по подготовке квалифицированных лекторов-атеистов и накоплен положительный опыт по созданию и внедрению новых традиций и обрядов.

Все это вместе взятое привело к резкому снижению уровня религиозности населения республики. Конкретно-социологические исследования, проведенные в конце 60-х — нач. 70-х гг. в ряде населенных пунктов Молдавской ССР, показали, что большинство ее жителей порвало с религией. При всем том живая практика атеистической деятельности, особенно индивидуальная работа с верующими, еще слабо освещена в печати.

Возрастание роли морального фактора в период строительства коммунизма вызвало необходимость изучения процессов формирования ком-

⁶³ Из истории религии и атеизма в Молдавии. Кишинев, 1970.

⁶⁴ Страницы истории религии и атеизма в Молдавии. Кишинев, 1970.

⁶⁵ Философские и социологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1970.

⁶⁶ Свободомыслие, антиклерикализм и атеизм в истории Молдавии. Кишинев, 1974.

мунистической морали, изменения духовного мира советских людей. В работах философов Молдавии проблемы этики разрабатывались как в общетеоретическом плане, так и в плане решения задач коммунистического воспитания трудящихся.

Результатом исследований в этом направлении стали работы Г. Г. Квасова «О коммунистическом социальном идеале личности»⁶⁷, «Коммунистический идеал и его роль в воспитании трудящихся» (М., 1965), «Некоторые методологические проблемы теории коммунистического идеала и его место в самосознании личности»⁶⁸ и др.

За последние годы проделана работа по изучению актуальных вопросов формирования коммунистического отношения к труду и социальных аспектов труда. Этим проблемам посвящен сборник статей философов АН МССР под названием «Труд и коммунистическая сознательность» (Кишинев, 1968). Ряд интересных статей, трактующих важные вопросы марксистско-ленинской этики, опубликовали О. В. Адамов⁶⁹, Л. К. Гришанов⁷⁰, Д. Т. Урсул⁷¹, М. Ф. Кичикарь⁷² и другие исследователи. Но публикаций в этом направлении явно недостаточно. Разработка этической проблематики является, пожалуй, самым отстающим участком философских исследований в республике.

В Молдавской ССР ведутся исследования и в области эстетики. За послевоенные годы вышел в свет ряд работ. А. К. Суслев исследовал эстетические воззрения молдавских просветителей первой половины XIX в.⁷³ В том же году в Кишиневе увидела свет работа П. А. Мезенцева «Эстетическое восприятие». Ф. И. Шапошников опубликовал монографию «М. М. Божий» (Киев, 1963, на укр. яз.). И. И. Квасова, В. А. Акулов и И. Я. Цвик свои работы посвятили рассмотрению эстетических взглядов Н. Г. Чернышевского и Г. В. Плеханова⁷⁴.

Значительный интерес представляют вышедшие в 1972 г. в Кишиневе работы Т. Г. Мельника «Прекрасное в художественных произведениях» и «Содержание и форма художественного произведения». В первой из них рассматриваются объективный характер прекрасного, критерии прекрасного в искусстве, действительность как источник и критерий эстетической ценности, единство эстетического и этического и некоторые другие вопросы. Во второй работе анализируются эстети-

⁶⁷ Актуальные проблемы теории и практики коммунистического строительства. М., 1964.

⁶⁸ Доклады научн. конференции профес. и преподав. Кишиневск. сельхоз. ин-та 17—27 января 1966 г., 1967.

⁶⁹ Моральный кодекс строителей коммунизма — новый этап в развитии коммунистической морали. — «Некоторые вопросы философии», № 3 и др.

⁷⁰ О нравственном значении коммунистического труда. — «Некоторые вопросы философии», № 3; Моральный кодекс об отношении человека к обществу. — «Коммунист Молдавии», 1963, № 10.

⁷¹ О преодолении пережитков капитализма в сознании людей. — «Коммунист Молдавии», 1959, № 2; Развитие общественных отношений и коммунистическое воспитание трудящихся. — «Труды Кишиневск. сельхоз. ин-та», т. 56 и др.

⁷² Противоречивый характер права и морали в ходе формирования нового человека. — В кн.: Проблемы строительства социализма и коммунизма.

⁷³ Эстетические взгляды молдавских просветителей первой половины XIX века (Г. Асаки, К. Негруци, А. Руссо и В. Александри). М., 1968.

⁷⁴ И. И. Квасова. Значение эстетической теории Н. Г. Чернышевского для борьбы против современной эстетики субъективного идеализма. — «Некоторые вопросы философии», № 2; е е же. К вопросу о природе художественного творчества. — «Некоторые вопросы философии», № 4; В. А. Акулов. О некоторых спорных вопросах эстетики Г. В. Плеханова. — «Некоторые вопросы философии», № 3; е е же. К проблеме прекрасного в эстетике Г. В. Плеханова. — «Некоторые вопросы философии», № 4; И. Я. Цвик. Принципы идей в эстетике Г. В. Плеханова. — В кн.: Некоторые вопросы марксистско-ленинской философии; е е же. Эстетическая теория Г. В. Плеханова о некоторых вопросах сущности искусства; там же.

ческие категории «содержание» и «форма», их диалектическое единство, а также сочетание общечеловеческого и национального в художественном произведении. Свои выводы автор подкрепляет примерами из молдавской художественной литературы.

В 1973 г. в Кишиневе вышла из печати работа И. Чокану «Некоторые вопросы эстетики». Она содержит критический анализ ряда произведений современной молдавской художественной литературы в свете высказываний основоположников марксизма-ленинизма о соотношении мировоззрения и творчества, о классовости и партийности литературы, о специфике эстетического освоения действительности.

В то же время следует отметить, что исследование проблем эстетики и эстетического воспитания трудящихся в условиях перехода к коммунизму еще отстает от требований сегодняшнего дня.

Из года в год крепнут связи философов Молдавии и других союзных республик. Молдавские ученые поддерживают научные связи с Институтом философии Академии наук СССР, Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова, Академией общественных наук при ЦК КПСС, Институтом социологических исследований АН СССР, Институтом истории естествознания и техники АН СССР, Институтом философии АН Украинской ССР, АН Белорусской ССР и другими научными учреждениями и философскими факультетами университетов. Эти связи идут по линии подготовки для республики философских кадров (учеба студентов из Молдавии на философских факультетах, подготовка аспирантов, защита диссертаций), получения консультаций в головных научных учреждениях, совместного написания работ, подготовки и участия в конференциях, совещаниях.

В 1972 г., в преддверии 50-летия СССР, в Кишиневе состоялась научная сессия «Марксистско-ленинская наука и борьба против современного антикоммунизма, против реакционных фальсификаций опыта национально-государственного строительства в СССР», в которой приняли участие философы из РСФСР, УССР, БССР, МССР и других союзных республик. Прочитанные на сессии доклады опубликованы в сборнике «Факты и домыслы» (Кишинев, 1972).

Осенью 1972 г. в Тирасполе состоялась республиканская научно-теоретическая конференция «Актуальные проблемы марксистско-ленинской критики буржуазной философии, ревизионизма, национализма и религиозных учений», в работе которой приняли участие специалисты из Молдавии, а также из Москвы, Киева, Одессы и других городов страны. Материалы конференции опубликованы в одноименном сборнике (Кишинев, 1973).

В 1973 г. Отдел философии и права АН МССР совместно с Кишиневским тракторным заводом провел в Кишиневе Всесоюзную научную конференцию. Философы и социологи Молдавии принимали участие также в работе Всесоюзных и республиканских совещаний и конференций по социальным процессам и социальной структуре села, социальным проблемам сельского расселения, борьбе с буржуазной идеологией, философией, социологией и религией.

Молдавские философы принимают участие и в международных конгрессах и симпозиумах. Так, А. В. Щеглов и В. Н. Ермуратский участвовали в международном конгрессе, посвященном 200-летию со дня рождения Гегеля (Берлин, 1970), Д. Т. Урсул, Н. Г. Михай и О. Ю. Тарасов были участниками XV Всемирного философского конгресса, проходившего в сентябре 1973 г. в болгарском городе Варна. Д. Т. Урсул

выступил на конгрессе с научным сообщением на тему: «Современная научно-техническая революция и сближение наций в СССР».

Широкие круги интеллигенции изучают философию в вечерних университетах марксизма-ленинизма, на философских семинарах, а также самостоятельно. В связи с этим ученые проводят значительную научно-методическую работу, составляют учебные пособия по диалектическому и историческому материализму⁷⁵. С русского на молдавский язык переводится философская литература, в том числе учебники. Философы республики принимают активное участие в создании Молдавской Советской Энциклопедии.

В Молдавской ССР имеются определенные достижения в области подготовки философских кадров. При кафедрах философии Кишиневского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. В. И. Ленина, Кишиневского политехнического института и Академии наук Молдавской ССР имеется аспирантура по философии. Большую помощь в подготовке философских кадров для Молдавии оказывают головные философские учреждения страны. Но и в этой области предстоит еще сделать многое.

В декабре 1972 г. было создано Молдавское отделение философского Общества СССР. В настоящее время индивидуальными членами Общества являются свыше 120 преподавателей и научных сотрудников, а коллективными членами Общества стали ряд вузов республики, кафедры философии и научного коммунизма. При бюро отделения организованы секции истории философии, диалектического материализма, исторического материализма, научного атеизма, философских проблем естествознания, научного коммунизма, социологии. Молдавское отделение философского Общества СССР проделало значительную работу по объединению философских сил республики, совершенствованию планирования научно-исследовательских работ в области философии, научного коммунизма, социологии, обсуждению подготовленной к печати и опубликованной научной продукции, проведению конференций, совещаний по различным философским проблемам. В результате проделанной работы значительно оживилась деятельность философских кадров республики, повысилось качество выпускаемой продукции, расширилась тематика научных исследований и усилилась пропаганда философских знаний.

Таким образом, за годы Советской власти в Молдавии получили широкое развитие научные исследования во многих областях философского знания. Эти исследования в значительной мере способствовали полной победе марксистско-ленинской идеологии в республике, в том числе и ее правобережной части, где этот процесс совершался ускоренными темпами. Серьезными достижениями в этом плане Молдавия во многом обязана ведущим философским учреждениям Москвы, Ленинграда, Киева и других крупных научных центров страны.

Философы республики, исследовав важнейшие вопросы истории философской и общественно-политической мысли Молдавии, диалектического и исторического материализма, научного коммунизма, философии естествознания, научного атеизма, приступили к широким социологическим исследованиям, опубликовали массу ценных философских работ, играющих важную роль в коммунистическом воспитании трудя-

⁷⁵ Ф. Д. Капленков. Материя и сознание. Кишинев, 1961; его же. Диалектический материализм — мировоззренческая и методологическая основа современной науки. Кишинев, 1964; Ф. Д. Капленков, М. Ф. Китикарь. Общественное сознание и его формы. Кишинев, 1971 (на молд. яз.); А. А. Завтур. Краткий философский словарь. Кишинев, 1962 (на молд. яз.).

щихся. В Советской Молдавии систематически совершенствуются формы и методы пропаганды марксистско-ленинских философских знаний. В то же время многие проблемы (логики, этики, эстетики, философии естествознания и др.) решаются неглубоко или совсем не исследуются из-за отсутствия специалистов. Но и в относительно хорошо исследованных областях философского знания еще много «белых пятен». Например, отсутствуют монографические работы о многих молдавских мыслителях прошлого, почти не разработаны история развития эстетических и этических идей, некоторые периоды истории борьбы материализма и идеализма, относительно слабо изучены закономерности формирования коммунистической сознательности у трудящихся масс республики. Ученым Молдавии предстоит большая работа в области изучения и теоретического обобщения практики коммунистического строительства и критики буржуазной идеологии. Решение этих проблем — неотложная и почетная задача философов республики.

Н. А. ПОБЕДА

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «УРБАНИЗАЦИЯ» И ЕЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Процесс урбанизации — одна из важнейших сторон развития современного общества, взятого в его конкретно-исторической целостности. В нем отражаются всемирно-исторические закономерности, связанные с совершенствованием производительных сил и форм социального общения.

До конца XIX в. большинство населения даже в экономически развитых странах проживало в сельской местности и основным источником их существования было сельское хозяйство. «Городской образ жизни и экономической деятельности был скорее исключением, чем правилом»⁷⁶. С начала XX столетия темпы урбанизации стремительно нарастают. По прогнозам демографов, к началу XXI в. в городах будет жить не менее половины населения земного шара. Причина этого — научно-техническая революция, которая ведет не только к концентрации населения, изменению характера труда, но и к изменению всей системы социальных связей и отношений, форм расселения, типов организации городской общности. Социальные проблемы урбанизации все больше совпадают с социальными проблемами общественного развития в целом. Отсюда важность познания социально-экономических и других закономерностей процесса, механизма его развития и последствий.

Решение общих задач управления процессом урбанизации в значительной степени зависит от постановки общеметодологических проблем: рассматривать его как форму естественноисторического развития или как автономный феномен, «побочный продукт» современного общественного развития, исследовать, что вкладывается в само понятие «урбанизация», какие признаки выделяются в качестве существенных для характеристики всего явления и каждого из ее аспектов и т. д.

⁷⁶ Э. А. Араб-Оглы. Современный город и социальные проблемы урбанизации. — В кн.: Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс. М., 1972, с. 23.

В настоящей статье анализируются некоторые определения понятия «урбанизация», делается попытка выделить своеобразные этапы ее по характеру задач, решаемых в ходе процесса, определить роль и место социально-культурного аспекта, а также признаки, характеризующие эту сторону явления урбанизации.

Понятие «урбанизация» трактуется неоднозначно в советской социологической литературе. В большинстве случаев оно определяется как тенденция количественного роста городов и их укрупнения. Анализируя ряд определений, которые главным образом сводятся к подчеркиванию отдельных тенденций глубоко разветвленного процесса урбанизации: возрастания числа занятых несельскохозяйственным трудом, миграционного потока города и деревни, пространственного развития городов, изменений экономического характера, в том числе занятости в отраслях народного хозяйства, концентрации и специализации производства и т. д.⁷⁷, — отметим, что наиболее полно понятие урбанизации, на наш взгляд, отражает определение, предложенное А. С. Ахнезером, Л. Б. Коганом, О. Н. Яницким. Они рассматривают урбанизацию как «всемирно-исторический процесс развития концентрации, интенсификации общения, как процесс интеграции все более разнообразных форм практической жизнедеятельности»⁷⁸.

Процесс этот имеет пространственно-временную форму. На протяжении всей истории рост концентрации и разнообразия форм деятельности и общения не мог происходить иначе, как путем роста, концентрации населения в городах. Поэтому развитие городов приводило к росту интенсивности общения, повышению творческого, культурного потенциала, что в свою очередь стимулировало развитие производительных сил общества. Сами города становились «носителями» урбанизации и как бы ассоциировали весь процесс. Но с течением времени произошло отделение процесса урбанизации от города как пространственной формы его протекания. Это определялось качественными сдвигами в разделении труда, формах расселения и расширении урбанизированной территории.

Концентрация и разнообразие форм деятельности с начала процесса урбанизации до настоящего времени также претерпели изменения. Все большую роль в обществе играет управление производственными процессами и социальной жизнью в целом: В силу усложнения самой деятельности, ее дифференциации становятся все более разнообразными и глубокими взаимосвязи отдельных ее сторон, «поле» интенсивной концентрации максимально расширяется: не только производство, но и наука, образование и культура проходят этап концентрации.

Вместе с тем А. С. Ахнезер, Л. Б. Коган, О. Н. Яницкий чрезвычайно широко трактуют урбанизацию. Трудно уложить данное теоретическое определение в какие-то операциональные характеристики. Кроме того, в данном определении указывается, что урбанизация есть процесс, и ничего не говорится о том, что она прежде всего отражает опре-

⁷⁷ О. С. Пчелинцев. Проблемы развития больших городов. — В кн.: Социология в СССР, т. 2. М., 1966; Б. С. Хорев. Проблемы городов. М., 1971; Ю. Л. Пивоваров. Современная урбанизация: сущность, факторы и особенности изучения. — В кн.: Проблемы современной урбанизации. М., 1972; М. Л. Строгина. Социально-экономические проблемы развития больших городов в СССР. М., 1970, с. 29; Миграция сельского населения. Под ред. Т. И. Заславской. М., 1970; Проблемы урбанизации в СССР. М., 1971; Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. М., 1970 и др.

⁷⁸ А. С. Ахнезер, Л. Б. Коган, О. Н. Яницкий. Урбанизация, общество и научно-техническая революция. — «Вопросы философии», 1969, № 2, с. 44.

деленные социальные отношения и их изменения. На наш взгляд, именно эта сторона урбанизации — механизм изменения социальных отношений — представляет наибольший интерес при изучении феномена урбанизации.

Поэтому неслучайно Н. Б. Соколов, Л. Б. Коган, Ю. Р. Вишневский предлагают рассматривать урбанизацию не только как процесс концентрации деятельности и интенсификации общения, но и как социальное отношение. И если Н. Б. Соколов видит прежде всего отношение между городом и деревней⁷⁹, то Л. Н. Коган и Ю. Р. Вишневский интерпретируют его гораздо шире⁸⁰. По их мнению, оно включает в себя: отношения между городом и деревней, отношения между городскими поселениями различных типов, отношения между различными социальными группами и социально-культурными слоями внутри каждого поселения, отношения между промышленной, социально-бытовой и культурной сферами деятельности.

Сами социальные отношения не есть что-то простое и однозначное. Они зависят от способа производства, экономики, политики, техники, традиций, степени развития духовных потребностей и т. д.; взаимно переплетающихся, и проявляются, воплощаются в разнообразных факторах, связанных друг с другом.

Согласно О. В. Лармину, структура общественных отношений⁸¹, вся совокупность которых составляет сущность любого человеческого индивида, представляет несколько диалектически переплетенных между собой слоев.

Учитывая это, можно сказать, что урбанизация характеризуется особым видом социальных отношений как во всей выделенной совокупности, так и каждого из ее слоев в отдельности. Применительно к территориальному ее распространению она является также отношением между городом и деревней и не только как между полярными точками, но и как отношений внутри типов поселения (крупных, средних, малых городов, поселков городского типа), отношений между различными по типу урбанизованности слоями населения внутри города и деревни.

Поскольку «носителем» урбанизации является город в его «точечной» форме или как центр агломерации, то сложившиеся этапы самого процесса во многом зависели от того, как развивались города. Сложность и важность этого процесса требует более подробного исследования.

Географическое положение каждого города, присущее ему использование земли, причины возникновения и исторический путь развития определяют степень концентрации, характер деятельности и общения горожан. Несмотря на то, что причины появления городов самые разные — крупномасштабная промышленность, торговля, формирование столиц и центров национальных государств, места сражений, центры религиозных общин, а на более позднем этапе урбанизации и необходимость в специализированных университетах, научных, курортных центрах, — наиболее сильным фактором, стимулирующим развитие городов, являлась индустриализация.

На этом основании можно выделить определенные этапы урбани-

⁷⁹ Н. Б. Соколов. Некоторые вопросы изучения урбанизации как социального процесса. — В кн.: Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. М., 1970, с. 186.

⁸⁰ Л. Н. Коган, Ю. Р. Вишневский. Очерки теории социалистической культуры. Свердловск, 1972, с. 110.

⁸¹ О. В. Лармин. О структуре общественных отношений. — В кн.: Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970, с. 83—84.

зации: первый — от зарождения городов (VI—III в. до н. э.) до образования нового типа города — индустриального (XVIII в.); второй — становление и развитие индустриального города, который в основном сложился в XIX в. в наиболее развитых странах и продолжался вплоть до середины XX в.⁸², третий — современный этап — с 50-х годов XX в. до настоящего времени. Такое деление основано на том, что сегодня в большинстве стран мира индустриальная форма урбанизации практически вытесняет все другие формы, она превалирует и по масштабам и по темпам протекания.

На втором этапе развития урбанизации появляется новый тип города — социалистический. По своей форме он также является индустриальным, но по сути социальных задач принципиально отличается от них. Индустриализация создает примерно одинаковую технологическую среду, в которой протекает повседневная общественная деятельность людей, но она является лишь формой, содержание ее разное: при капиталистической формации господствует частная собственность, при социализме — общественная. Это и определяет социальные отношения, характер деятельности людей и общения. Главным фактором, определяющим лицо социалистических городов, их экономическую и культурную роль, стало *плановое* развитие экономики, *равномерное* размещение производительных сил по всей стране, строительство в городах вузов, средних специальных учебных заведений, школ, театров, научно-исследовательских институтов, библиотек, клубов, которые способствовали приобщению *народных* масс к сокровищам культуры.

Третий этап урбанизации связан с научно-технической революцией. Коренные перемены в структуре производительных сил и характере труда, все более углубляющаяся специализация, интенсификация всех отраслей хозяйства привели к усилению роли производства знаний, интеллектуализации деятельности, повышению значимости разнообразной социальной информации.

Ведущим фактором на современном этапе урбанизации является уже не расширение промышленного производства, а расширение сферы услуг, научных исследований и подготовка высококвалифицированных кадров. Возрастает роль управленческого аппарата и роль городов как центров управления тяготеющих к ним районов.

Теперь благодаря развитию средств транспорта, науки, культуры уже нет необходимости в концентрации огромных масс населения на ограниченной территории. Потому происходит изменение в формах расселения: вслед за появлением городов-миллионеров начинают все большую роль играть агломерации, распространяется субурбанизация, происходит образование мегаполисов.

Индустриализация вызвала к жизни новый тип города. Характеристика урбанизации по этому принципу и выделение соответствующих этапов — самый общий и чрезвычайно поверхностный взгляд на процесс, который раскрывает в основном временной аспект. Урбанизация как сложное социальное явление характеризуется большим количеством признаков, причем они не однозначны. Прежде всего традиционный «демографический» показатель — доля городского населения во всем населении страны. Он, как известно, дает приближенное представление об урбанизации. Поскольку современный этап характеризуется опережающим ростом крупных городов и появлением агломераций, то он должен быть откорректирован другим показателем — долей населения,

⁸² В. М. Долгий. Доиндустриальный город и некоторые проблемы городской культуры. — В кн.: Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. М., 1970, с. 165.

проживающего в больших городах и агломерациях по отношению ко всему населению региона. Кроме того, должны учитываться плотность населения на 1 км² и такое явление современной фазы урбанизации, как «маятниковая» миграция — процент охваченных ею в пределах городской агломерации. Эти показатели отражают ту сторону урбанизации, которая связана с концентрацией населения на определенной территории. Что касается другой и более важной стороны — концентрации деятельности, интеграции разнообразных ее форм, интенсификации общения, — то найти единый показатель, который бы отражал всю сложность этих процессов, еще более трудно. По-видимому, их должно быть несколько: уровень экономического развития, соотношенность индустриализации и доли городского населения во всем населении страны или экономического района⁸³. Не менее важно определить и отраслевую структуру исследуемого региона, так как разнообразие ее ведет и к разнообразию социальной среды в целом, увеличению возможности выбора работы, перераспределению человеческих контактов и т. д.

Признаками урбанизации являются характер застройки, освоение вертикального пространства, развитость транспортных коммуникаций, объем выполненных работ по оказанию бытовых услуг населению и т. д. Наиболее сложно выделить признаки, которые характеризуют процесс со стороны формирования специфического городского образа жизни. Многими учеными исследуются такие показатели урбанизации, как доля занятых несельскохозяйственным трудом и характер занятости в отраслях народного хозяйства, образовательный уровень населения и мобильность, концентрация в регионе учреждений образования, науки и культуры, а также степень их освоенности.

Наряду с этим предметом изучения необходимо сделать показатели близости центра (расстояние между различными населенными пунктами и расстояние каждого из них до центра агломерации) и интенсивности духовной жизни конкретного региона⁸⁴, степень развитости духовных потребностей и интересов⁸⁵, а также характер общения⁸⁶.

Выделенные аспекты охватывают лишь наиболее общие черты урбанизации, но так как она чрезвычайно многомерна, то в каждом из них выделяются более дробные черты.

Наименее исследованным в связи с урбанизацией оказался социально-культурный аспект, хотя в работах последних лет само понятие урбанизации, темпы развития, критерии и признаки этого процесса все более связываются с возрастанием роли духовных факторов, формированием специфического городского образа жизни, анализом сущности «городских отношений», их распространения и проникновения в деревню.

Роль культуры как социальной системы в происхождении города и особенно значение города в изменении культурной системы исследуются пока лишь в немногочисленных работах:

⁸³ М. Л. Стронгина. О соотношении урбанизации и размещения производства по экономическим районам СССР. — В кн.: Современные проблемы урбанизации. М., 1972, с. 94—102.

⁸⁴ Л. Н. Коган. Некоторые методологические принципы планирования духовной культуры при социализме. М., 1970; Советская социологическая ассоциация, советский оргкомитет по подготовке VII Международного социологического конгресса. М., 1970.

⁸⁵ Л. Н. Коган, Ю. Р. Вишневский. Указ. соч.; Духовный мир советского рабочего. М., 1972, с. 69.

⁸⁶ Л. М. Архангельский. О специфике классовых различий в социально-психологической сфере. Материалы ко II Всесоюзной конференции по проблеме «Изменение социальной структуры советского общества», вып. 9. Свердловск, 1971; В. П. Реше. Структура общения различных социальных групп. Там же.

В современной советской литературе есть две точки зрения по вопросу связи культуры и становления города как социального организма. Одна утверждает, что город с самого начала своего возникновения отличался от сельской общины качественно новым характером отношений, образом жизни, своей культурой⁸⁷, другая, — что доиндустриальный город выделяется из сельской общины как некий центр регуляции, управляющий ее жизнью, но в силу определенных причин — нерасчлененности времени труда и времени развлечений — до определенного момента собственно культурную функцию не выполняет⁸⁸. Нам представляется, что вторая точка зрения глубже освещает исследуемую проблему. Докапиталистический город выделился из сельской общины. Здесь уже создается концентрация населения на определенном участке территории, но среда остается очень однородной и замкнутой — характер занятий в основном сельскохозяйственный или ремесленнический, степень обобществления труда и профессионального разделения невысока, неразвитость и стереотипность форм общения, неподвижность внутренней коммуникации. Процесс передачи знаний и информации не отделен от производства и в основном идет от поколения к поколению. Функции города в это время связаны больше с внутренней и производственной регуляцией жизни. Он лишь посредник обмена, а не равноправный, а впоследствии ведущий элемент взаимодействия. К. Маркс и Ф. Энгельс, отмечая этот своеобразный характер докапиталистического города, указывали, что античный город возникает путем договора (союза) или завоевания, что связь Рима с провинцией — только политическая и что «История классической древности — это история городов, но городов, основанных на земельной собственности и на земледелии; история Азии — это своего рода нерасчлененное единство города и деревни (подлинно крупные города могут рассматриваться здесь просто как государевы станы, как нарост на экономическом строе в собственном смысле). В средние века (германская эпоха) деревня, как таковая, является отправной точкой истории, дальнейшее развитие которой протекает затем в форме противоположности города и деревни»⁸⁹.

Прошли столетия, прежде чем город стал саморазвивающейся системой. Роль города как генератора специфической городской культуры начинается с периода возникновения крупной машинной индустрии. Это то время, которое Маркс назвал «эпохой проникновения городских отношений в деревню». Города представляли тогда собой «факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей»⁹⁰. Концентрация населения в индустриальном городе значительно превосходила доиндустриальный его период. Развитие различных отраслей промышленности, создание специализированных социальных институтов образования, культуры, науки вели к разнообразию социальной и культурной среды города. Это создавало неоднородность культурных типов, что позволяло уже говорить о городах как о символах с определенным культурным значением.

Расширение сферы общения, изменение самих его форм шло под воздействием развития производительных сил и углубления разделения труда. Контакты строились чаще всего по принципу общности деятель-

⁸⁷ В. М. Долгий. Доиндустриальный город и некоторые проблемы городской культуры. — В кн.: Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. М., 1970, с. 166—167.

⁸⁸ А. Г. Левинсон. Традиционные ценностные системы и город. Там же, с. 149—164.

⁸⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 46, ч. 1, с. 470.

⁹⁰ Там же, т. 3, с. 50.

ности, в культуре же происходила замена традиционных форм передачи информации посредством личных контактов централизованно и через определенные институты.

Бурные темпы урбанизации, которыми характеризуется конец XIX — начало XX вв., научно-техническая революция, охватившая наиболее урбанизированные страны, интенсифицировали эти процессы. Таким образом, характерными чертами урбанизации с точки зрения ее социально-культурного аспекта являются: *концентрация* социальных институтов культуры, рост их *разнообразия и иерархичности*; повышение *удельной значимости крупных специализированных учреждений культуры*.

Современный этап урбанизации определяется также тем, что техническая оснащенность учреждений культуры ставится на рельсы *культурной индустрии* (печать, кинопромышленность и т. д.): культурное производство приобретает промышленный характер, *самостоятельная часть населения, профессионально занятого производством культуры*, непрерывно увеличивается и занимает все больший удельный вес в социально-профессиональной структуре общества. Широко развивается *разделение труда в творческих процессах*.

Мощным стимулятором культуры становятся средства массовой информации — печать, радио, телевидение, — которые расширяют рамки участия различных слоев населения в общекультурной жизни. Совокупность этих и других факторов создает предпосылки к формированию специфической городской культуры, урбанизированного образа жизни. Для населения *открываются возможности увеличения выбора времени, места и форм культурной деятельности*.

В ходе урбанизации претерпевают изменение и «личностные факторы»: происходит повышение образовательного уровня населения, изменяется степень участия различных социальных групп и слоев в культурной деятельности, растет уровень потребления культурных благ, становится иной характеристика включенности горожан в различные виды общности, делаются более *разнообразными и многосторонними культурные контакты*.

Все это ведет к созданию определенного типа социальных отношений и способствует возникновению соответствующего типа культуры. Ряд исследователей синтезируют его в понятие городского образа жизни. В литературе уже отмечалось, что это понятие гораздо шире: помимо определенных стандартов поведения и деятельности в сфере культуры оно включает в себя также деятельность в сфере труда и быта⁹¹. О городском образе жизни можно говорить, рассматривая, с одной стороны, саму городскую и сельскую среду, их отличие друг от друга, с другой — поведение личности, являющейся продуктом этих сред: характер ценностных ориентаций в области труда, культуры, быта, а также освоение среды самой личностью.

В связи с этим одной из отличительных черт городской и сельской среды будет *концентрация деятельности*, достигнутая во всех сферах. Городской образ жизни связан также с *категориями разнообразия и выбора*, причем разнообразие означает не только набор элементов в количественном отношении, но их *качественную* характеристику.

Городская среда отличается от сельской по характеру общения. В городе оно преимущественно протекает в безличной форме, большая часть времени связана с формальными организациями. Сами связи в общении характеризуются многосторонностью и интенсив-

⁹¹ Л. Н. Коган, Ю. Р. Вишневский. Указ. соч., с. 112; Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. Человек после работы. М., 1972, с. 15.

ностью, строятся в зависимости от типа деятельности и интереса: общение в сельской среде — чаще всего на основе контактов с родственниками, соседями. Оно носит более открытый характер и зависит от неформального контроля, который в селе намного сильнее, чем в городе. Городская среда более подвижна, она быстрее изменяется не только в силу существования определенных социальных институтов и социального ритма жизни, который они диктуют, но и в силу высокой психосоциальной мобильности самих личностей, составляющих эту среду, готовности их искать информацию, а не ожидать ее.

Социалистическая индустриализация вызвала огромные преобразования в жизни советского села. Высокая эффективность сельскохозяйственного производства достигнута не только за счет внедрения новой техники и технологий, но и за счет повышения образовательного и культурного уровня. Однако экономические и культурные различия еще существенны. В условиях социалистической урбанизации эти различия все более стираются, так как взаимодействие города и села носит двуединый характер: в крупных городах концентрируется научный, технический, художественный потенциал, создаются новые образцы материальной и духовной культуры, которые становятся достоянием всего общества.

Характер изменений системы культуры, вызванных урбанизацией, по-разному преломляется в условиях социализма и капитализма. Весь механизм государственно-монополистического господства определяет не только характер экономики, но и влияет на восприятие культурных ценностей общества.

В таком государстве культурные процессы, протекающие между ведущими центрами и периферией, городом и деревней, принимают все более антагонистический характер, что тормозит развитие общества во всех его формах. Интеллектуальные различия между «культурной элитой» и широкими массами трудящихся постоянно усиливаются.

Процессы культурного развития общества в условиях социализма становятся предметом особой деятельности и управления со стороны государства. Поскольку главным социальным критерием социалистической урбанизации является прогресс общества в целом, то практически это находит выход в создании максимально эффективных условий для развития материального и духовного производства, наилучших возможностей для повышения общей культуры всех трудящихся, всех типов поселений. В. И. Ленин говорил, что социализм дает народным массам полную возможность «на деле пользоваться благами культуры, цивилизации и демократии»⁹². Это изменение роли и места человека в системе общественного производства и управления пробудило не одиночки, а миллионы трудящихся к самостоятельному творчеству в сфере культуры.

В настоящее время экономический и культурный прогресс социалистического общества в значительной степени определяется уровнем профессионального и культурного развития каждого человека, его вкладом в общее дело строительства коммунизма. Процесс интеллектуализации труда, возрастание значимости производства знаний, сопровождающие научно-техническую революцию, многообразие форм практической жизнедеятельности и усложнение взаимосвязей между ними приводят к качественным изменениям в структуре духовных потребностей личности, ее культурной деятельности. В сфере досуга по-

являются новые стереотипы поведения, воспитывается новый тип рабочего: высококвалифицированного, образованного, эстетически развитого. Он становится субъектом деятельности, носителем прогресса. Контакты в сфере досуга все более строятся по принципу общности деятельности, емкости культурных связей; сама личность является источником общекультурной информации.

П. И. ЗАВОДНОВА

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СПЕЦИФИКИ ОТРАЖЕНИЯ В МОРАЛИ

Специфика нравственного отражения действительности — одна из теоретических проблем, еще недостаточно разработанных в марксистской этике, — является составной частью морали как формы общественного сознания и одной из сторон познания. Наряду с общими чертами, характерными для общественного сознания в целом, ей свойственны также черты своеобразного освоения мира. К. Маркс говорил о многообразном и различном мировосприятии человека, который осваивает мир только ему присущим образом, «отличающимся от художественного, религиозного, практически-духовного освоения этого мира»⁹³.

Причину этого следует видеть не в субординационных отношениях разных форм общественного сознания и не в установлении «сходства» и «отличия» между ними, а в качественном многообразии мира и человеческих потребностей, которые столь же многообразны, как и мир, порождающий их. Разносторонние идеи фиксируют эти состояния; формируют сознание общества, представляющего собой прежде всего особую реальную совокупность индивидов в их чувствах, мыслях, желаниях, действиях. Общество составляет самую глубокую сущность этих индивидов, то есть члены его несут глубоко в себе природу общественного целого, существуют и проявляются именно в ней и через нее.

Поэтому «действительным субъектом социального познания является человеческое общество, хотя оно и осуществляет отражение в своем сознании объективной действительности только через людей, его составляющих»⁹⁴. Процесс образования сознания, человеческое познание тесно переплетаются с деятельностью и порожденными ею человеческими потребностями, сохраняя за собой лишь относительную самостоятельность.

Общественное сознание есть сознание класса, прослойки, нации, народа. Все общественные идеи являются не только идеями индивидов, но и идеями всего общества. Даже гениальные идеи личностей используются обществом как наилучшее выражение его стремлений.

Тем самым общество обладает совокупностью идей, образующих его сознание. Эти идеи отражают непосредственное существование и функционирование определенной системы и не полностью совпадают с идеями индивидов, так как закономерности целого не сводятся к механической сумме частей.

⁹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 12, с. 727—728.

⁹⁴ Ленинская теория отражения и современность, М., 1969, с. 652.

⁹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 94.

А сама структура общественного сознания зависит не от личностной структуры, не от познавательных механизмов индивидов, а от способа производства, от социальной сути общества. Элементы общественного сознания возникают на основе тех сторон индивидуального опыта, которые одинаковы для многих людей, сохраняются и передаются от поколения к поколению. Они обладают максимальной устойчивостью и общезначимостью.

Поэтому все общественные идеи следует рассматривать только в отношении к целому, к обществу, потребностями которого они порождены и в функции которого принимают участие.

Все это многообразие общественных идей, строго детерминированных конкретным обществом, существует в различных формах, тесно соприкасаясь и в то же время следуя тем задачам, которые выполняет каждая форма. Нечто общее служит им для образования целого, а специфическое — для самостоятельного существования, их сплав определяет суть каждой конкретной формы.

Появление каждой формы общественного сознания есть выражение необходимости отражения одной из сторон человеческой деятельности. А наряду с этим возникновение идей «отражающих» говорит о наличии самого отражаемого — законов, относящихся к развитию определенных общественных явлений. Таким образом, мораль как форма общественного сознания остается во всех ее элементах на всех этапах исторического развития *специфической формой отражения действительности, общественного бытия и составным элементом социальной жизни. В ее предписаниях и правилах фиксируются определенные связи, свойства реальных отношений личности и общества.*

На определенных этапах развития человеческой среды придается большее значение всегда одной или нескольким сторонам деятельности. Этим и объясняется происхождение и развитие каждой отдельной формы общественного сознания.

В различные периоды общественного развития по-своему решаются отношения между индивидами внутри общности. Доказательством этому является яркое воплощение буржуазных интересов и потребностей в теории разумного эгоизма.

Общество как целое должно учесть, что в отношении между ним и индивидами субъекты производства являются активными творцами своего собственного существования. И потому для большей эффективности действия его требования должны превратиться во внутренние требования личности. Но разумный эгоизм в интерпретации идеологов буржуазии не смог подняться до осуществления и решения этой задачи, хотя Гельвеций и выдвинул идею о том, что в основе морали лежит соотношение личных и общественных интересов, но она осталась лишь пожеланием.

Понять, осмыслить и теоретически сформулировать это смог лишь марксизм, выдвигая необходимость изменения существующей действительности на основе открытых им законов развития общества. «... Данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности»⁹⁵ — такова суть естественноисторического процесса. За слугой марксизма является открытие главного, определяющего в этом процессе. «...Для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного про-

⁹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 3, с. 45.

цесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками. Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности... люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание»⁹⁶.

Это положение марксизма является исходным для объяснения морального сознания и служит доказательством того, что формы морали являются всегда отражением конкретных социальных условий жизни. И сама нравственная практика человечества, выработав великое множество норм, заповедей, идеалов, создав большое количество моделей человеческого поведения, разнообразие выбора поступков в сходных жизненных ситуациях, еще раз подтверждает их зависимость от социальной среды. Каждое общество стремилось создать более совершенную систему заповедей, норм по сравнению с предыдущим, но каждый раз оно лишь воплощало свои интересы и свое понимание мира, доказывая еще раз относительность норм и конкретность идеалов.

Но в морали эти изменения имеют свои особенности: она принадлежит тому или иному классу, а каждый класс выражает определенную тенденцию развития. В капиталистическом обществе буржуазия старается выступить от имени всего общества, скрывая за безличными императивами содержание своих интересов и потребностей. Только марксизм, анализируя и понимая эти явления как свойство вечной природы человека, определил их как *конкретные и социально-детерминированные*. Скрывать свои интересы классу удается потому, что он *через свою волю* несет определенную социальную истину.

В морали выражается множество тождественных *форм* отношений между людьми, что создает видимость постоянства ее содержания. Особенности морали зафиксированы в категориях: долг, честь, совесть, смысл жизни, ответственность и др. Таким образом, видно, что сам по себе язык в своем формальном плане не в состоянии отразить изменения ее сути. Чтобы объяснить содержание моральных взглядов, необходимо определить социально-экономическую базу, породившую его.

Мораль класса должна сохранить элементы общественных истин, накопленных человечеством в процессе трудовой деятельности (простые нормы нравственности и справедливости), и учесть, что каждое общество получает определенный мыслительный материал, из которого оно исходит. «Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части косвенным образом; между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические моральные отражения»⁹⁷.

Эти слова Энгельса подтверждают закон преемственности в раз-

⁹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 3, с. 25.

⁹⁷ Там же, т. 37, с. 420.

витни форм общественного сознания, они свидетельствуют о наличии сложных форм взаимосвязи между ними и о сложном опосредованном характере отражения действительности, специфических видах ее отражения.

Мораль характеризуется постоянным «забеганием вперед», выработкой идеалов, моделей будущей жизни. Потому она немыслима без знания исторических закономерностей развития общества, которое открывает возможности изменять и активно влиять на существующие общественные отношения, отражающиеся под углом зрения определенного идеала и оказывающие влияние на будущую практику, способствующие развитию определенных форм поведения. Здесь вступает в силу творческая активность сознания, в котором отражение осуществляется как оплетение идеала с реальными практическими отношениями, а сам процесс выглядит как объективизация идеала и его становление. Но любое забегание вперед исходит и предполагает хорошее знание того, что «есть», для того, чтобы сказать, как «надо».

Благодаря творческой активности сознания мораль неизбежно приобретает самостоятельность, образует специфическое общественное явление. Она представляет одну из тенденций дальнейшего развития общества, его становления в будущем. Идеализм всегда спекулировал на этом, абсолютизируя эту самостоятельность, провозглашая законы морали вечными и неизменными.

* * *

Все эти особенности отражают конкретное воплощение относительной независимости морального сознания от общественного бытия и лишь в общем виде характеризуют ее специфику.

Для того чтобы понять, в чем заключается специфика морали, то есть что отличает ее от других форм общественного сознания, необходимо выявить, каким образом в диалектике нравственности отражается диалектика общественного бытия, каковы законы, присущие моральным явлениям, что стало содержанием отражения различных форм морального сознания.

Все эти вопросы требуют тщательного изучения как общих законов отражения, так и их специфических проявлений в данной форме освоения мира.

Уже отмечалось, что человеческое познание с самого начала формируется на основе трудовой деятельности и порожденных ею социальных потребностей. «Именно на этой основе выделяется объект, в качестве которого выступают прежде всего предметы, вовлекаемые в сферу производства, формируется познающий субъект, способ и характер познания, его содержание и форма, складывается познание как субъективный образ объективного мира»⁹⁸.

В. И. Ленин доказал, что в содержании познавательного образа имеется момент, который идет от объективных вещей и не зависит ни от человека, ни от человечества, что субъективная сторона познания (идеи, образы) имеет положительное значение, когда в связи с объективным моментом создаются разные гипотезы, идеалы, представления о будущем развитии. Человеческое сознание не только отражает мир, не только познает, но творит и преобразует его.

⁹⁸ Ю. Ф. Бухалов. О диалектике субъективного и объективного. — В кн.: Ленинская теория отражения и современная наука. М., 1970, с. 111.

При этом каждая форма сознания выражает собственные функции и своеобразие познания мира. Именно в этом проявляется специфика каждой формы общественного сознания и таким образом появляется возможность говорить о различных видах отражения.

Своеобразие нравственного восприятия можно заметить уже в специфике объекта и субъекта, в их взаимоотношениях. Объектом нравственного отражения выступает определенная сторона отношений между людьми, проявляющаяся в человеческой деятельности, субъектом — класс, группа, общество. Этим объясняется то, что «мораль» есть особая форма общественного сознания, возникающая и развивающаяся в процессе деятельности общественных групп, борьбы определенных классов, не отдельные люди, а весь класс, вся социальная группа создает мораль»⁹⁹.

Если в научном познании субъект ставит перед собой цель, направленную на лучшее познание мира, исходя из природы вещей и адекватности отражения, то в нравственном отражении всегда выражено отношение субъекта к объекту: с одной стороны, оно подчиняется познавательному процессу, с другой — отличается подчеркнутой социальной определенностью.

Здесь сама природа объекта, его знание отодвинуты на второй план, присутствуют в «снятом» виде, как нечто данное, а главное заключается в установлении ценности, представляемой объектом для субъекта, в желании определенного видения его. Сам же результат отражения выступает как сплав объективного и субъективного. «Но нужно учесть, что социальная определенность осуществляется не вне и не независимо от познавательного отражения, а в его рамках»¹⁰⁰, поэтому нельзя отрицать в морали роль своеобразного познания мира.

Слитность объективного и субъективного выступает и в художественном отражении, здесь оно тождественно отражению в морали. «В художественном отражении, в искусстве есть полное выражение личностного отношения к действительности, ее очеловечивание»¹⁰¹. Но различий между этими понятиями больше, чем единства. Художественное отражение в искусстве носит личностный отпечаток, в нем выражается сам художник. В морали субъект отражения, выражая свою волю, стремится по мере возможности остаться анонимным в формах морального сознания.

Результат в искусстве выступает в конкретно-чувственной форме — в художественном образе. В морали обобщение приводит к образованию абстрактных понятий, норм, принципов, которые лишены непосредственно конкретно-чувственной формы и не совпадают полностью ни в одном конкретном случае.

«В процессе обобщения художник стремится привести явления действительности в связи с собой, профильтровать через свой темперамент и обнаружить прекрасное содержание этого единства, объект познания неотделим от познающего субъекта»¹⁰².

В морали происходит то же самое: субъект фильтрует объект познания через определенный идеал, в котором он выражает свои интересы. Но в художественном отражении объект, оставаясь одним и тем же, может иметь бесчисленное множество воплощений конкрет-

⁹⁹ М. Г. Журавков. Мораль советского общества и особенности ее формирования. Авт. докт. диссертации. М., 1955.

¹⁰⁰ Ленинская теория отражения и современность, с. 697.

¹⁰¹ А. Оганов. Логика художественного отражения. М., 1972, с. 35.

¹⁰² Там же, с. 20.

ными художниками. В морали же объект остается одним на определенном этапе развития, и возможно лишь одно воплощение — того класса, который выражает тенденцию развития. Но так как моральное отражение осуществляется коллективом, классом и предполагает существование реальных индивидов, преследующих свои интересы, очень важно учесть, «что в исследовании морального отражения следует обратить внимание на эмоциональные и волевые процессы, разумеется, не отрывая их (по образцу эмотивистов) от рефлексии, характерной для всей сознательной деятельности человека»¹⁰³.

Это означает, что мир осваивается и переживается индивидом и поэтому требует от него проявления определенных чувств.

Особенность морального познания, его сущность заключается в том, что оно представляет собой особую форму социально-опосредованного отражения явлений, являясь специфической формой выражения общественного отношения. Сам процесс отражения и тем более его результат несет печать опосредованности и влияния многих факторов. Это, во-первых, — наличие определенного социального опыта, знаний. Любая жизненная ситуация, тысячекратно повторяясь в опыте многих людей, обеспечивает тем самым возможность ее всестороннего осознания, в результате которого и вырабатывается оценка моральной значимости тех или иных поступков. Этот процесс социального опыта включает познание на уровне обыденного сознания, но и он отчасти выявляет сущность явлений. Практика кристаллизуется в моральном сознании, выступая как элемент абсолютной истины. Наличие социального опыта есть выражение объективного характера познания. Субъект учитывает этот опыт, синтезирует его, подчиняя его определенным интересам и потребностям.

Поэтому процесс отражения в морали всегда включает и определенную долю субъективности: оценки значимости тех или иных явлений для общества, рекомендации и необходимость выполнения их.

В процессе освоения мира субъект морального отражения познает мир в связи со своими потребностями и интересами. И это познание ведется с целью добывания необходимой информации для более эффективных совместных действий людей. Нельзя понять механизм действия и функционирования морали, не изучив его информационное содержание. В этом плане можно рассматривать мораль как особый, своеобразный процесс получения и переработки информации, раскрыть ее структурную организацию как особый вид знаний.

В любом обществе моральное сознание отражает лишь определенную сторону отношений между людьми в присущих для него формах, понятиях и категориях, раскрывая сущность этих явлений в *нормативно-оценочной* форме. Эта особенность морального сознания легла в основу определения югославским философом Л. Живковичем *специального нормативно-оценочного вида отражения* действительности. Суть последнего состоит в том, что «он обобщает и подводит под общие правила и оценочные понятия единичные поступки людей, то есть оценивает эти акты поведения с точки зрения тех или иных общих принципов и общественных ценностей»¹⁰⁴, а именно: результатом познания в морали являются человеческие ценности. В них не только констатируются факты, но подтверждается их значимость в практике. Мир ценностей не существует вне бытия и деятельности человека. Он создается людьми и органически включает взаимосвязь объекта и

¹⁰³ «Вопросы философии», 1971, № 8, с. 49.

¹⁰⁴ Л. Живкович. Теория социального отражения. М., 1969, с. 60.

субъекта, опоспособность объекта удовлетворить потребность восприятия субъекта.

В механизме действия морали можно выделить ряд особенностей: Во-первых, объектом нравственного отражения может стать каждый индивид, взятый в отношении к другим людям. Он же может выступить как субъект в других общественных связях. Это превращение субъекта в объект и наоборот является необходимой социальной основой преодоления субъективизации в морали, объясняющей то, что даже в условиях досоциалистических формаций моральное сознание иногда поднимается на уровень общественного.

Во-вторых, так как моральная деятельность воплощает моральное сознание, предполагает его как необходимый элемент морального поступка, она сохраняет значение объективного, верного, истинного. Но это созидание каждый раз заново обогащает моральное сознание в моральных поступках, уточняет и проверяет его действительность. Затем социальный опыт находит отражение в моральном сознании.

В-третьих, в самом процессе моральной деятельности индивидов объективное и субъективное присутствует как сплав, как единство. Доказательство этого — превращение нормы во внутреннее требование индивида. Здесь присутствует не только *усвоение*, а и *преобразование объективного в субъективное*, но не в смысле его субъективизации — в становлении его составной частью морального сознания индивида. При этом содержание нормы сохраняет значение объективного. И субъект, оценивая поступки, идет не от себя, а от нормы. Здесь нормы и принципы выступают как законы, верно отражающие социальный опыт людей, их идеалы, стремление к усовершенствованию существующего строя, моральное же сознание индивида — как их верное познание.

В-четвертых, своеобразие морального отражения в том, что объективные условия создают *возможность выбора* и варьирования, без этого немислима моральная деятельность, и тем самым поступки и действия попадают в качественную зависимость от воли и сознания каждого, требуя от него знания и умения выбора, ответственности за совершенные действия.

Мораль воспринимается индивидом как результат осознания его принадлежности к определенной общности людей, с которыми он связан жизненно важными общественными функциями, предполагающими некоторую равную соотносимость в правах и обязанностях каждого.

В процессе формирования моральное сознание должно было найти такие формы выражения, в которых оно, воплощаясь, смогло бы эффективно действовать. Эти формы вытекают из практического назначения морали, из ее социальной функции — регулирования отношений между людьми внутри определенной общности, защиты этой общности. А так как это коллективное сознание предполагает относительное равноправие своих членов, определенную свободу выбора, все это, как нам кажется, определило ему безличностную форму. Для того чтобы рекомендация общности выполнялись, они должны принимать форму императивов — законов, в которых моральный приказ мистифицируется свободой. В классовом обществе моральный приказ мистифицируется господствующим классом с целью по возможности больше скрыть свои интересы, воплощенные в этом законе. Поэтому моральный приказ должен иметь форму самостоятельности, независимости, обязательности и законности в себе.

Итак, мы рассмотрели здесь только некоторые аспекты специфики нравственного отражения действительности. На основании этого можем сделать ряд выводов.

Во-первых, чтобы понять специфику нравственного отражения действительности необходимо учесть, что мораль — сложное конкретно-историческое явление, выступающее как специфическая форма общественного сознания.

Во-вторых, необходимо четко разграничить мораль как конкретно-историческое явление и как форму сознания. В мораль в качестве явления общественной жизни вкладываются понятия, как то: моральные отношения, поступки людей, которые объективируют моральные отношения. Само же моральное сознание является непременным спутником моральных отношений как идеологических.

В-третьих, необходимо изучать мораль как общественное явление в развитии и изменении. В выполнении этой задачи решающую роль играют общие методологические принципы материалистической диалектики, логики и теории познания. Конкретизируя их, необходимо применять эти законы к своему предмету.

В-четвертых, при анализе содержания нравственного сознания очень важно учитывать особенности отражения общественной жизни: ссылка на экономические отношения еще не объясняет специфику тех или иных моральных взглядов и теорий. Экономические отношения определяют *положение* людей (классов и др. слоев) в обществе, их социальные потребности. Интересы и социальные потребности людей и выступают теми явлениями, которые позволяют понять и возникновение надстроечных отношений и различных видов сознания.

В-пятых, раскрытие специфики нравственного отражения действительности должно помочь марксистско-ленинской этике выявить тайны всеобщих нравственных форм морального сознания, а этика, выявив *сущность* морального сознания, подтверждает специфический способ освоения и отражения мира в морали.

М. А. ИОНИС

ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ В РАБОТАХ МОЛОДОГО МАРКСА

«Гегель стоит на точке зрения современной политической экономии, — писал Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года. — Он рассматривает труд как *сущность*, как подтверждающую себя сущность человека; он видит только положительную сторону труда, но не отрицательную. Труд есть *для себя* — становление человека в рамках *самоотчуждения*, или в качестве *самоотчужденного* человека. Гегель знает и признает только один вид труда, именно *абстрактно-духовный* труд. Таким образом, Гегель признает за сущность труда то, что вообще образует *сущность* философии, а именно — *самоотчуждение* знающего себя человека, или *мыслящую себя самоотчужденную науку*; он умеет поэтому, в противоположность предшествующей философии, собрать воедино ее отдельные моменты и изобразить свою философию как философию *по преимуществу*. То, что делали другие философы, рассматривая отдельные моменты природы и человеческой жизни как моменты самосознания, притом абстрактного самосозна-

ния, — то Гегель *считает* делом самой философии. Поэтому его наука абсолютна»¹⁰⁵.

Задачу настоящей работы составляет анализ всеобъемлющей формулировки молодого Маркса, данной в трактате, охватывающем все важнейшие аспекты процесса отчуждения.

Проблема отчуждения в материалистической трактовке впервые получила права гражданства в философии Фейербаха. Правда, автор «Сущности христианства» еще не знает решающей сферы общественной деятельности человека — труда, и поэтому находит в религиозной фантазии выражение чувства зависимости человека от природы, семейных, бытовых, нравственных и т. п. отношений; космологических представлений и т. д., забывая о главных — производственных отношениях, являющихся основой всех остальных общественных связей. Но в рамках своей концепции, которая сводится, как известно, к антропологизму, Фейербах в пределах возможностей, представленных этой концепцией, показывает, что в любой форме религии, от самого грубого фетишизма до проникнутого морализаторством христианства, перед нами отчуждение человека от самого себя и от природы, превращение человеческих взаимоотношений, как и стихийных сил природы, в самостоятельные существа, обладающие своей собственной жизнью, и притом превращение незаметное, в результате которого продукт бессознательного творчества оказывается довлеющим над создавшим его человеком.

В сущности, Фейербах обращает здесь преимущественное внимание только на одну сферу так называемого отчуждения — область религии, связанную с эстетической деятельностью человека. Если искусство по крайней мере столь же эмоционально-образно, что и религия, ибо искусство дает вторую жизнь воображаемому явлениям и т. д., то не следует забывать, подчеркивает Фейербах, что оно никогда не придает своим произведениям самодовлеющей ценности; не требует принятия, скажем, действующих лиц или скульптурных изображений за реальных людей, не служит средством для мистификации человеческой жизни. Наоборот, религия тем и отличается от искусства, что придает своим фантастическим представлениям о мире объективный, реальный, точнее — объективизированный характер, требуя поклонения своим кумирам¹⁰⁶. Отчуждение человека в религии от самого себя и от природы заключается, таким образом, в том, что извращается природа одной из самых ярких, богатых, существенных сторон человеческой деятельности — природа искусства. Но отчуждение в целом и представляет собой *подобного рода извращение*.

В отличие от Фейербаха, Маркс прослеживает отчуждение (с этим понятием мы встречаемся уже в его докторской диссертации, 1841 г.) не только в религиозно-эстетической сфере, но и во всех областях общественной жизни. В частности, отчуждение находит свое выражение в формировании государства. В рамках первобытного коллективизма не было и не могло быть силы, стоящей над обществом, носящей, во-первых, классовый, а во-вторых, абстрактно-всеобщий характер. Превосходно проследив процесс отчуждения в форме религии, Фейербах — и в этом проявилась *узость* антропологического принципа в философии — оказался не в состоянии проследить этот процесс на фактах

¹⁰⁵ Маркс и Энгельс. «Из ранних произведений». М., 1956, с. 627—628.
¹⁰⁶ См.: Л. Фейербах. Избранные произведения в двух томах, т. II. М., 1955, с. 692—697 и др.

общественной жизни в целом. Маркс показывает, что в лице обособленной от общества бюрократии находит свое чудовищно-извращенное выражение даже тот обиденный факт, что человек по природе своей есть существо социальное. В условиях господства частной собственности на людей, на землю, на средства производства общественные отношения принимают внешнюю видимость преодоления разобщенности частных интересов в рамках системы, являющейся своего рода *освящением* этого отчуждения людей друг от друга.

Особый интерес в этом отношении представляет рукопись «К критике гегелевской философии права» (1843 г.), в которой намечается творческий путь Маркса от «Классовой борьбы во Франции» через «18 брюмера Луи Бонапарта» к «Гражданской войне во Франции». Конечно, даже не учитывая хронологии, невозможно принять точку зрения, высказанную в работе «К критике гегелевской философии права», за адекватное философское обоснование исторических работ Маркса, хотя в философии соотношение исторического и логического отнюдь не прямолинейно. Но во всяком случае Маркс здесь задолго до «Критики Готской программы» выдвигает тезис об исторически-преодоляющем значении и такой формы государства, как буржуазно-демократическая республика. В этом смысле говорит Маркс о современном ему общественном устройстве, в котором господствует *формальная демократия*, поскольку общественная жизнь *не является непосредственной*. Маркс *предваряет* здесь как основные теоретические положения «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Энгельса, так и практически-политические выводы «Государства и революции» Ленина.

Обширной сферой социального общения, в которой антагонистический характер общественных отношений проявляется также рельефно, как в государстве и религии, является область теоретического мышления — точнее, это философия, *поскольку она оторвана от частных, конкретных, эмпирических наук*. Выражением отчуждения в области мышления является метафизика в историческом смысле этого слова. Во времена классической древности не было столь резкого различия между эмпирией и философией. В новое время доходит до логического конца противоположность между наукой и философией, и величайшим метафизиком в этом смысле является Гегель. Маркс показывает — в этом плане «Экономическо-философские рукописи 1844 года» столь же непосредственно предвосхищают «Анти-Дюринг» Энгельса, — что в концепции Гегеля эмпирия и философия не только существуют отдельно, сами по себе, но что идеалистическая диалектика Гегеля как раз-то и завершила *разрыв* между эмпирией и философией, благодаря чему критика ортодоксальной религии у него сама остается в пределах ортодоксальной религии, критика феодальной монархии не выходит за пределы верноподданнического монархизма и т. д.¹⁰⁷

Это в особенности относится к логике Гегеля, даже в той трактовке, которую давали ей левые гегельянцы. В этом плане Маркс согласен с Фейербахом, показавшим, что ни в чем так не проявился отчужденный характер философии Гегеля, оторванность ее от естествознания и истории, как в мнимом превращении абсолютной идеи в природу на определенной стадии «само» движения понятий в логике Гегеля. В этом извращенном до неузнаваемости изображении действительного процесса развития все поставлено с ног на голову. Христианская догма о сотворении богом мира нашла в логике Гегеля свое законченное фило-

¹⁰⁷ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений», с. 635.

софское выражение. Фейербах непосредственно сопоставляет логику Гегеля с религией, он доказывает, что как в последней отчуждение человека от самого себя и от природы проявляется в объективизировании силы человеческого воображения, так здесь, в логике Гегеля, в самостоятельные существа превращаются логические категории, живущие столь же призрачной жизнью, что и фантастические божества, но тем не менее довлеющие над философом.

В произведениях молодого Маркса уже со статей в «Немецко-Французском Ежегоднике» проблема отчуждения рассматривается во всесторонне-обобщающем плане. Это дает ему возможность не только наметить основные направления критики концепции отчуждения, преобладающей в различных областях общественной жизни, но и проследить исторически-преодоляющие формы его в сфере социально-экономических отношений. Так, отчуждение людей друг от друга в древнем мире и на Востоке связано с установлением частной собственности на землю и скот — главные средства производства той эпохи. Рабство связано с разделением труда, связующим элементом которого в условиях товарообмена являются деньги. Деньги Маркс рассматривает в качестве наиболее осязательной формы подобного рода отчуждения. Это — результат производственной деятельности человека, венчающий ореолом сверхъестественности разделение труда и обмен¹⁰⁸. Маркс здесь *упреждает*, если можно так выразиться, философский аспект *первых глав «Капитала»*.

Феодально-цеховой строй средневековья является еще одной исторически-преодоляющей формой отчуждения экономических отношений. Не только окончательное отделение ремесла от земледелия, но и колоссальный рост разделения труда в рамках самого ремесла и самого земледелия образуют предпосылку этого общественного строя, в недрах которого постепенно созревают новые производственные силы, ведущие к преобразованию всех общественных отношений. Маркс указывает на мистифицированный характер отношений крепостного крестьянина к земле. Будучи скован по рукам и ногам именно своей зависимостью от земли, крестьянин тем не менее связывает свою зависимость с личностью собственника земли, феодала, что и закрепляется в интересах землевладельцев в форме крепостного права. Для Маркса уже в «Экономическо-философских рукописях» ясно, что экономическое положение определяется правом, а право — экономическим положением, что собственность на землю является в этом смысле вторичной. В феодальном обществе налицо не менее глубокое отчуждение производственных отношений, чем при рабстве. Все отличие одной формы от другой сводится к уровню производительных сил, хотя Маркс здесь еще не формулирует этого в *адекватной* форме.

Высшая форма социального отчуждения, как доказал это Маркс несколько позже, связана с образованием и безусловным господством *мирового рынка*. В современном буржуазном обществе товарообмен в масштабе земного шара окончательно превращается в силу, которой подчиняется процесс производства — решающая сфера человеческой деятельности. Все общественные отношения принимают чуждый человечеству извращенно-мистифицированный характер. В кризисах, безработице, войнах усматривает К. Маркс в «Святом семействе» и «Немецкой идеологии» объективное выражение подчиненности человека производительным силам в условиях общественного строя, где производственные

¹⁰⁸ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений», с. 611.

отношения между людьми реализуются *только* через отношения между продуктами их труда¹⁰⁹. В эксплуататорском обществе, законченной формой которого является капитализм, человек подвластен стихийным разрушительным силам, довлеющим над ним в области производства. В условиях общества, где сообща будут владеть средствами производства, рост производительных сил сознательно направится на всеобщее благо.

Для понимания проблемы отчуждения во всей ее глубине, для проникновения в природу этого многогранного явления, необходимо учитывать *связь* религии, государства и философии с эксплуататорским обществом. Об этом убедительно говорится в философских произведениях Маркса 40-х гг. XIX в., и особенно в «Экономическо-философских рукописях», величайшем произведении молодого Маркса. Для великого мыслителя производство — главная сфера общественной жизни, и понятно поэтому, что политическая экономия становится основой для понимания всех сторон общества. В «Лекциях о сущности религии» Фейербах непосредственно сопоставляет искусство с такой формой отчуждения, как религия. В «Тезисах к реформе философии» это делалось в отношении философии. В «Экономическо-философских рукописях» Маркс поистине гениально доказывает, что религия, государство и метафизика — три кита, на которых зиждется идеализм, — являются взаимосвязанными формами отчуждения, в которых находит адекватное выражение извращенная эксплуатацией сущность человеческого общества — труд. Поэтому Гегель, — утверждает Маркс, — стоит на почве буржуазной политической экономии.

Проследивая социально-экономические и, что не менее важно, *гносеологические* корни этого явления, Маркс в «Святом семействе» (1845) наглядно демонстрирует, насколько тесно его концепция отчуждения связана с диалектикой. Для сравнения возьмем в особенности разделы 2 и 6 гл. V — О «тайнах» спекулятивной конструкции, где Маркс, прорывая узкие рамки номинализма — *метафизического* материализма в логике, не отрицая наличия общего в отдельном, разоблачает *отдельное существование общего*. В основе некритического мистицизма Гегеля, показывает Маркс, лежит превратное толкование проблемы абстрактно-всеобщего: государство, религия, философия, по Гегелю, являются выражением господства этого принципа. В действительности, сама точка зрения его логики несостоятельна, поскольку вещам присуща не абстрактная, а конкретная всеобщность, общее и отдельное едины, а если и существует *абстрактная* всеобщность, общее, представленное отдельно — *плод* как таковой, *зверь* как таковой и т. д., — то это как раз точка зрения метафизики, против которой Гегель формально выступал, но точку зрения которой тем не менее распространял на все области, рассмотренные в его философии.

Поэтому критика буржуазной политической экономии у Маркса сопровождается *развернутой критикой логики Гегеля*¹¹⁰. Маркс рассматривает факт отчуждения человека в процессе освоения природы не только в политико-экономическом отношении, но и с точки зрения логики. Отчуждение человеческого труда выражается в том, что продукт становится товаром. Отчуждение человеческого мышления заключается в превращении слова в абстракт. Содержание объема элементарного понятия включает в себя *возможность* абстрактной, мистической, идеалистической интерпретации мира точно так же, как простая

¹⁰⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 16.

¹¹⁰ Там же, с. 160—161.

форма величины стоимости содержит в себе в неразвернутом виде все противоречия капитализма. Подобно тому, как буржуазная политическая экономия не видит *исторического* содержания экономических форм, считая это содержание чем-то извечным, так традиционная логика игнорирует *объективное содержание форм мышления*. Гегель же превращает это содержание в нечто потустороннее. Буржуазная политическая экономия и Гегель адекватно отражают в своих извращенных теоретических представлениях отчужденный характер подневольного труда и метафизического мышления и т. д. и т. п.

Не следует упускать из виду, однако, следующее. Для молодого Маркса критика отчуждения была формой перехода от круга идей немецкой классической философии к точке зрения классовой борьбы пролетариата. В «Немецкой идеологии» (1846), где переход к материализму в истории завершается теоретически, о проблеме отчуждения говорится не иначе, как в саркастических тонах. В этом произведении синонимом отчуждения объявляется «разделение труда» — тот факт, говоря словами самого Маркса, что в условиях эксплуатации труд (а в рамках оторванной от конкретных наук философии — мышление) носит лишь иллюзорно-всеобщий характер. «Немецкая идеология» осталась в рукописи. Но в высшей степени показательно, что в преддверии «Нищеты философии» и «Манифеста Коммунистической партии» Маркс предпочитает обходиться *без термина* «отчуждение» в специфическом философском смысле даже тогда, когда вне всякого сомнения речь идет именно об этом. Дело в том, что эта категория, взятая абстрактно, *только* теоретически затушевывала антагонизм интересов буржуазного общества, нейтрализуя революционный заряд диалектики.

Оборотной стороной процесса освоения природы в досоциалистическую эпоху является невежество трудящихся масс и паразитизм господствующих классов. Происходящее в пределах эксплуататорского строя освоение природы человеком, показателем которого является достигнутый уровень производительных сил, не только не уменьшает, а в колоссальных масштабах увеличивает диспропорцию между прогрессом во всех областях и ростом того одичания трудящихся, о котором убедительно свидетельствует история капитализма. Однако если в философском отношении дело сводится к *проблеме* отчуждения, то политически речь идет о борьбе пролетариата и всех трудящихся за свое освобождение. Теоретическое объяснение того, каким образом освоение природы выступает в качестве отчуждения людей друг от друга и от природы, еще не устраняет причин отчуждения, но указывает человечеству единственно правильный путь к его преодолению. Маркс не остановился на внутрифилософском аспекте указанной проблемы, а нашел в лице рабочего класса реальную силу, способную к преобразованию всех сторон общественной жизни.

В том, что проблема отчуждения есть проблема классовая, еще раз убеждает знакомство с *теологической* фальсификацией марксизма, столь распространенной сегодня на Западе. «В диалектической концепции марксизма имеется место для автономного развития любви, искусства, музыки, — признает французский философ Ж. Комблен. — Почему бы в нем не было места для автономного развития религии, которая не занимает контрреволюционных позиций, исходя из собственной сущности»¹¹¹? Автор даже не подозревает того, что религия есть извращенная форма искусства, как это доказал еще Фейербах, что, с точки зрения Маркса, религия в качестве специфической формы от-

¹¹¹ Joseph Comblin. Théologie de la révolution. Paris, 1970, p. 276.

чуждения имеет как социально-экономические, так и гносеологические корни, что в борьбе пролетариата и всех трудящихся за свое освобождение объективная роль религии продолжает оставаться реакционной и т. д. Только не принимая в расчет идейный путь молодого Маркса, выхолащивая проблему отчуждения, можно позволить себе, как это желает Комблен, утверждение, будто бы «в марксизме атеизм и философия не соединены неразрывно», так что «можно принять одно, не принимая другого»¹¹².

Другой автор, О. Клеман, утверждает: «Человек действительно гуманен только в боге»¹¹³. Отрывая человека от человечества и на место реальной абстракции воздвигая фикцию, этот буржуазный идеолог одним росчерком пера уничтожает «реальный гуманизм» молодого Маркса и, более того, весь марксизм, включая этический аспект пролетарского интернационализма. Такая буржуазная критика этих воззрений молодого Маркса не поднимается даже до уровня критики гегельянства Фейербахом. «Долг теологии, — утверждает очередной критик марксизма А. Вербист, — представлять неизменные догмы на современном языке, в соответствии с наукой нашего времени»¹¹⁴. Трудно сказать, чего тут больше: философского невежества или религиозного лицемерия. Скорее всего присутствует и то и другое. Приспособить науку к религии, подчинить ей великую революционную науку марксизма — вот к чему стремятся буржуазные идеологи. Для этого и предается забвению актуальное, практически-политическое значение проблемы отчуждения.

Если молодой Маркс через проблему отчуждения шел к диалектическому и историческому материализму, то буржуазные идеологи от всепобеждающих идей коммунизма пытаются спастись под сенью превратно толкуемого «молодого Маркса». Точка зрения классовой борьбы подменяется абстрактным гуманизмом, с позиций которого не только капитализм, но и социализм входит якобы в сферу отчуждения. Идеологи буржуазии стараются не видеть, что социализм представляет собой первую ступень преодоления этого отчуждения, на которой впервые в истории человечества не производительные силы господствуют над людьми. Люди сознательно преобразуют общественные отношения на базе бурного роста производительных сил, а вместе с уничтожением частной собственности исчезает и порожденный ею чудовищный кошмар отчуждения. Напуганные размахом национально-освободительного движения, усилением классовой борьбы пролетариата, а главное, ростом силы и влияния социалистического лагеря на международной арене, буржуазные идеологи готовы в крайнем случае даже признать Маркса — слишком велик его авторитет у народов — только без его радикальных выводов.

Но именно это положение, вытекающее из конкретно-исторического анализа оценки философии Гегеля молодым Марксом, — важнейшее из всех аспектов проблемы отчуждения.

¹¹² Там же, с. 270.

¹¹³ M. J. H. Guillou, Olivier Clément, Jean Bosc. *Évangile et révolution*. Paris, 1969, p. 87.

¹¹⁴ Henri Verbist. *Les grands controverses de l'Église contemporaine*. Lausanne, 1969, p. 279.

ЭТНОГРАФИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Н. А. ДЕМЧЕНКО

СПОСОБЫ ОБРАБОТКИ ЗЕРНА В МОЛДАВИИ В XIX — НАЧ. XX В. (Материалы к региональному этнографическому атласу Украины, Белоруссии и Молдавии)

В Молдавии, экономика которой тесно связана с земледельческим производством, обработка хлеба в занятиях населения приобретает главенствующее значение. Способы, техника и масштабы переработки его являются одним из важных показателей уровня развития зернового хозяйства. Отдельные элементы этой народной технологии могут дать интересный материал и для изучения этнокультурных процессов, проходивших в многонациональном крае. К сожалению, в молдавской этнографической литературе целый ряд вопросов, связанных с исследованием этой темы, не получил до настоящего времени всестороннего изучения¹. Частично они освещены в работе молдавского археолога П. П. Бырня², более полно исследованы Я. С. Гросулом и И. Г. Будаком в очерке по истории народного хозяйства Бессарабии XIX — нач. XX в. Однако в этих публикациях разработан вопрос, касающийся только механических мельниц как основы мукомольного производства, без их подробной классификации.

Автор поставил своей задачей охарактеризовать способы обработки зерна, дать классификацию основных приспособлений, выделить их характерные варианты и специфические черты. Статья написана на основе архивных и литературных данных, а также на базе большого полевого этнографического материала, собранного в связи с работой над региональным атласом Украины, Белоруссии и Молдавии.

Переработка зерна в крупу и муку производилась многообразными приемами на различных по степени усовершенствования приспособлениях. В условиях натурального и полунатурального хозяйства зерно перерабатывали в небольших размерах для личного потребления, и это являлось обычным домашним занятием крестьян. В связи с этим производство муки не выделилось в самостоятельную отрасль. Для этих целей применялся неспециализированный труд любого члена семьи, в том числе и подростков. Зерно перерабатывалось на ручных жерновах (рышницэ) или толклось в ступах (пнуэ).

В исследуемый период ступы были двух типов: ручные и ножные (рис. 1). Они отличались и по форме и по способу приведения в действие толкача (тилуга).

В Молдавии повсеместное распространение получили ручные ступы. Они являлись в прошлом характерной чертой домашней крестьянской утвари. На севере и в центре Молдавии по внешнему виду эти ступы мало отличались: почти конусообразные, и в большинстве слу-

¹ Е. С. Станчу. Мельницы и валахны в долине реки Черна. — «Известия АН МССР», серия общественных наук, 1972, № 1, с. 80—90.

² П. П. Бырня. Сельские поселения Молдавии XV—XVIII вв. Кишинев, 1969, с. 199—200.

чаев в нижней части с двух сторон имеется от одного до трех — четырех плечиков с небольшим основанием. На юге в болгарских и гагаузских селах преобладали ступы цилиндрической формы без плечиков, и часто отсутствовало специальное основание.

Ножные ступы в Молдавии встречались очень редко. По полевым этнографическим материалам последних лет они зафиксированы лишь

Рис. 1. Ручные (1—6) и ножная (7) ступы:
1 — из с. Бешалма Комратского района МССР; 2 — из с. Новоселовка Одесской обл. УССР; 3 — из с. Твардица Чадыр-Лунгского района МССР; 4 — из с. Яловены Страшенского района МССР; 5 — из с. Цибирика Каларашского района МССР; 6 — из с. Чучулены Ниспоренского района МССР; 7 — из с. Климауцы Дондюшанского района МССР.

на севере и юге бывших Хотинского и Измаильского уездов: да и здесь больше всего применялись в селах с украинским населением. В соседних — Черновицкой и других областях Украины — ножные ступы были широко распространены³. Есть все основания полагать, что они были специфической чертой домашнего быта украинского населения, откуда их и восприняли молдаване северной части Пруто-Днестровского междуречья. В Измаильский уезд ножные ступы в свое время занесли украинские переселенцы.

Другим важным элементом домашней утвари стали ручные жернова — основное орудие для помола зерна в домашних условиях. В Молдавии они были распространены повсеместно с древнейших времен, о чем говорят археологические данные.

В архивных документах находятся свидетельства необычайной распространенности жерновов в XIX в. В частности, в циркулярах, разосланных во время Крымской войны, говорилось о количестве ручных жерновов, которые нужно приобрести для направленной сюда армии⁴. В ответ посыпались многочисленные полицейские и земские уездные рапорты со сведениями о возможности их приобретения. Из-за отсутствия более подробных сведений и статистических данных приходится воспользоваться этими материалами, косвенно говорящими о том месте, которое занимала в крестьянском хозяйстве переработка зерна ручными жерновами.

Оказалось, что на юге они были распространены очень мало. В Киликии их было всего несколько экземпляров для личного пользования. В селениях Измаильского градоначальства и посаде Вылково ручных жерновов вообще не было, в Папушойском посаде — три, да и то «к употреблению для перемола зерна в крупу и муку вовсе негодны». В Аккерманском уезде, по существу, ручные жернова не изготавливались, а в Бендерском они хотя и были в небольшом количестве у крестьян, «но таковые необходимы для собственной их необходимости, и они не согласны их продать»⁵.

Сравнительно много жерновов имелось в центральных и северных уездах. Здесь находились залежи песчаника и центры по производству каменных жерновов. Кроме того, они привозились из соседней Подольской губернии, где их изготавливали в большом количестве, а также из Запрутской Молдавии.

По сведениям Оргеевского уездного земства «лучшие камни для ручных жерновов, употребляемых поселянами, приобретались в местечке Скулянах Бельцкого уезда. Их много встречалось и в селах Фурчени, Скорцены, Пашканы и Фаурешты Оргеевского уезда, однако здесь они выделялись «из мелкого камня и не прочие»⁶.

В Сорокском уезде, говорилось в рапортах, «у некоторых жителей имеются жернова для собственного всегашнего обихода, их они сбывать несогласны по недостатку мельниц». Местными жителями они приобретались большей частью в с. Ивановка Ямпольского уезда соседней Подольской губернии⁷.

В Хотинский уезд жернова доставлялись из Запрутской Молдавии. Здесь можно было приобрести их до 180 штук, но «жерна сне самые простые селянские, на них перемол зерна весьма медленный»⁸.

³ В. Ф. Горленко, И. Д. Бойко, О. С. Куницкий. Народна землеробська техніка українців. Київ, 1971, с. 100.

⁴ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6109, лл. 1—2.

⁵ Там же, лл. 13, 14, 20, 26, 36.

⁶ Там же, л. 38.

⁷ Там же, лл. 46, 48.

⁸ Там же, л. 40.

Приведенные архивные материалы дополняются сведениями М. Дарагана, который писал почти в это же время, что жители внутренних сел Бессарабии обрабатывают зерно ручными мельницами⁹. Жернова широко применялись и в последующее время. Особенно они пользовались большим спросом в малоурожайные и в неурожайные годы, часто повторяющиеся, а иногда и по несколько лет подряд.

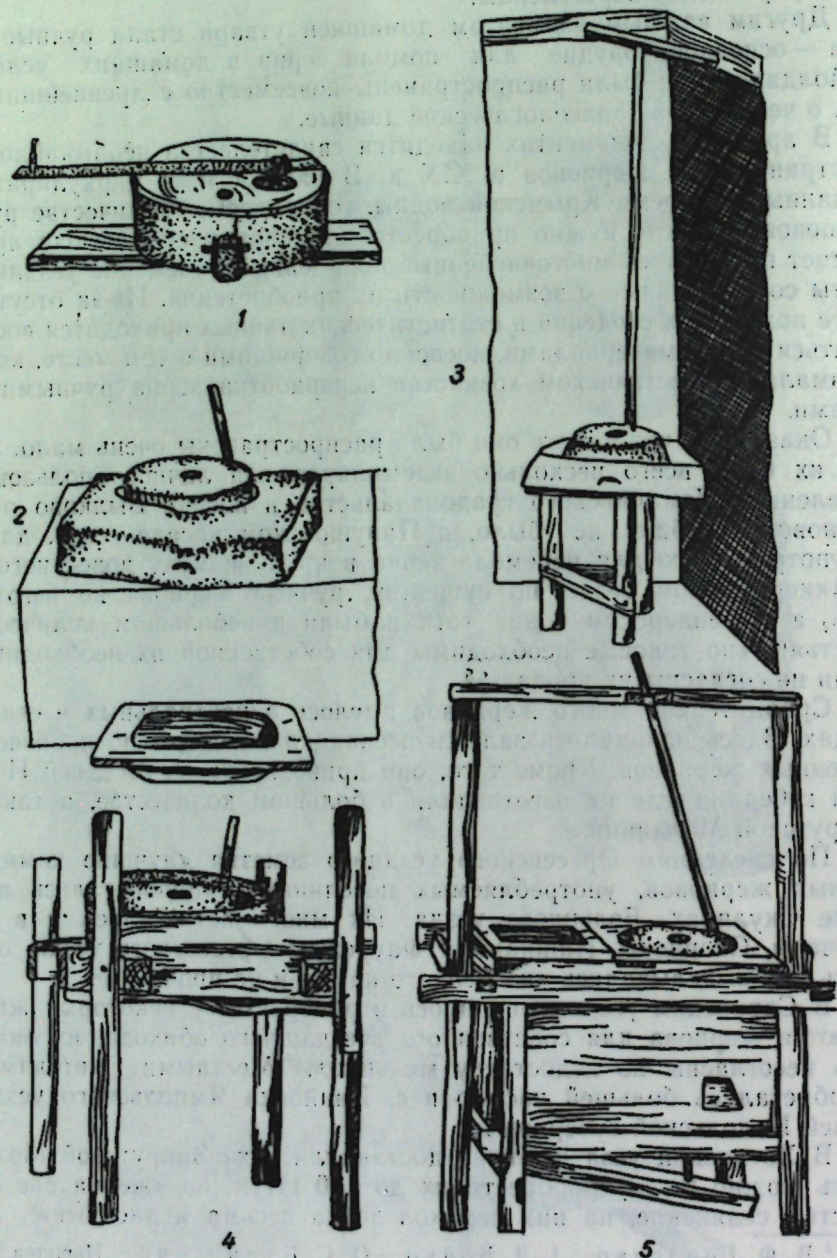

Рис. 2. Жернова:

1 — деревянные из с. Шендрены Новоселицкого района Черновицкой обл., УССР; 2 — из с. Пушкино Ниспоренского района МССР; 3 — из с. Васены Котовского района МССР; 4 — из с. Лозово Ниспоренского района МССР; 5 — из с. Поручены Ниспоренского района МССР.

⁹ М. Дараган. Бессарабская область. СПб., 1849, с. 130.

Как правило, жернова состояли из двух камней. Но иногда встречались и деревянные, в рабочие стороны которых вбивались железные пластинки. По внешнему виду они могли иметь разнообразные формы. Иногда верхний камень меньшего размера вставлялся в выдолбленную поверхность второго, более крупного, чаще же жернова имели разнообразные по форме рамы и подставки (рис. 2). В некоторых се-

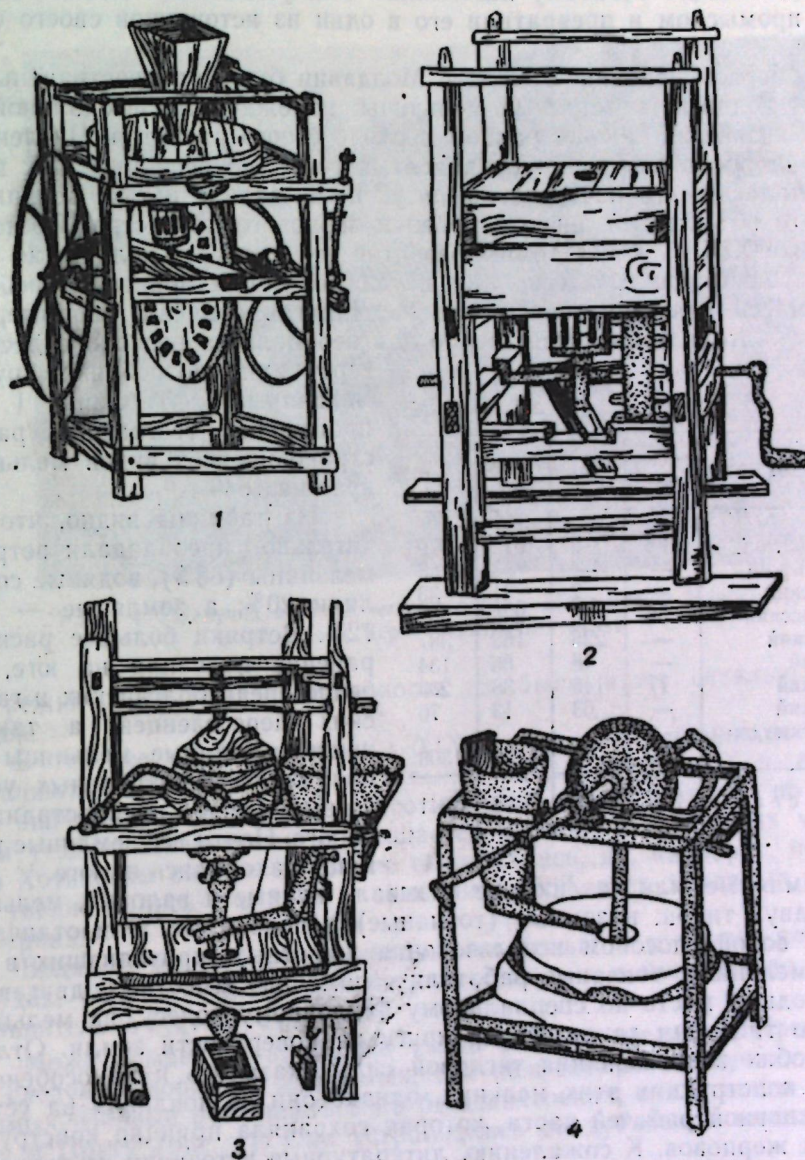

Рис. 3. Усовершенствованные жернова:

1 — из с. Костешты Котовского района МССР; 2 — из с. Коленковцы Хотинского района Черновицкой обл., УССР; 3 — из с. Костешты Котовского района МССР; 4 — из с. Утконосовки Измаильского района Одесской обл., УССР.

лах (Костешты и Коленковцы бывших Кишиневского и Хотинского уездов) обнаружены более усовершенствованные ручные жернова, работавшие по принципу простых механических мельниц (рис. 3).

В отличие от ступ, на которых приготавливали из зерна лишь крупу, ручные жернова применялись для переработки зерна в муку.

В связи с развитием капиталистических отношений у зажиточного крестьянства переработка зерна приобретает уже характер самостоятельного промысла.

Обработка его в большом количестве проводилась на мельницах, принадлежащих богатому населению. Они установили монополию над этим промыслом и превратили его в один из источников своего обогащения.

В первой половине XIX в. в Молдавии были распространены земляные, водяные и ветряные мельницы, порожденные феодальной системой хозяйства еще на раннем периоде своего развития. Численность мельниц росла медленно: с двадцатых годов до середины XIX в. она увеличилась всего почти на 300 штук и составляла 3 тыс. мельниц.

Это объясняется низким уровнем зернового хозяйства. Поэтому к середине XIX в., когда темпы развития его выросли, количество мельниц, существующих здесь, уже не могло удовлетворить потребности всей массы сельского населения. М. Дараган отмечал, например, что многие жители края «возят зерно для перемола за несколько десятков верст или употребляют ручные мельницы»¹⁰. Таблица 1 воспроизводит географию распространения всех видов мельниц в крае на 1849 г.¹¹

Таблица 1

Уезды	Земляные	Водяные	Ветряные	Всего
Аккерманский	165	2	312	479
Измаильский	—	—	53	53
Бендерский	—	2	31	33
Кишиневский	36	96	236	368
Оргеевский	—	225	162	387
Бельцкий	—	48	86	134
Сорокский	17	148	38	203
Хотинский	—	63	13	76
Болгарские округа	132	24	1152	1308
Всего	350	608	2083	3041

Из таблицы видно, что значительно преобладали ветряные мельницы (68%), водяные составляли 20%, а земляные — всего 12%. Ветряки большее распространение получили на юге, особенно среди болгарских и гагаузских переселенцев, а также в центре. Водяные мельницы преобладали в центральных уездах и весьма слабо распространились на юге. Почти все земляные мельницы находились на юге.

Земляные, или как их еще называли конные и валовые, мельницы были двух типов: наземные (топчанные) и подземные. Они отличались между собой способом использования животных, приводивших в действие мельницу: топчанные работали с помощью животных, двигавшихся на одном месте по специальному наклонному колесу, на мельницах второго типа они двигались по кругу на поверхности земли. Отличия в способах использования тягловой силы сказались и на особенностях общей конструкции этих мельниц, однако они не повлияли на устройство основной рабочей части, которая сохраняла принцип конструкции ручных жерновов. К сожалению, литературные источники не позволяют показать районы распространения этих типов мельниц. Но следует полагать, что больше применялись мельницы второго типа, которые были зафиксированы по полевым материалам почти повсеместно, в то время как первые найдены только в пограничных районах с Украиной, где они больше всего и были распространены. По данным очевидца

середины XIX в., «подземная мельница на всяком дворе своя и приводится в движение несложным снарядом на одну лошадь»¹². В Тираспольском уезде «мельницы эти существуют большей частью у молдаван и ими введены в этот край»¹³.

Преимущество таких мельниц состояло в том, что они могли работать в любое время суток и не зависели от погодных условий и водно-

Рис. 4. Плавающая водяная мельница из с. Моаршинцы Новоселицкого района Черновицкой обл., УССР.

го режима. Но производительность их была ниже остальных двух видов.

В течение второй половины XIX в. земляные мельницы распространяются в центральных и южных уездах. В нач. XX в. происходит значительное изменение в соотношении их численности по отдельным уездам. Повсеместно сокращается количество земляных мельниц, а в Хотинском они не только не сокращались, но, наоборот, постепенно увеличивались и в 1910 г. составляли 38% всех земляных мельниц губернии.

Водяные мельницы сооружались на больших и малых речках, на прудах. Они больше встречались на севере и в центре, где имелась сравнительно густая речная сеть.

Можно выделить несколько типов водяных мельниц. Прежде всего следует говорить о подвижных, так называемых плавающих, и недвижимых. Первые размещались на больших реках, в частности по Днестру и Пруту (рис. 4). Они устраивались на дубасах и выдолбленных из дерева лодках¹⁴.

На притоках больших рек, на малых речках и прудах сооружались недвижимые мельницы. Основная масса водяных мельниц края — это мельницы такого типа. Большой недостаток их в том, что из-за маловодия часто приходилось прекращать работу, а в отдельные за-

¹² А. В. Рачинский. Походные письма ополченца из южной Бессарабии в 1855—1856 гг. М., 1858, с. 5.

¹³ А. Шмидт. Херсонская губерния. СПб., 1863, с. 433.

¹⁴ М. Дараган, Указ. соч., с. 51.

¹⁰ М. Дараган. Указ. соч., с. 130.

¹¹ Там же, табл. 15.

сушливые годы эти мельницы не работали в течение почти всего года. В статистических сведениях о Бессарабской области за 1837 г. указывалось: «водяные мельницы находятся в действии только при открытии весны и то не более как один или полтора месяца»¹⁵.

Большое и повсеместное распространение имели ветряные мельницы. В Молдавии применялись два типа таких мельниц, известные

Рис. 5. Столбовая ветряная мельница из с. Чукулены Ниспоренского района МССР.

в историко-этнографической литературе под названием столбовые и шатровые¹⁶. Первые (рис. 5) поворачивались к ветру на неподвижном фундаменте всем корпусом, в том числе и мельничным механизмом, тогда как у шатровых (рис. 6) поворачивалась крыша с крыльями, а основной корпус оставался неподвижным. Корпус имел круглую форму и к верхней части суживался. В архитектурном отношении шатровые мельницы представляли большой интерес. Первый тип встречался повсеместно. Он значительно преобладал в комплексе ветряных мельниц. Второй зафиксирован на севере Молдавии в возвышенном районе села Чернолевка. По сведениям информаторов, в недалеком прошлом шатровые мельницы встречались, правда весьма редко, и в некоторых селах юга и центра. Эти два типа ветряков применялись

также в соседних областях Украины и в Запрутской Молдове¹⁷.

Представляет интерес вопрос возникновения и распространения второго типа ветряка. По словам известного специалиста по истории мукомольного производства Н. А. Пономарева, шатровые мельницы впервые появились в XIII в. на базе развития и усовершенствования голландскими механиками столбовых мельниц. Суть новшества состояла не только в том, что здание получило большую устойчивость, но и в том, что при такой конструкции оно было более высоким и позволяло применять крылья большой длины, а вместе с этим и жернова большого размера¹⁸. Постепенно эти мельницы получили широкое рас-

¹⁵ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2591, л. 252.

¹⁶ Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, с. 120.

¹⁷ С. А. Таранушенко. Вітряки. Народна творчість та етнографія. 1, 1958, с. 87; G. Ionescu. Arhitectura populară românească. București, 1957, p. 100.

¹⁸ Н. А. Пономарев. Возникновение и развитие ветряной мельницы. М., 1958, с. 40—46.

пространение у многих народов Европы. Они преобладали, например, в Литве в XIX — нач. XX вв.¹⁹

О времени появления и причине слабого их распространения в Пруто-Днестровском междуречье пока трудно судить. Возможно, они проникли сюда в весьма поздний период развития мукомольного производства, когда его старая маломощная основа стала вытесняться паровыми мельницами.

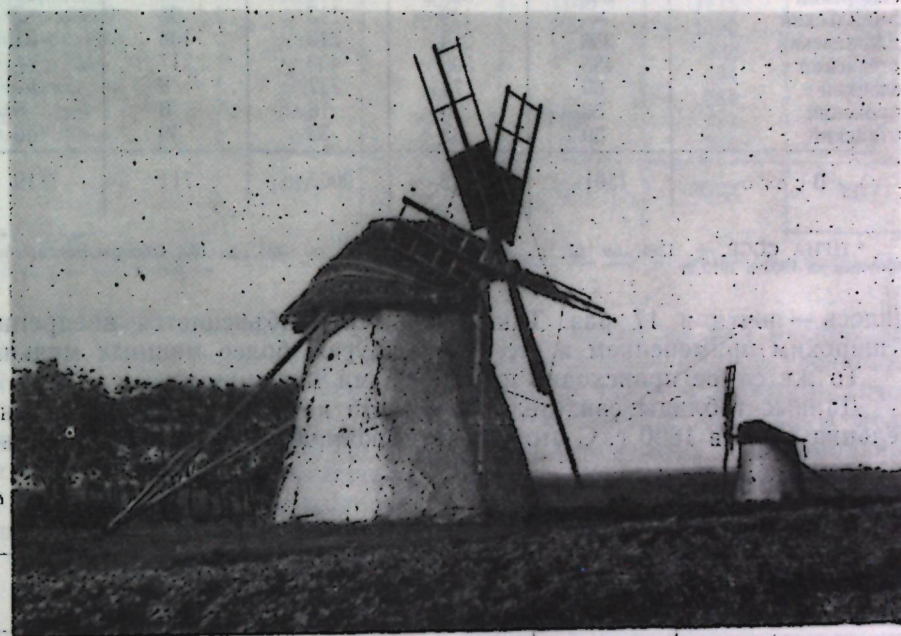

Рис. 6. Шатровая ветряная мельница из с. Чернолевка Дондюшанского района МССР.

Производительность вышеуказанных мельниц была разной. При одинаковых жерновах ветряные мельницы перемалывали в сутки от 3 до 5 четвертей хлеба, водяные — от 4 до 6, а земляные — от 2 до 3 четвертей²⁰.

Во второй половине XIX — нач. XX в. по мере развития торгового земледелия и значительного роста зернового хозяйства мукомольное производство не только получило дальнейшее развитие, но претерпело значительные изменения²¹. Вводились и широко распространялись крупные паровые мельницы. В связи с этим резко падало значение рассмотренных нами видов. Степень распространенности и количественное изменение земляных, например, мельниц видны из таблицы 2.

Из таблицы видно, что наибольшее количество земляных мельниц было в 1890 г. К этому времени их число все возрастало, но в последующие годы стало резко сокращаться и к 1910 г. значительно умень-

¹⁹ В. Мюлис. Пища и домашняя утварь литовских крестьян в XIX и начале XX вв. Балтийский этнографический сборник. М., 1956, с. 135.

²⁰ А. Шмидт. Указ. соч., с. 441.

²¹ Я. С. Гросул, И. Г. Будако. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1861—1905 гг.). Кишинев, 1972, с. 460.

Таблица 2

Распространенность земляных мельниц с 1870 по 1910 г.*

Уезды	1870	1880	1890	1900	1910
Аккерманский	241	233	218	109	20
Бендерский	253	323	318	191	20
Измайльский	—	128	113	35	7
Кишиневский	359	254	213	106	21
Оргеевский	485	508	430	217	—
Бельцкий	80	74	727	8	—
Сорокский	53	20	16	6	5
Хотинский	30	32	32	39	46
Всего	1501	1572	2067	711	119

* ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 67, д. 302; оп. 70, д. 327; оп. 223, д. 168; Обзоры Бессарабской губернии за 1900 и 1910 гг.

шилось — почти в 17 раз. Такое положение объясняется внедрением и широким применением в это время других, более мощных мельниц.

То же самое происходит и с водяными мельницами (таблица 3).

Данные таблицы свидетельствуют, что наибольшее число водяных мельниц было в 1890 г. С этого года их количество стало сокращаться.

Таблица 3

Распространенность водяных мельниц с 1870 по 1910 г.*

Уезды	1870	1880	1890	1900	1910
Аккерманский	3	2	1	1	1
Бендерский	—	1	—	—	—
Измайльский	—	—	—	—	4
Кишиневский	70	58	52	19	6
Оргеевский	135	87	92	68	67
Бельцкий	152	73	87	43	29
Сорокский	197	213	248	196	170
Хотинский	501	530	649	598	565
Всего	1058	964	1129	925	842

* ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 67, д. 302; оп. 70, д. 327; оп. 223, д. 168; Обзоры Бессарабской губернии за 1900 и 1910 гг.

Размещались они лишь в северных и центральных уездах. Особенно благоприятные условия для развития этого типа построек были в Хотинском уезде, где водные ресурсы позволяли использовать такие мельницы, их удельный вес здесь значительно преобладал над другими уездами и в 1910 г. составлял 67%.

Процесс отмирания коснулся и ветряков (таблица 4).

Как видно из таблицы, наибольшее число ветряных мельниц зафиксировано в 1880 г. В последующий период оно значительно сократилось. В силу климатических условий ветряные мельницы были широко распространены на юге. В 1910 г. удельный вес таких мельниц южных уездов составлял 62%. В центре к этому времени он значительно сокращается. Что касается Хотинского уезда, то общее число ветряков постоянно увеличивается, и к 1910 г. их число возросло больше чем в 7 раз.

Таблица 4

Распространенность ветряных мельниц с 1870 по 1910 г.*

Уезды	1870	1880	1890	1900	1910
Аккерманский	1245	1327	1474	1351	1111
Бендерский	831	967	1166	1111	587
Измайльский	—	1275	1222	1090	580
Кишиневский	835	888	1002	833	656
Оргеевский	654	714	73	694	200
Бельцкий	465	488	—	284	—
Сорокский	348	432	392	294	90
Хотинский	59	200	222	266	453
Всего	4437	6291	5551	5923	3677

* ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 67, д. 302; оп. 70, д. 327; оп. 223, д. 168; Обзоры Бессарабской губернии за 1900 и 1910 гг.

Паровые мельницы, как было сказано выше, начали распространяться в Молдавии в середине XIX в. Но особенно быстро увеличивалось их число в конце прошлого столетия в связи с капиталистическим развитием экономики. Они начали вытеснять старые виды мельниц, которые, однако, имели еще большое значение в мукомольном производстве края. О размещении паровых мельниц во второй половине XIX — нач. XX в. можно судить по данным, приведенным в таблице 5.

Таблица 5

Распространенность паровых мельниц с 1870 по 1910 г.*

Уезды	1870	1880	1890	1900	1910
Аккерманский	—	12	32	77	100
Бендерский	3	10	13	44	57
Измайльский	—	11	22	58	72
Кишиневский	8	12	23	53	101
Оргеевский	12	18	36	69	176
Бельцкий	10	17	40	59	134
Сорокский	21	21	29	38	85
Хотинский	11	20	11	17	12
Всего	65	121	206	415	737

* ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 67, д. 302; оп. 70, д. 327; оп. 223, д. 168; Обзоры Бессарабской губернии за 1900 и 1910 гг.

Таблица свидетельствует, что в 1870 г. паровые мельницы были распространены в северных и центральных уездах, где преобладали крупные землевладельческие хозяйства. В конце XIX — нач. XX в. происходит изменение в их географическом распространении, что было обусловлено неравномерным развитием производительных сил в отдельных зонах губернии. В нач. XX в. наибольшее количество паровых мельниц находилось в Оргеевском и Бельцком, Кишиневском и Аккерманском уездах. В целом же за указанный период общее количество их увеличилось больше чем в 11 раз.

Паровые мельницы являлись собственностью крупных помещиков и предпринимателей, занимавшихся специализированным мукомольным

производством. Хозяевами многих этих мельниц являлись иностранные подданные²².

Производственная и фактическая мощности паровых мельниц были значительно выше всех остальных. Они могли работать в любое время года и суток и не зависели ни от метеорологических условий, ни от водных ресурсов края.

Среди маломощных мельниц к этому времени произошли следующие изменения: сократился удельный вес земляных (с 21% до 2%) и незначительно вырос водяных (с 15% до 16%) и ветряных (с 63% до 68%). Вместе с тем изменилась и география мукомольных предприятий. Если в 1870 г. земляные мельницы преобладали в центре (56%), а водяные (81%) и паровые (65%) — на севере, ветряные (47%) — на юге, то в 1910 г. земляные больше всего были на севере (42%) и на юге (40%).

Общий показатель маломощных мельниц в 1870 г. составлял 99%, а паровых — 1%, то в 1910 г. у первых он сократился до 86%, а у вторых, игравших уже определяющую роль в мукомольном производстве, вырос до 14%.

Приведенные выше статистические данные о количестве мельниц всех видов показывают, что в конце XIX — нач. XX в. произошли большие количественные и качественные изменения в составе мукомольных предприятий. К началу XX в. сокращался общий удельный вес маломощных мельниц эпохи феодализма и неуклонно возрастал крупных паровых мельниц — основы капиталистической мукомольной промышленности.

Н. М. КАЛАШНИКОВА

КОЛЛЕКЦИЯ ЖЕНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СССР

В Государственном музее этнографии народов СССР, крупнейшем из такого рода музеев страны, среди коллекций, характеризующих материальную культуру народов Советского Союза, хранится 300 образцов молдавской одежды.

Сбор материала по Молдавии был начат хранителем этнографического отдела Русского музея Н. М. Могиланским. Он приобрел в Хотинском уезде Бессарабской губернии небольшую, но весьма ценную коллекцию, в составе которой была мужская и женская одежда, полотняные головные уборы — *нэфрамэ*, *боранжик*, *марамэ*. Последующие сборы экспонатов в Бессарабской губернии производились любителями-краеведами по поручению музея. Так, учитель П. В. Рябков в Тираспольском уезде собрал в 1909—1910 гг. женскую, мужскую и детскую одежду, а художник П. А. Шуманский пополнил эту коллекцию в 1911—1912 гг. На Украине в течение 1907—1909 гг. художником А. М. Высоцким, П. В. Рябковым и В. А. Бабенко был сделан ряд приобретений, среди которых особого внимания заслуживают комплексы девичьей и женской одежды. С 1924 г. сотрудниками этнографического отдела музея А. Я. Дуйсбург, А. М. Колаковской, К. Я. Голлобовой начинаются сборы экспонатов на территории МАССР и в

²² ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 8548, л. 63, 64, 67 и др.

молдавских селах южной Украины, которые значительно пополнили предыдущее собрание. Среди них наиболее интересны мужские комплекты.

Начало систематического изучения и сбора этнографических данных по материальной и духовной культуре молдавского народа относится к 1956 г. С этого времени осуществляется принцип планомерного исследования и пополнения экспонатов. Основные коллекции этого периода собраны сотрудником музея З. Б. Предтеченской в центральных, северных и восточных районах МССР (рис. 1). Особенно следует выделить комплекс с верхней одеждой и обувью.

Молдавская народная одежда до настоящего времени изучена недостаточно. В дореволюционной литературе по этнографии Молдавии вопросу одежды уделено незначительное место. В трудах Л. С. Берга, А. Зашука, А. С. Афанасьева-Чужбинского, Н. К. Могиланского²³ и ряда других авторов содержатся сведения, охватывающие широкий круг вопросов, однако данные по одежде приводятся весьма кратко. Изредка встречаются зарисовки молдавского костюма²⁴. Следует отметить при этом, что все перечисленные исследователи, давая описание культуры и быта молдаван, не ставили своей задачей углубленное изучение отдельных тем, в частности одежды. Эти авторы — не специалисты-этнографы, они ограничивались беглым описанием одежды населения Бессарабии, не останавливаясь при этом на подробной классификации и типологизации такого материала.

Лишь в послевоенный период было начато серьезное изучение молдавского народного платья. Появились работы, характеризующие одежду отдельных районов Молдавии²⁵, рассматривающие национальные костюмы в этнографическом и искусствоведческом плане²⁶. Вместе с тем, в научной литературе нет материалов по истории городского народного костюма²⁷.

²³ Л. С. Берг. Бессарабия. Страна.—Люди.—Хозяйство. СПб., 1918, с. 92. А. Зашук. Бессарабская область. СПб., 1862, с. 460—462. А. С. Афанасьев-Чужбинский. Поездка в Южную Россию, ч. I. СПб., 1863, с. 9; Н. К. Могиланский. Материалы для географии и статистики Бессарабии. Кишинев, 1913, с. 72.

²⁴ Народы России. Молдаване. Живописный альбом. СПб., 1877, л. 23. Русские народы. Европейская Россия, ч. I. М., 1894, с. 29.

²⁵ В. С. Зеленчук. Материалы к изучению молдавской народной одежды. — «Изв. МФ АН СССР», 1959, № 6 (60), с. 77—91. Материалы к изучению молдавского народного ткачества. — «Изв. МФ АН СССР», 1961, № 5 (83), с. 57—66.

²⁶ А. М. Зевина, М. Я. Лившиц. Национальный костюм Молдавии. Кишинев, 1960. В. С. Зеленчук, М. Лившиц, И. Хынку. Народное декоративное искусство Молдавии. Кишинев, 1968. Народы мира. Народы Европейской части СССР, т. II. М., с. 805—812. Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М., с. 446.

²⁷ О типах молдавской одежды XIX — нач. XX в. дает представление ст. В. С. Зеленчука «Основные типы традиционной молдавской народной одежды». — В кн.: Этнография и искусство Молдавии. Кишинев, 1972, с. 75—93.

Рис. 1. Районирование молдавской одежды, поступившей в коллекцию ГМЭ СССР с 1906 по 1927 г. Количество экспонатов, собранных в одном пункте:
I — до 35, II — до 15, III — до 5

Существенным источником для дальнейшего изучения его являются музейные вещевые собрания, снабженные точно аннотированной документацией и хорошо датированной фотографической иллюстрацией. Именно такова коллекция молдавской одежды в фондах ГМЭ народов СССР. Она позволяет характеризовать не только отдельные элементы одежды, но также фиксировать и анализировать целые комплексы костюмов, т. е. дает возможность проследить взаимовстречаемость определенных групп одежды между собой.

Женская одежда в фондах музея представлена как отдельными предметами, так и целыми комплексами, среди которых выделяются

Рис. 2. Женская рубаша с цельным рукавом — одна из старейших в коллекции ГМЭ народов СССР. Выполнена в конце XIX в., Бессарабская губ., Хотинский уезд, с. Ванчикауцы (№ 958—13).

комплекты с различными типами поясной одежды; *катринцей*, юбкой, а также сарафанный комплекс. Составными частями этих комплексов была рубаша (*кэмешэ*), пояс (*брыу*), безрукавка из ткани (*бруслек*) или овчины (*кептарь*, *бондица*), иногда передник (*пестелка*). Головной убор, украшения и обувь дополняли костюм молдавской крестьянки. В зимний период поверх названной одежды надевали теплую суконовую или меховую одежду (*бурнус*, *кафтан*, *суман*, *кожок*).

Рубахи. Основная часть традиционного костюма молдаванки — женская рубаша *кэмешэ* широко и разносторонне представлена

в фондах ГМЭ народов СССР (43 предмета). В соответствии с типологией рубах, разработанной для молдавской одежды²⁸, в коллекции выделяются три типа: туникообразный, с цельным рукавом²⁹ и на кокетке.

Рубахи древнего туникообразного покроя (№ 7070—47, 7364—1) привезены с севера республики (Хотинский уезд, ныне Бричанский район МССР). Рубахи второго типа — с цельным рукавом (рис. 2), — наиболее часто встречающиеся в коллекции, приобретены в основном в северных и центральных районах Молдавии (б. Хотинский уезд; Каменский и Липканский районы МССР), а также в молдавских селах на Украине (б. Ольгопольский уезд Подольской губ., б. Бахмутский уезд Екатеринославской губ., б. Александровский уезд Херсонской губ., Новоселицкий район Черновицкой области УССР). Третий тип рубах на кокетке, получивший распространение значительно позднее двух первых, представлен в коллекции экземплярами, поступившими из северных, центральных и южных районов Молдавии (рис. 3).

Все коллекционные женские рубахи состоят из двух частей: верхней — *стан* и нижней — *поале*, причем стан шит зачастую из дотоканины лучшего качества, чем поале. Почти все рубахи сшиты из четырех полотнищ с расположением швов по два спереди и сзади.

Покрой ворота у рубах различается: больше всего рубах с воротом на сборке, а также без воротника с четырехугольным или круглым вырезом, единичны рубахи с воротом-стойкой (№ 4663—16) и отложным воротником (№ 4233—1, 4663—21, 25).

Покрой рукава у рубах также различен. Рукава прямого покроя без манжета делаются у рубах всех трех типов. Рукава, заканчивающиеся манжетом (пришивным или цельным с рукавом) встречаются у рубах двух последних типов, а рукава на сборке — только у рубах с цельным рукавом.

Характерным украшением женской молдавской рубахи является вышивка в сочетании с тканым узором, нашивками блесков, а позднее пуговиц. Различные приемы вышивки (крест, гладь, меретка) выполнялись материалом, соответствующим избранной технике: шерстяными, шелковыми и хлопчатобумажными нитками, а в наиболее дорогих экземплярах бисером и пряденой золотой или серебряной нитью. Орнамент чаще всего располагался на рукаве, особенно его плечевой части, у ворота и на самом вороте, на обшивке рукава, по подолу.

²⁸ В. С. Зеленчук. Материалы к изучению..., с. 86—87, рис. 6.

²⁹ Рубахи с цельным рукавом соответствуют (по классификации Г. С. Масловой) разновидности рубах с полками, пришитыми по утку, т. е. «бесполоковым», у которых рукав слит с плечевой вставкой и пришивается вдоль основы полотнища, а верхняя часть его вместе с передними и задними полотнищами рубахи собирается вокруг шеи, образуя ворот. — Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, с. 607—609.

Рис. 3. Районы распространения типов женских рубах: I — туникообразный; 2 — рубахи с цельным рукавом; 3 — рубахи на кокетке; I — преобладающий тип, II — бытующий тип, III — единичные экземпляры.

Рассмотренные типы рубах представлены в комплексах, сопоставление которых позволило сделать следующие выводы: рубахи туникообразного покроя встречены в комплексах с «катринцей» (№ 7070—47, 7364—1); рубахи с цельным рукавом также носили с катринцей (№ 1732—1, 11, 17; 7070—50; 8006—45), сарафаном (№ 4233—1, 4663—21, 25) или юбкой (№ 4492—1), а рубахи третьего типа имеются в коллекции музея только в комплексе с юбкой (№ 8006—14). В одном случае встречен комплект женской одежды (№ 4663—16, 17, 18), состоящий из рубахи, передника и платка и не содержащий поясной одежды.

Поясная одежда. Основной поясной одеждой молдавского женского костюма, представленного в коллекции музея, является *катринца* — шерстяная несшитая юбка, надевавшаяся поверх рубахи (аналогично украинской обгортке³⁰) и перехватываемая поясом (рис. 4).

Рис. 4. Катринца. Выполнена в нач. XX в., УССР, Черновицкая обл., с. Магала (№ 7364—2).

В коллекционных описях фигурирует и другой термин. Он называет эту одежду — *фотэ*³¹. В собрании музея катринцы представлены довольно стабильно (приобретения 1906, 1907, 1909, 1958, 1961, 1970, 1971 гг.), и что особенно важно, почти все они происходят из комплексов. Катринцу носили девушки (№ 1732—2) и замужние женщины (№ 1732—18). Различие состояло только в том, что в первом случае основное поле катринцы, кроме центральной черной полосы, было заткано вертикальными полосами ярких тонов, поясная одежда же замужних женщин, особенно будничная, была значительно скромнее — в ней сочетались два — три цвета: по черному или темно-синему полю

³⁰ Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — нач. XX вв. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, с. 631.

³¹ См. коллекционную опись № 2883.

вытканы тонкие белые полоски и красная кайма по краю. Праздничные катринцы украшались более сложным узором геометрического и растительного мотивов, который выполнялся шерстяными, хлопчатобумажными, шелковыми и иногда золотыми нитками (№ 8006—46).

Очень небольшой группой представлен в коллекции другой вид поясной одежды — юбки (*фустэ*) из домотканнины или сатина, приобретенный в 1906, 1926, 1971, 1972 гг. Появление такой одежды в молдавском селе связано, по-видимому, с городским влиянием, усилившимся в конце XIX — нач. XX в., что сказалось и в покрое — мелкая складка, восьмиклинка (№ 4492—2, 8006—15). В комплексах юбки встречаются в сочетании с самым поздним типом рубахи — на кокетке (№ 4492—2, 8006—15).

Сарафаны. По мнению исследователей, сарафан не является характерным элементом костюма молдаванки³², однако в некоторых районах Молдавии он издавна бытовал в комплексе одежды и сохранился в современном народном праздничном костюме (приобретения 1907, 1924, 1926, 1927, 1961, 1972 гг.). Сарафаны из коллекции ГМЭ народов СССР по существующей классификации относятся к позднему типу — так называемому прямому сарафану с лифом³³. Сшиты они из темно-синей, темно-коричневой или черной шерстяной домотканнины (№ 4492—7, 7364—10), а также материи фабричного производства (№ 1204—76, 2736—51, 54). Для отделки сарафанов употребляли ленты различных цветов (№ 4492—7, 2736—54) и полосы бумажного бархата черного цвета, по количеству которых узнавали девушку на выданье. Покрой и внешний вид сарафанов близок болгарскому сукману³⁴ и, как уже указывалось, русскому сарафану, о чем свидетельствует довольно устойчивая терминология — *шарафан*, *шарафан негру*, *шарафану*³⁵. Сарафаные комплексы, собранные в коллекции музея, включают в основном рубахи с цельным рукавом (№ 4233—1, 4663—21, 25) и лишь одну рубаху на кокетке (№ 4492—6). Картографирование сарафанов позволяет сделать вывод о сохранении устойчивой традиции на определенной территории в Приднестровье, — что подтвердили экспедиции 1961 и 1972 гг.³⁶

Женские безрукавки. Составной частью женского молдавского костюма были безрукавки из ткани или овчины. Особый интерес в музейной коллекции представляют старинные безрукавки из хлопчатобумажной ткани, парчи, атласа, кашемира, приобретенные в 1909, 1910, 1926 гг. Покрой их аналогичен упрощенной украинской кирсетке с прямым передом, имеющим одно- или двубортную застежку с приталенной спинкой с рядами сборок на боках³⁷. Подобные безрукавки носили девушки и замужние женщины. В собрании музея этот вид одежды представлен в комплексах с катринцей (№ 1732—3,

³² В. С. Зеленчук. Материалы к изучению..., с. 88—89.

³³ Л. В. Тазикина. Русский сарафан (По коллекциям сарафанов ГМЭ народов СССР). — «КСИЭ», вып. XXII. М., 1965, с. 21—35.

³⁴ Я. П. Прилипко. Общие черты в одежде болгар и восточных славян. XIX — нач. XX в. М., 1962, с. 4.

³⁵ См. коллекционные описи № 4233, 4663, 4492.

³⁶ См. полевой отчет об экспедиции 1961 и 1972 гг.

³⁷ Г. С. Маслова. Указ. соч., с. 648, рис. 52.

14, 20), с сарафаном (№ 2736—52, 53) и юбкой (№ 4492—3). Женские овчинные безрукавки прямого покроя встречаются в коллекции как в комплексе с катринцей (№ 7364—3), так и вне комплекса. Лицевая сторона их (*кептарь, бондицэ, кожочел*) украшена аппликацией из цветной кожи (рис. 5).

Рис. 5. *Кептарь* с аппликацией из цветной кожи. Выполнен в 1960 г., МССР, Ниспорейский район, с. Варзорешты (№ 7297—93).

Передники. В музейной коллекции единичные экземпляры передников (*пестёлкэ*) происходят из комплексов одежды замужних женщин (№ 1732—4). Материалом для них служила шерстяная, хлопчатобумажная или ситцевая ткань различных цветов и узоров. Все передники прямого покроя с заложенными у пояса складочками украшены оборкой (№ 1733—4), каймой (№ 2943—3) или мелкими складками, расположенными в нижней части полотнища.

Головные уборы. Обширную коллекцию женских головных уборов (81 предмет) можно разделить на три группы: полотенчатые — *нэфрамэ*, типы *капуряц, косицар, кырпэ, коадэ* и головные платки фабричного производства. В имеющемся собрании четко выделяются женские, девичьи и свадебные головные уборы.

Полотенчатые головные уборы (*нэфрамэ* или *штергар*) выполнены из домотканнины с хлопчатобумажной нитью в основе и украшены тканым узором, выполненным белой бумажной или светло-желтой нитью шелка-сырца. Орнамент носит чаще всего геометрический характер (№ 1732—24 косычка, 1732—22 кручулице — кресты), встречается растительный узор (№ 1204—36, 37, 38 розетки, 1732—24 нуцеле — орехи), изображения птиц (№ 958—24, 31 голудь — голубь, 958—26 кукошел — петух) и животных (№ 958—35—40 собаки). Концы полотенчатого головного убора украшали по-разному: бахромой из цветного бисера (№ 58—27, 28, 37, 38; 1731—4, 15, 22; 1733—6, 2736—26), шелковой или хлопчатобумажной нитью (№ 958—24, 26, 30, 33, 41, 2736—25); обвязывали кружевом (№ 958—34, 35, 39, 42, 7297—89, 90), завершали мелкими металлическими бляшками с пуансонным орнаментом (№ 1732—24, 26, 27, 28).

Довольно разнообразна группа головных уборов (27 предметов), в характеристике которых следует учитывать этническую историю территории, откуда происходят эти предметы. Так, среди свадебных головных уборов, самый ранний в коллекции — фес (№ 958—43 а, б, привоз 1906 г.) — несомненно говорит о турецких влияниях на материальную культуру молдаван, а головные уборы невест — косицар (№ 2736—17 а, б, с, 7364—12), — происходящие из одних и тех же мест, но зафиксированные в различные хронологические периоды (привозы 1909—1910, 1961 гг.), свидетельствуют об устойчивости традиций на определенных территориях (например, в Каменском районе).

Девичьи головные уборы представлены двумя типами и встречаются в различных комплексах. Так, в комплекс с катринцей входит головной убор (№ 1732—5, 6, 7 из б. Екатеринославской губ. Бахмутского уезда с. Троицкого), состоящий из *канатаря* — узкой полосы ткани, нашитой на подкладку, *пауны* — позатыльной части убора и *бардирер* — цепочки, укрепляемой под подбородком. Сарафанный комплекс включает в себя девичий убор, состоящий из венка с искусственными цветами, повязки — *бундарешь* и ленты *бинды* (№ 4663—28, 29, 30). К такому головному убору, возможно, прилагалась вязаная шапочка, украшенная бисером продолговатой формы.

Среди женских головных уборов также выделяются несколько типов: *косицар, капуряц* и *кырпэ*. Повязки — *косицар*, — украшенные стеклярусом, девушки и молодые женщины носили без всяких дополнений (№ 2736—19, 20, 21 — б. Херсонская губ. Елисаветградский уезд, с. Лелековка), а пожилые женщины одновременно с полотенчатым головным убором — *нэфрамэ* (№ 2736—23). *Капуряц* — капор, — который состоял из металлического каркаса, обтянутого тканью и украшенного вышивкой или металлическими подвесками и луговицами. Надевали его вместе с *нэфрамой* (№ 1732—16, 21). Самым распространенным головным убором замужних женщин была *кырпэ*, напоминающая русскую кичу, основу которой составляла пластинка из луба, обтянутая холстом (№ 1204—62).

Интересно отметить, что названные головные уборы замужних женщин происходят в основном из комплексов с катринцами (№ 1732—16, 21), и лишь единичны случаи наличия их в комплексе с сарафаном (№ 4663—19) или передником (№ 1732—5).

Платки фабричного производства (6 предметов) молдаванки стали употреблять в качестве головных уборов значительно позже, о чем свидетельствует отсутствие их местного названия. В музейной коллек-

ции они встретились в комплексах с катринцей (№ 7364—6), сарафаном (№ 4669—20, 24) и юбкой (№ 4492—5). Платки из шерстяной или хлопчатобумажной ткани с набивным рисунком появились, видимо, в молдавских селах в начале XX в., когда значительно усилилось влияние города. Следует отметить, что этот тип головных уборов в коллекции представляет районы со смешанным населением (б. Подольская, Екатеринославская, Херсонская губ.).

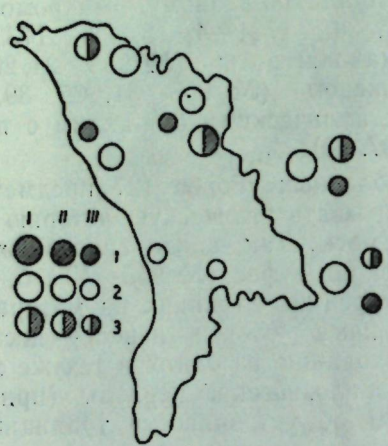

Рис. 6. Районы распространения женских головных уборов: 1 — полотнячатые — нефрамэ; 2 — венки, чепцы, сетки; 3 — платки; I—III — условные обозначения, см. рис. 3.

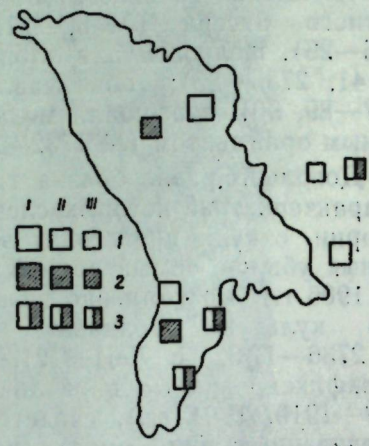

Рис. 7. Районы распространения женских украшений: 1 — шейные украшения; 2 — серьги; 3 — браслеты; 4 — перстни, кольца; I—III — условные обозначения, см. рис. 3.

Картографирование имеющихся экспонатов позволяет сделать вывод о повсеместном бытовании древнего полотнячатого убора нефрамэ и девичьих и женских уборов в основном в северных и центральных районах, где распространение платков фабричного производства фиксируется в единичных случаях (рис. 6).

Украшения. Среди украшений молдавских сельских женщин, представленных в фондах музея, наиболее многочисленной является группа шейных и нагрудных украшений (19 предметов). В их числе: нитки бус корралов — *куреле* (№ 1204—68, 7364—14, 15, 16), перламутра — *мерджеле* — (7703—1), цветного стекла — *пацюрки* (№ 2883—17, 4492—9, 4663—32, 33), сушеных семян растений — *клокотичь* (№ 1204—67), украшения из бисера (*намисто*) в сочетании с мелкими турецкими серебряными монетами, ожерелья из монет или монетовидных подвесок — *карбоаве* (№ 1204—65) или *лефтурь* (№ 2883—16).

Браслеты и перстни представляют немногочисленную группу ручных украшений (6 предметов). Металлические браслеты — *брэцарэ* — представлены двумя типами: литой из меди (№ 1732—19) и составленный из круглых жестяных подвесок (№ 1733—11). Кроме того, в коллекции имеется стеклянный браслет синего цвета (№ 2883—17), принадлежащий, судя по размеру, ребенку. Перстни из стекловидной массы голубого и красного цвета (№ 2883—21, 22, 23) утолщаются к центру с углублением для заполнения пастой или инкрустацией (привезены в 1911—1912 гг.).

Отдельную группу предметов составляют серьги — *черчей* или *саршей*, выполненные из серебра (№ 1204—69 а, б; 7364—18), меди (№ 2883—12, 15) и сплавов (№ 2883—13, 14, 8006—26). Почти все они принадлежат к типу серег на подвесках и украшены гравировкой или штампом.

Целый ряд украшений происходит из комплексов одежды, при сопоставлении которых следует отметить существование украшений, в основном, в девичьем уборе (№ 1732—10, 4663—32, 33, 7364—13, 14, 15, 16) и лишь однажды в комплекте замужней женщины (№ 4492—9, 10). Интересно заметить, что шейные украшения встречены нами только в сарафанном комплексе (№ 4492—9, 10, 4663—32, 33, 7364—16), а браслет вместе с металлическим поясом в комплексе с катринцей (№ 1732—10). Картографирование музейной коллекции женских украшений свидетельствует, что наиболее многочисленная группа шейных украшений, а также серьги бытовали как в центре, так и на юге края. Украшения же другой группы — браслеты, перстни — происходят, в основном, из южных районов (рис. 7).

Пояса. Широко представлены в коллекции женские пояса (20 предметов). Следует отметить, что различным комплексам женской одежды соответствовали определенные типы поясов. Так, шерстяные пояса домашнего изготовления, характерные для комплексов с катринцей, подразделяются на узкие, украшенные тканым узором растительного характера (№ 1732—13 орнамент «фасоля» — фасоль), и широкие (6—10 см) с тканым геометрическим, как правило, ромбическим орнаментом (№ 958—17). Такие пояса, служившие для подвязывания катринцы, являлись дополнением, своеобразным связующим звеном между белым полем рубашки и плотно затканной поверхностью поясной одежды — катринцы. В сарафанном комплексе, распространенном, как уже отмечалось, локально (например, Каменский район), постоянно встречаются (доставлены в 1927, 1961, 1972 гг.) широкие сатиновые пояса розового или красного цвета (№ 4663—27, 7364—11). Из этих же мест происходит широкий праздничный пояс из шелка (№ 1204—85). В комплексах с юбкой пояса не встречаются.

Единичными экземплярами в коллекции представлены: узкий металлический пояс (№ 1732—9) из девичьего костюма с катринцей, состоящей из пластинок с гравированным растительным орнаментом, соединенных между собой цепочками; старинный женский пояс (№ 2736—31) из золотого мишурного позумента, нашитого на полосу бумажного бархата, он застегивается на металлическую пряжку, украшенную штампованным растительным орнаментом со следами позолоты; праздничный женский пояс (№ 958—16), две трети его вытканы небеленой льняной нитью, а остальная часть — поперечными полосами разных цветов.

Рассмотрев коллекцию женской одежды молдаван, хранящуюся в фондах ГМЭ народов СССР, подведем некоторые итоги. Обзор этого собрания позволил кратко осветить историю формирования коллекции и охарактеризовать ее в целом. В разделах, посвященных женской одежде, предлагается классификация данного собрания с выделением типов отдельных частей одежды и комплексов, основанная на существующей типологии. Картографирование отдельных предметов костюма, происходящих из музейной коллекции, позволяет говорить о довольно четкой локализации одежды в различных районах края. Целые комплексы, привезенные из одного и того же места, но в различные хроно-

логические периоды дают возможность проследить эволюцию костюма на определенной территории.

Дальнейшее изучение молдавской одежды в рамках коллекции ГМЭ народов СССР потребует дополнительных исследований с широким привлечением полевого материала.

Н. Н. РОЖКОВСКАЯ

РУССКАЯ ПРЕССА СЕРЕДИНЫ XIX В. О ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ БЕССАРАБИИ

Для историков русского театра в Бессарабии представляется интересной середина XIX в. Этот переход характерен довольно длительным пребыванием постоянных русских трупп в столице Бессарабской области — Кишиневе. Обоснование того или иного театра в одном городе на три—четыре—пять лет в условиях русской театральной провинции было скорее исключением, чем правилом, и потому этот факт уже сам по себе заслуживает внимания. В это время на кишиневской сцене играл целый ряд талантливых актеров, широко известных югу России, (назовем хотя бы ученицу знаменитой А. Млотковской А. Кравченкову). Их творческая судьба так или иначе складывалась под влиянием того нового прогрессивного направления в актерском искусстве, которое связано с именем М. С. Щепкина. Именно в это время растет общественная значимость театра, появляется постоянный театральный зритель, именно в эти годы театр начинает играть все более заметную роль в духовной жизни Кишинева, который к 1856 г. по численности населения уже занимал пятое место после крупнейших городов России: Петербурга, Москвы, Одессы, Риги³⁸.

Отклики на театральные события, короткие заметки, письма в редакцию, которые мы встречаем в Московской, Петербургской, Одесской прессе тех лет, смело можно было отнести к театральной хронике, если бы одновременно на страницах газет существовала бы и театральная критика. Театральная журналистика провинциальной России середины прошлого века делала свои первые шаги, и ростки критической мысли еще едва встречаются в этих небольших информациях. В них только лишь делается попытка оценить увиденное, описать игру актера, определить значимость пьесы, взятой для постановки, но фиксация самого события — непреходящая ценность этих газетных заметок.

Особая же значимость таких, как правило небольших, материалов, заключается в том, что они дают нам непосредственное представление о зрителе того времени. Большинство дошедших до нас газетных и журнальных публикаций, освещающих театральную жизнь Кишинева, характеризуется тем, что индивидуальное, личностное начало в них отступает на задний план, а общим и главным для их авторов является стремление вести разговор от лица зрителей. Пишущие эти заметки передают не столько свое собственное отношение к увиденному, сколько выражение зрительской реакции. Авторская оценка еще не вступает в конфликт со зрительской, как это будет позднее. Здесь, наоборот, постоянно апеллируют к зрителю, опираются на его мнение, приводя его как самый веский аргумент оценки. Благодаря этому, по-

³⁸ В. И. Жуков. Города Бессарабии 1812—1861 годов. Кишинев, 1964.

добные корреспонденции дают нам некоторую возможность проследить рост зрительской активности. В них выявляется осознание передовыми кругами кишиневской интеллигенции, к числу которых принадлежал и ряд авторов театральных заметок, общественной роли театра.

В начале 50-х годов в петербургской «Северной пчеле» стали появляться корреспонденции из Кишинева за подписью И. Танского. В своих первых «Заметках о Кишиневском театре» (о том, что они первые, свидетельствует краткий исторический обзор, касающийся посещения Кишинева в 30-е и 40-е годы разными театральными труппами) И. Танский, в частности, писал о театре князя П. И. Гагарина, прибывшем в Кишинев из Одессы в апреле 1846 г.³⁹ и сыгравшем важную роль в пробуждении интереса кишиневских зрителей к этому искусству. Он даже говорит более определенно — о «страсти к театру» и о том, что «с того времени в Кишиневе театр сделался необходимостью»⁴⁰.

По мнению И. Танского, повышенный театральный интерес кишиневской публики 40-х годов был вызван прежде всего возросшими культурными запросами самих зрителей. Этому фактору автор придает определяющее значение. В статье критик объясняет причину того, почему прежде театральные труппы задерживались в Кишиневе недолго. «Эти труппы нравились публике», — пишет автор и подчеркивает особую популярность одной из них, в которой играл талантливый артист К. Соленик⁴¹, «уже известный в России как художник с немалым дарованием...». Но поддержать артистов кишиневская публика «не могла, в то время не было образованной молодежи, а старики не могли отличить драмы от водевиля».

Таким образом, решающим фактором существования театра является, с точки зрения И. Танского, поддержка его со стороны образованной молодежи. Автор статьи объясняет, что гагаринский театр сумел привлечь нового зрителя прежде всего целой группой хороших актеров-профессионалов, большей частью выпускников московской школы. Это было необычно в практике провинциального театра, в котором обычно один—два талантливых актера играли среди массы случайных для искусства людей. Кроме того, И. Танский отмечает создание при гагаринском театре настоящей театральной школы, явления в провинции чрезвычайно редкого. П. И. Гагарин, человек весьма серьезно и с большой любовью относящийся к искусству, принадлежал к тому типу антрепренеров, который во второй половине XIX в. встречался все реже. На смену ему пришли антрепренеры-дельцы, видевшие в антрепризе прежде всего промышленное предприятие. Известный советский историк театра А. П. Клиничин причисляет театр Гагарина к наиболее передовым провинциальным труппам России конца сороковых годов прошлого века⁴². В связи с этим еще большую значи-

³⁹ Р. Даниленко, И. Терехина. Из истории русского театра в Молдавии в дооктябрьский период (1808—1917 гг.). Материалы научно-теоретической конференции «Молдавско-руско-украинские связи». Кишинев, 1970.

⁴⁰ И. Танский. Заметки о Кишиневском театре. — «Северная пчела», 1851, № 37.

⁴¹ А. Киртока. М. Кропивницкий в Молдавии. — В кн.: «М. Л. Кропивницкий в Белоруссии, Грузии, Молдавии». Кишинев, 1966.

⁴² А. П. Клиничин. История драматического театра в городах русской провинции с конца XVIII века по 1861 год. Институт истории искусств. Москва, 1968.

мость приобретает заявление И. Танского, что период пребывания гагаринской труппы был «самою лучшею эпохой для кишиневского театра».

Иван Танский принадлежал к той части образованных людей своего времени, чьи взгляды формировались под влиянием прогрессивной русской общественной мысли. Выпускник Первой кишиневской мужской гимназии, а впоследствии ее преподаватель, он заведует одно время первой публичной библиотекой Кишинева, открытой в 1830 г. и постепенно ставшей значительным культурным учреждением области⁴³. Танский на протяжении ряда лет был увлеченным пропагандистом молдавской культуры и литературы на страницах центральной русской прессы⁴⁴. В своих театральных заметках он, как и другие авторы этого периода, постоянно обращается к реакции образованного зрителя, что, как мы убедились, непременно им оговаривается. Танского прежде всего интересует общественный резонанс вокруг того или иного театрального явления. В его заметках, опубликованных в петербургской газете, слышится гордость культурного человека, получившего возможность познакомить широкий круг читателей России с театральной жизнью своего края.

Заметки И. Танского написаны в то время, когда в Кишиневе находилась уже другая постоянная театральная труппа, антрепренером и режиссером которой был Соколов. Это один из тех счастливых случаев, когда во главе театра стоял не делец, а актер. В свое время он играл на киевской сцене и был там одним из знающих свое дело режиссеров, который при скудных средствах находил «способы ставить на сцену новые капитальные пьесы»⁴⁵. В Кишинев он приехал из Одессы вместе с известной балетной труппой Мориса Пиона еще в 1848 г. С тех пор он на многие годы связал свою судьбу с кишиневским театром. Беглые, рассыпанные по разным изданиям того времени отзывы современников дают нам некоторое представление о человеке, много сделавшем для кишиневской сцены. У Хвощинского, автора заметки о кишиневском театре, напечатанной в столичном журнале «Пантеон», мы находим следующее свидетельство: «Сам антрепренер, он же и режиссер, г. Соколов — актер чрезвычайно опытный, и в провинции немного найдется ему равных»⁴⁶. О Соколове пишет и Н. Гербановский, прогрессивный бессарабский литератор, драматург и переводчик пьес Василе Александри на русский язык⁴⁷. В своей статье, опубликованной журналом «Пантеон», он говорит о постоянном пребывании в Кишиневе 50-х годов русской труппы, «которой содержанием почти все время оставался предприимчивый, понимающий свое дело антрепренер г. Соколов. О нем изредка отзывались, нередко и печатно, как об умном режиссере и хорошем артисте»⁴⁸.

По инициативе Соколова в 1852 г. в Кишиневе было построено специальное театральное здание, получившее название нового театра. В очередном своем письме в редакцию «Северной пчелы», опубликованном в 1852 г., И. Танский пишет: «...занялась новая заря для Ки-

⁴³ История Кишинева. Кишинев, 1966.

⁴⁴ И. Осадченко. Литературный Бессарабень. И. Танский или А. Филатов. — «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1966, № 1.

⁴⁵ Репертуар и «Пантеон», т. 10, кн. 9, 1845, с. 91.

⁴⁶ Хвощинский. Кишиневский театр. — «Пантеон», т. 3, кн. 5, 1852.

⁴⁷ Г. Богач. «Ноте де историе литерарэ ши фолклор». — «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1960, № 2.

⁴⁸ Н. Гербановский. Кишиневские театры. — «Пантеон», т. 8, кн. 3, 1853.

шиневского театра: явилось два театра, явилось и соперничество»⁴⁹. Он еще не знает, как относится к этому явлению, оговаривается, что пока неизвестно, выпадет ли на долю театра тот зрительский успех, каким пользовалась труппа Соколова ранее. В следующем своем письме в редакцию, в том же году, Танский вновь обращается к волнующей его теме — существованию в городе одновременно двух театров. Он вспоминает о посещении Кишинева известным театральным критиком и ученым Н. И. Надеждиным: «За десять лет перед сим г. Надеждин, прогуливаясь по Бессарабии, удивился, что в Кишиневе есть Русский театр. Что скажет он теперь, когда узнает, что у нас два театра русских, чего не имеет ни один губернский город в России!»⁵⁰.

В августе 1852 г. в «Одесском вестнике» появилась корреспонденция из Кишинева, написанная по горячим следам событий, — ровно через день после открытия нового театра. Здесь тоже проводится мысль, что неизбежное соперничество двух театров может дать хорошие плоды: «...следовательно, — читаем мы, — в Кишиневе теперь два театра, под управлением разных антрепренеров. Естественно, что от этого должно происходить соревнование, а при подобном условии выигрывают и публика и искусство! От души этому радуемся»⁵¹.

Судя по заметке «Одесского вестника», посвященной открытию театра, Соколов усиленно искал новых путей общения театра со своим зрителем. Автор заметки рассказывает, что режиссер в день открытия не ограничился лишь показом спектакля, а предворил его «некоторого рода интермедиею под названием «Картина о настоящем событии». И далее мы узнаем, что актеры театра «в изящной прозе и прекрасных стихах доказали пользу театра, влияние его на нравы и образование народа, потом перешли к нынешнему состоянию сценического искусства в России», причем автор упоминает об использовании в этой интермедии «отрывков из академических диссертаций».

Об определенной тяге антрепренера Соколова к просветительству, об его желании видеть у себя в театре публику, стоящую в своем понимании целей и назначения театрального искусства на уровне своего времени, и по мере сил помогать ей в этом, говорит еще один интересный факт, рассказанный Н. Гербановским в журнале «Пантеон». К недостаткам так называемого старого театра, руководимого в свое время Соколовым, а потом снятого двумя бессарабскими помещиками, которые не сумели сохранить традиции так называемой «художественной антрепризы», он относит «уничтожение прежде всего бывшего фойе, в котором посетитель мог пользоваться некоторыми журналами и периодическими изданиями». Этот пример говорит нам о том, что театр в 50-е годы берет на себя и функцию пропаганды театрального искусства, объяснения его общественной значимости и специфики, т. е. пытается решать те задачи, которые могла бы взять на себя местная пресса. Но как известно, «Бессарабские областные ведомости» стали выходить в Кишиневе лишь в 1854 г. и к тому же по целому ряду причин первые годы своего существования освещением театральной жизни не занимались.

В заметках, о которых уже упоминалось, мы остановились лишь на вопросах, концентрирующихся вокруг проблемы «театр и зритель» — самой злободневной для рассматриваемого периода времени, когда

⁴⁹ И. Танский. Кишинев, 5-го июля. (Из письма в редакцию «Северной пчелы» от г. Ивана Танского). — «Северная пчела», 1852, № 168, 28 июля.

⁵⁰ И. Танский. Письмо из Кишинева. — «Северная пчела», 1852, № 234.

⁵¹ М. З. Кишиневский театр. — «Одесский вестник», 1852, № 71.

театр начинает играть все большую роль в общественно-культурной жизни Кишинева. Знаменательно, что к концу пятидесятих годов кишиневские корреспонденты все более решительно проводят для читателей мысль о том, что театр — школа нравов, действенная общественная трибуна. В статье «Театр в Кишиневе», опубликованной в 1858 г. в «Театральном и музыкальном вестнике», мы читаем: «...театр уже немногими почитается средством убить время или делом, противным нравственности, как это делалось прежде; напротив, теперь большинство начинает понимать цель и несомненную пользу сценических представлений. Многие уже понимают, что театр есть зеркало, в котором каждый может видеть современную жизнь с малейшими ее оттенками, и, смотря в него, постепенно охорашиваться»⁵². Автор здесь обнаруживает свое знакомство с гоголевской эстетической концепцией театра. Важным для нас является и понимание им того, что именно современность, пришедшая на сценические подмостки с новой русской драматургией, становится для зрителей главной притягательной силой театра.

М. П. ПОЛЮХОВА

О НЕКОТОРЫХ СТИЛЕВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ МОЛДАВСКОГО КИНОИСКУССТВА В РЕШЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕМЫ

Для творчества советских художников огромный интерес представляет не только действительность сегодняшнего дня — это всегда было и остается генеральной линией в развитии нашего искусства, — но и осмысление его живой революционной истории.

Анализируя исторические и историко-революционные фильмы, созданные на киностудии «Молдова-фильм», можно заметить прежде всего два основных направления, два основных стилевых течения. Одно из них характеризуется заметным преобладанием романтического начала, поэтической приподнятости и укрупненности. Другое отмечено явным стремлением к психологизму, сдержанно-повествовательным тоном в изложении событий. Именно тут следует искать те основные морфологические признаки, по которым мы объединяем и различаем такие, к примеру, фильмы, как «Атаман кодр», «Ждите нас на рассвете», «Красная метель», «Лаутары» — с одной стороны, и «При попытке к бегству», «Последняя ночь в раю», «Сергей Лазо», «Взрыв замедленного действия», «Зарубки на память» — с другой. Ведущим и наиболее характерным нам представляется сейчас именно романтическое направление.

Прежде всего сказывается сам жизненный материал, к которому обращаются кинематографисты, — яркий, героический. От овеянного романтикой гайдуцкого движения, в котором находила в прошлом выход извечная мечта народа о свободе и человеческом достоинстве, до широкого движения народных масс, вооруженных революционными идеями, — эти этапы истории молдавского народа отмечены событиями,

⁵² А. Матер. Театр в Кишиневе. — «Театральный и музыкальный вестник», 1858, № 17.

полными драматизма, остроконфликтными ситуациями, рождавшими героев, которые навсегда вошли в историю народа, его память, его легенды.

Этим определяется соответствующее внимание и выбор режиссерами кинодраматургического материала. Литературной первоосновой таких фильмов, как правило, оказываются сценарии, написанные самими режиссерами-постановщиками, отличающимися романтически направленным мышлением, либо авторами, близкими им по художественному мировосприятию. Наиболее показательным примером в этом смысле может служить творчество поэта и кинорежиссера Э. Лотяну. И его дебют в большом кинематографе — фильм «Ждите нас на рассвете» и «Это мгновение» и недавняя его работа «Лаутары» поставлены им по собственным сценариям.

Касаясь жанровой характеристики нашего кино, мы можем говорить, что оно сделало первые довольно успешные шаги в освоении героико-романтической баллады, поэмы и романтической киноповести.

Вполне удачно использован жанр героико-романтической баллады в фильме «Атаман кодр»⁵³, возвестившем, по сути, о рождении молдавской художественной кинематографии. И само гайдуцкое движение, и фигура Тодора Тобултока, одного из выдающихся предводителей этого движения, сохранились в памяти народной одновременно и как факт истории, и как плод поэтической фантазии.

Народно-балладный строй произведения, романтический угол зрения его авторов проявляется во всем течении фильма, в его опорных пунктах, начиная с одного из начальных эпизодов, когда в доме боярина Леликовского распахивается окно и на фоне зловещих туч появляется внушающая боярину страх фигура гневного мстителя Тобултока. Неслучайно значительное место в фильме занимает сюжетная линия: офицер Богдескул — Тобулток. Авторы опять-таки в подчеркнуто романтической интонации сводят судьбы этих людей в самые острые, опасные для жизни того и другого моменты. В общем ключе героико-романтической баллады подаются в фильме тема роковой любви Алексы к Иустинии; эпизод в корчме, раскрывающий широту души сподвижников Тобултока, их веселость и чувство товарищества, смелость и народную смекалистость, наконец, финал картины, — гибель героев, о которой рассказано величаво, возвышенно.

Романтический образ финала при всей его трагичности позволяет авторам утвердить идею бессмертия народных героев. От фильма «Атаман кодр» пролегли потом пути в молдавском кинематографе к жанрам романтической киноповести и романтической кинопоэмы. И если, осваивая первый из этих жанров, наши кинематографисты делали упор на традиции героики борьбы народных масс («Ждите нас на рассвете» или «Красная метель»), то главным в недавно опробованном жанре поэмы («Лаутары») стал мир поэтических народных представлений о вечной красоте любви, о вечной красоте творчества.

Можно провести некоторые параллели между выбором материала, его осмыслением и подачей в фильмах «Атаман кодр» и «Лаутары». И в том и в другом фильме авторов привлекают яркие, легендарные в памяти народной страницы истории, — в одном связанные с неуязвимым творчеством народных музыкантов-лаутаров, в другом — с борьбой бесстрашных гайдуков. Кстати, в «Лаутарах» среди его героев,

⁵³ Сценарий С. Молдавана и О. Павловского, режиссеры-постановщики Б. Рыцарев, О. Улицкая; гл. оператор В. Дербенев, художник А. Матер, композитор Д. Федов; производство 1958 г.

музыкантов-лаутаров, мы видим и гайдуков. В фильме даже подчеркивается схожесть их судеб, проявляющаяся в любви к ним простого люда, в страхе перед ними со стороны помещичьей знати, в преследовании их. И в том и в другом фильме, так или иначе рассказывающем о судьбах народа, главными действующими лицами оказываются фигуры одновременно и исторические, и легендарные, а потому изображаемые в романтическом ореоле (в последнем фильме за образом и судьбой Тома Алистара стоит широко известный в прошлом столетии молдавский скрипач Барбу Лэутару). Зрителям передается поэтическое представление авторов о красоте и щедрости души народа, его незаурядном творческом таланте, который, пробиваясь через все тяготы жизни, полногласно заявлял о своей чудодейственной силе. Уже с картин детства героя фильм вводит нас в атмосферу необычную, по-своему экзотическую, где резко сталкиваются доброта и жестокость, любовь и ненависть, захватывая нас яркостью своих красок. С первых же эпизодов совершенно определенно намечается основной конфликт произведения: духовное богатство и щедрость сердца художника, богатство и щедрость искусства и сознание социальной отверженности, клейма касты гонимых. Фильм резко отличается от обычных повествовательных кинолент выходящим за рамки обычного материалом, его поэтическим изложением, проявляющимся и в композиционном строе, и в щедром использовании красок и музыки, и в метафоричности киноязыка. С первых же кадров он заявляет о себе как о романтической кинопоэме. Две основные темы, постоянно переплетаясь, определяют содержание и смысл ее — Любовь и Творчество. подача темы в фильме романтически обобщена и укрупнена.

Подобно тому, как «Атаман кодр» пронизан верой в бессмертие народных героев — гайдуков, фильм «Лаутары» воспринимается как гимн неумиравшему музыкальному гению народа, щедрой красочности его искусства. Мы слышим это в богатой музыкальной партитуре картины (композитор Е. Дога), ощущаем в жизни главного героя, мы чувствуем это и в символической преемственности, единности самого имени — Тома Алистар. Это имя носил не только отец героя, но и сам герой. А после его смерти имя славного музыканта наследует самый молодой и одаренный скрипач «банды Тома Алистара». Эта символика преемственности, бессмертия народного искусства находит свое убедительное выражение в образном строе картины.

Надо отдать должное сценаристу и постановщику Э. Лотяну, главному оператору В. Калашникову, художникам Георгию и Марianne Дмитриу, композитору Е. Доге — всему постановочному коллективу: они создали яркое, самобытное, высокопрофессиональное кинопроизведение, подкупающее возвышенной поэтичностью, богатством художественной фантазии. Не случайно фильм получил один из главных призов и две национальные премии на XX Международном кинофестивале в испанском городе Сан-Себастьяно. И все же нам думается, драматургия фильма, его философия не лишена недочетов. Они сказываются в определенной замкнутости, неразвернутости основного конфликта и характера главного героя. Драма Тома Алистара подается в фильме как некая роковая предопределенность — без раскрытия социальных связей и обусловленностей.

И второй очень важный момент, на который следует обратить внимание. В теме творчества — ведущей в фильме — основной акцент сделан на конфликте народного искусства с официальным обществом. Это

само по себе вполне правомерно, но и односторонне. В стороне остались взаимоотношения художника и народных масс.

*
*

Возвращаясь к разговору о жанрово-тематической направленности наших лент, хочется отметить, что материал далекой истории получает у наших кинематографистов более вольную, более отвлеченно-романтическую трактовку, чем сюжеты, навеянные недавней историей революционной борьбы народа. Объяснить это можно, в частности, тем, что недавняя история отмечена максимальной социальной определенностью тех или иных жизненных коллизий, событий, характеров, воссоздаваемых в произведении. Здесь с особой силой сказывается потребность художника следовать правде конкретного исторического факта, зачастую овеянного революционной романтикой.

Первым произведением такого плана явилась лента «Ждите нас на рассвете», поставленная Э. Лотяну по сценарию, написанному им при участии И. Прута и снятая оператором Л. Проскуровым (1963 г.). В его основу был положен реальный исторический факт. Весной 1919 г. в тылу королевских румынских войск, оккупировавших территорию Бессарабии, действовал небольшой отряд Красной Армии под командованием одного из сподвижников легендарного Котовского — Штефана Няги. Беззаветная преданность революционному делу, выдержка и отчаянная смелость позволила небольшой группе бойцов в исключительно сложных условиях раздобыть боеприпасы и прорваться через Днестр к своим.

Сама революция трактуется в фильме как великая историческая сила, которая озаряет путь к новой жизни. Она сзывает под свои знамена людей различных социальных слоев, разных национальностей, разных характеров. И каждый приходит в нее со своими заветными мечтами и устремлениями, твердо веря, что только она в состоянии их осуществить.

Жаждет с винтовкой в руках отстаивать право на землю бедняк-крестьянин Кулай Дору. Его ведет в революцию весь прошлый опыт горькой жизни, изнурительного подневольного труда на помещика, обостренное социальное чутье. Для него победа революции — это земля крестьянам без помещиков. В этом сказывается его глубокая внутренняя связь с жизненной программой молодого железнодорожника Алеша Демина.

А рядом с ними — перешедший на сторону революции румынский офицер Мирча Ласку. Человек чести, действенного анализа происходящих событий, он порывает с прошлым, чтобы сознательно и до конца защищать то, что он признал наиболее правым и справедливым. Мы догадываемся, что и для отбившегося от табора Фане Фелинаре приход в революцию связан с решением важных для него жизненных проблем. Романтическая судьба привела в строй красноармейцев и солдата Будапештской оперы Лайоша.

И шестой отважный герой — крестьянин Штефан Мугурел. Потомственный землепашец, он берется за винтовку, чтобы скорее принести мир земле, истосковавшейся, как и он, по крестьянскому труду. Психология его раскрыта в фильме с наибольшей определенностью и полнотой.

Психологическое начало в фильме соседствует нередко с элементами открытой романтики, пронизывающей весь образный строй фильма. Романтический «ключ» довольно отчетливо звучит в изо-

бразительном решении ленты. Достаточно проанализировать, например, метафорический кадр: навстречу огромному восходящему над миром солнцу мчатся всадники революции. С этим и ему подобными кадрами перекликается само название фильма — «Ждите нас на рассвете», звучащее явно символически. Соответствует духу картины и музыка, написанная композиторами Г. Нягой и В. Сырохватовым и основанная на мотивах народных молдавских мелодий.

Романтические черты, свойственные молдавскому кинематографу, проявились в поставленном В. Паскару по сценарию Г. Маларчука фильме «Красная метель» (1971 г.), также рассказывающем об одной из героических страниц революционной истории молдавского народа.

В фильмах, о которых идет речь выше, в центре повествования стоял один или несколько героев (как, скажем, шестеро бойцов в фильме «Ждите нас на рассвете», — не случайно первоначально названном «Одиссея шестерых»), в «Красной метели» же главным действующим лицом оказывается не только Козма Калмацуй, но и собирательный образ вовлекаемого в революционную борьбу крестьянства. Сценарист стремится через население Барсуков проследить судьбы разных людей в этот поворотный момент истории. Мы видим представителей разных социальных сил, различных по своим устремлениям — скажем, кулак мош Фанас и безземельный цыган Балабан, солдат-большевик Калмацуй и сын священника Леонаш, паренек Костакел и еще многие другие. Одни из них, как Козма Калмацуй, активно действуют в революции и вовлекают в нее других, для иных (а таких большинство) нужен только небольшой толчок, весомое слово убежденного человека, чтобы следовать за ним в революцию. И крестьянин Фока, и солдат Артюхов, и многодетный кузнец Балабан — вся барсучанская беднота понимает, что от их личного участия зависит их дальнейшая судьба и быть или не быть в Барсуках новой, свободной жизни.

Фильм «Красная метель» удачно продолжает героико-романтическую линию в молдавском кинематографе. Со всей определенностью можно считать, что эта картина — еще один успешный шаг в освоении историко-революционной темы. К сожалению, значительных успехов нет в повествовательно-психологическом кинематографе (лучшими здесь следует признать картины В. Гажиу «Взрыв замедленного действия» и «Последний гайдук»).

Дальнейшая разработка не только романтического, но и психологического направления в художественном осмыслении исторической и историко-революционной тематики неминуемо будет связана с более активным использованием жанрового разнообразия, с более широким и смелым выбором жизненных коллизий, достоверных конфликтов. На этом пути молдавских кинематографистов ждут интересные художественные поиски и открытия.

РЕЦЕНЗИЯ

Г. С. ЕНТЕЛИС

ДЕМОГРАФИЯ И ЭТНОС

На XXIV съезде КПСС подчеркивалась необходимость постоянно учитывать национальные и интернациональные факторы в развитии общества. Советские исследователи пристально изучают динамику и законы развития интернационализма, неуклонное усиление его роли. В этом плане представляет значительный интерес вышедшая в 1973 г. книга заведующего Отделом этнографии и искусствоведения АН МССР кандидата исторических наук В. С. Зеленчука «Население Молдавии (Демографические процессы и этнический состав)».

Работа В. С. Зеленчука является одной из первых, в которой последовательно раскрываются процессы, предопределяющие многонациональный состав населения Молдавской ССР. По существу, это исследование в новой научной области — этнической демографии. Автор поставил перед собой задачу показать связь закономерностей демографического развития с особенностями этнического состава, зависимость динамики демографических показателей от социальных условий жизни. Особое внимание В. С. Зеленчук уделил вопросам эволюции этнического состава и размещения национальностей на территории Молдавской ССР в настоящее время. Здесь исследуются также изменения численности представителей некоторых национальностей в разные исторические периоды. Все это в конечном итоге позволяет лучше понять процессы консолидации, ассимиляции, сближения национальностей в культуре, быту, образе жизни.

В труде весьма убедительно показаны процесс формирования молдавской народности (XIII—XIV вв.), возрастание многонациональности населения на территории между Днестром и Прутом, а также в левобережье Днестра, особенно начиная с первой четверти XIX в.

Автор излагает мнение, что многонациональное заселение Молдавии происходило различными путями — и стихийно, и организованно. Приток сюда населения объясняется многими причинами, но главным образом существованием в крае свободных земель и отсутствием крепостного права. В результате правительственной колонизации в Бессарабии и левобережных районах Днестра появились новые национальные группы: болгары, гагаузы, немцы и др. В ходе этнических контактов населения происходила естественная ассимиляция молдаванами отдельных групп украинского, русского, польского и цыганского населения, конечно, не без взаимного влияния культуры народов, живших в крае.

Демографические процессы характеризовались высоким уровнем естественного и механического прироста населения. Особенно большой механический прирост населения наблюдался в первой половине XIX в., в результате чего Бессарабия превратилась в одну из наиболее густонаселенных губерний России. Однако в конце XIX в. усиливается миграция крестьян из Бессарабии на Украину, Кавказ, Крым, Среднюю Азию и на Дальний Восток.

В 20—30 годах XX в. для демографических процессов Бессарабии характерны высокий уровень смертности и низкий естественный прирост. Вскрывая социальные корни этого явления, автор указывает на ухудшение экономического положения широких масс трудящихся, плохое медицинское обслуживание. Высокий уровень смертности и возросшие масштабы миграции значительно уменьшили численность особенно городского населения Бессарабии.

Значительный интерес представляет вторая часть книги, в которой освещается процесс изменения численности национального состава населения Молдавии за годы Советской власти. За 1940—1972 гг. численность населения Молдавской ССР возросла на 1 млн. 62 тыс. человек. Этот процесс сопровождается неуклонным повышением его культуры, образования, увеличением продолжительности жизни, что является результатом последовательной социальной и интернациональной политики КПСС и Советского государства.

Закономерным следствием превращения Молдавии из отсталой аграрной в индустриальную республику является существенное изменение численности городского населения. В настоящее время удельный вес городского населения страны увеличился до 59%. Этот процесс характерен для всех республик страны, причем темпы роста городского населения выше там, где ранее доля его в общей численности была меньше. Так, если в целом по СССР по сравнению с 1959 г. оно возросло, по данным переписи, на 36%, то в Молдавии — почти на 76%. В 1973 г. городское население республики достигло около 1,3 млн. человек и составляло 35 процентов всего населения МССР.

Социалистические преобразования в МССР изменили также социально-классовую структуру общества (см. таблицу), взаимоотношения между национальностями, которым теперь присуща однотипная социально-классовая структура.

Изменениям подверглась и этническая структура населения МССР, возросла абсолютная численность почти всех народов, живущих на территории республики. При этом наибольший прирост наблюдался среди молдаван, украинцев и русских. В целом по СССР численность молдавского населения за 1959—1970 гг. увеличилась на 483,9 тыс. человек, в том числе в Молдавии — на 417,3 тыс. Почти вдвое увеличилось число молдаван в Белоруссии, Эстонии, Армении и других республиках, в четыре раза — в Литве, в шесть раз — в Латвии. Все это является убедительным доказательством поступательного этнического развития молдавского народа и еще одним опровержением лживых домыслов буржуазных фальсификаторов о якобы наблюдающемся сокращении численности молдаван. Параллельно с коренной национальностью в Молдавской ССР растет многонациональность.

Этот процесс наблюдается во всех республиках страны и является характерной чертой сближения наций в СССР. Так, например, в Российской Федерации, кроме русских, проживает свыше 22 млн. человек других национальностей, в то же время вне РСФСР находится свыше 21 млн. русских. На Украине, кроме украинцев, живет около 12 млн. представителей других национальностей, а вне Украины — 5,5 млн. украинцев. В Белоруссии — около 2 млн. людей других национальностей, и почти 2 млн. белоруссов проживает вне БССР.

По мере ускорения темпов развития экономики и культуры страны продолжает возрастать межреспубликанская миграция, способствующая развитию производительных сил и расширению интернациональных связей.

Известно, что влияние этнических элементов на компоненты среды всегда идет через материальное производство. Поэтому, на наш взгляд, следовало шире отразить на страницах книги именно эти процессы. В связи с усилившейся в последние годы социологизацией демографической науки к анализу проблемы следовало шире привлечь и социологические материалы.

Хотя книга невелика по объему, она отличается емкостью содержания, широтой охвата многих этно-демографических проблем. Работа снабжена библиографией, картами этнического состава городского и сельского населения Молдавии. Они составлены на основе материалов Всесоюзной переписи населения СССР 1970 г. На них указаны все городские поселения и села с численностью свыше 500 человек, однопациональные поселения, а также отдельные инопациональные села, отмечены районы с этнически смешанным населением разных подрайонов республики. И это особенно ценно, так как в республике этническая картография слабо развита.

В этом интересном издании на материалах союзной республики показано, что с укреплением межнациональных связей, расширением и углублением процесса усвоения нацией прогрессивных достижений других народов полнокровнее ее собственный рост. Книгу с интересом прочтут как специалисты, так и все интересующиеся социальными процессами в нашей республике.

Население МССР	Годы	
	1959	1970
Все население МССР, в % (включая неработающих членов семей) в том числе:	100	100
Рабочие	21,9	36,3
Интеллигенция и служащие	10,1	13,9
Колхозное крестьянство	67,5	49,6
И другие	0,5	0,2

СОДЕРЖАНИЕ

- Б. К. Визер, П. В. Советов, В. С. Зеленчук, Н. А. Демченко.* История и этнография Советской Молдавии (историографический обзор) 3

ФИЛОСОФИЯ И ПРАВО

- Д. Т. Урсул, А. И. Бабий, П. А. Ковчegov.* Развитие философской мысли в Молдавии за годы Советской власти 22
Н. А. Победа. К вопросу о понятии «урбанизация» и ее социально-культурном аспекте 41
П. И. Заводнова. Некоторые аспекты специфики отражения в морали 49
М. А. Ионис. Проблема отчуждения в работах молодого Маркса 56

ЭТНОГРАФИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- Н. А. Демченко.* Способы обработки зерна в Молдавии в XIX—нач. XX в. 63
Н. М. Калашикова. Коллекция женского национального костюма в фондах Государственного музея этнографии народов СССР 74
Н. Н. Рожковская. Русская пресса середины XIX в. о театральной жизни Бессарабии 84
М. П. Полохова. О некоторых стилевых особенностях молдавского киноискусства в решении исторической темы 88

РЕЦЕНЗИЯ

- Г. С. Ентелис.* Демография и этнос 93

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР

Серия общественных наук, № 2, 1974 г.

Редактор *Р. Б. Цвик*
Художник *С. Е. Одайник*
Художественный редактор *В. А. Чупин*
Технический редактор *Н. В. Попеску*
Корректор *А. Г. Штейнгаус*

Издательство «Штиинца», 277028, Кишинев, ул. Академическая, 3.

Сдано в набор 12/VI 1974 г. Подписано к печати 21/VIII 1974 г. АБ08401. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 1. Печ. л. 6,0. Усл.-печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 8,16. Тираж 450. Цена 45 коп. Зак. № 444.

Типография издательства «Штиинца», 277004, Кишинев, ул. Берзарина, 10